

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ СТАВРОПОЛЬСКОГО КРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
СТАВРОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА
В ИСТОРИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ
ИСТОЧНИКАХ СТАВРОПОЛЬЯ**

Хрестоматия

**Часть I
ПОЭЗИЯ**

Ставрополь
2009

УДК 016:882
ББК 91.9:83+83.3(2Рос-Рус)6
А 72

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
ГОУ ВПО Ставропольского государственного
педагогического института

Научный редактор

доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Е.Г. Пономарев

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор ***Т.К. Донская***,
Заслуженный учитель России ***Е.М. Шеронова***

Автор-составитель:

доктор юридических наук, кандидат филологических наук, профессор,
Почетный работник высшего профессионального образования РФ
Е.Н. Атарщикова

**Антропологическая проблематика в исторических и литера-
турных источниках Ставрополя:** Хрестоматия. Часть I:
Поэзия. – Ставрополь: Изд-во СГПИ, 2009. – 174 с.

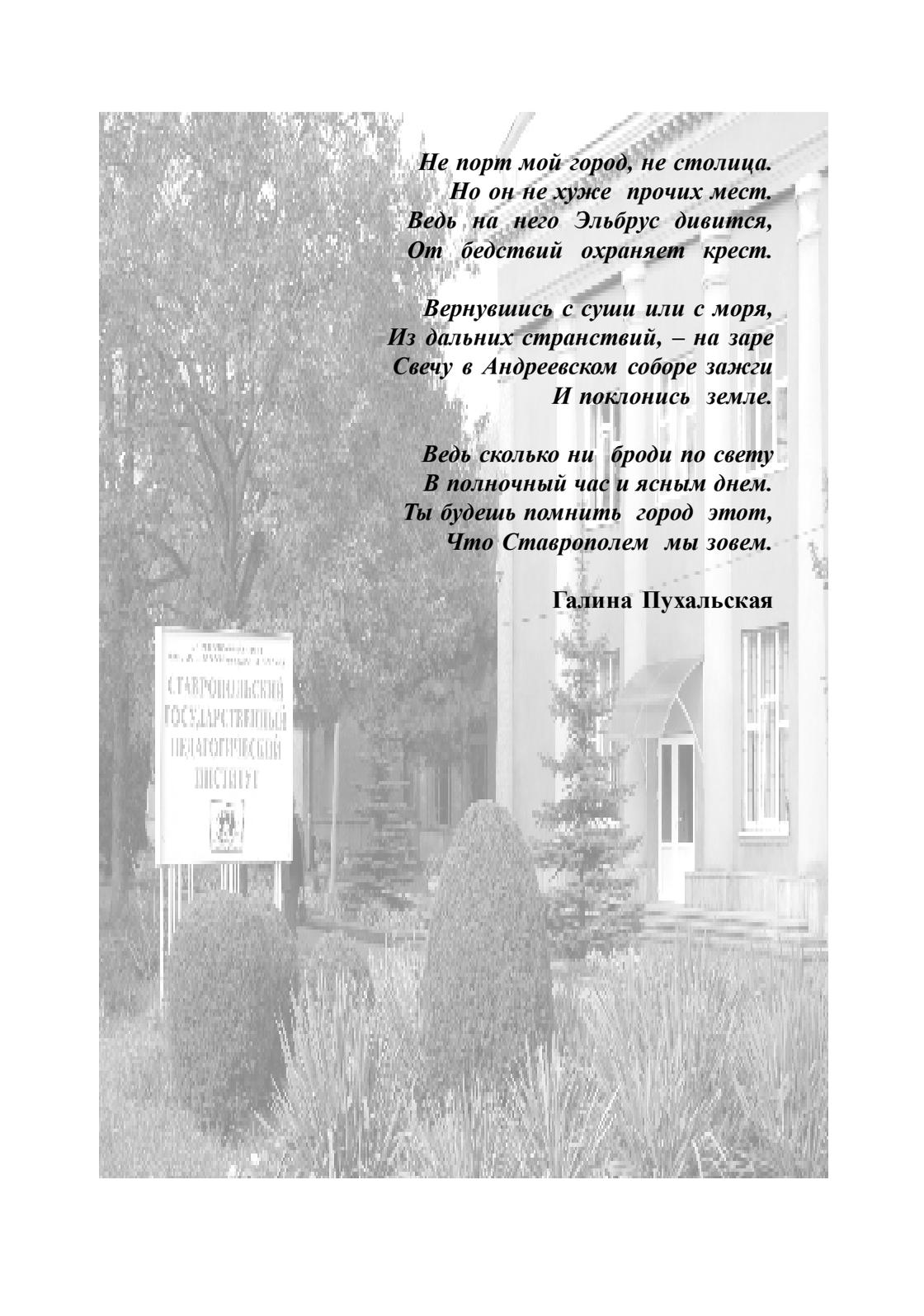
Поэтические материалы хрестоматии подобраны в соответствии с национально – региональным компонентом государственного стандарта общего образования по литературе, осуществляемом на трех ступенях общего образования: начальном общем, основном общем, среднем (полном) общем образовании.

Издание предназначено для учителей средних учебных заведений Ставропольского края, студентов гуманитарных специальностей педагогических вызов, родителей, учащихся.

Работа над хрестоматией выполнена сотрудниками ВНИК «Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в высшей и средней школе» лаборатории «Антропология детства», финансируемой Правительством Ставропольского края.

УДК 016:882
ББК 91.9:83+83.3(2Рос-Рус)6

© Ставропольский государственный
педагогический институт, 2009

*Не порт мой город, не столица.
Но он не хуже прочих мест.
Ведь на него Эльбрус дивится,
От бедствий охраняет крест.*

*Вернувшись с суши или с моря,
Из дальних странствий, – на заре
Свечу в Андреевском соборе зажги
И поклонись земле.*

*Ведь сколько ни броди по свету
В полночный час и ясным днем.
Ты будешь помнить город этот,
Что Ставрополем мы зовем.*

Галина Пухальская

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ты весь, мой край,
Ты вся, Россия,
С горами, покосами,
С дымкой дорог
И дальними соснами
В сердце моем
Навсегда
Уместилась.

Г. Колесников

Литература Ставрополя является составной частью великой культуры России и многовековой истории страны. Важнейшие ее страницы, события получили отражение в произведениях художественной литературы, поэтических строках, историко – литературных исследованиях, публикациях, посвященных различным этапам развития России.

Литературное краеведение – один из самых драгоценных камней в сокровищнице культуры Ставрополя. Разрабатываемый учебно – методический комплекс «Литература Ставрополя» направлен на повышение уровня образовательной и речевой культуры учащихся, приобретение умений и навыков коммуникации. Он расширит представления о малой Родине, поможет школьникам и студентам узнать историю и культуру родного края, познать красоту души и величие дел наших земляков

В учебно – методический комплекс элективного (спецкурса) курса входят:

1). Литература. Авторский проект регионального компонента государственного образовательного стандарта.

2). Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: библиографический указатель.

3) Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Часть 1. Поэзия.

4) Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя: Хрестоматия. Часть 2. Проза.

Коллектив ВНИК ««Обеспечение антропологического контекста исторического и филологического образования в высшей и средней школе» на основе регионального компонента государственного стандарта общего образования разрабатывает дополнительно документы, обеспечивающие его реализацию: примерные программы по литературе регионального компонента; контрольно – измерительные материалы; диагностические материалы.

В настоящем издании представлена хрестоматия «Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя» в двух частях, отражающая региональный компонент государственного стандарта общего образования по литературе, осуществляемый на трех ступенях общего образования: начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование.

Хрестоматия «Антропологическая проблематика в исторических и литературных источниках Ставрополя» в двух частях – важнейший элемент учебно – методического комплекта элективного курса.

Цель – всестороннее изучение литературной культуры родного края.

Конкретные задачи:

- освещение исторического возникновения и развития традиционной литературы в регионе;
- изучение путей взаимодействия литературного творчества;
- воспитание эстетического отношения к произведениям традиционной и профессиональной литературы;
- развитие творческих способностей и навыков, формированию мотивации к их применению;
- интеллектуализацию, выработку своего собственного духовного опыта каждым обучаемым, будь то школьник или студент.

Новизна предлагаемого издания определяется новым содержательным материалом, причем некоторые произведения публикуются впервые; ориентацией хрестоматии на разнообразные формы организации учебно – воспитательного процесса как в вузе, так и в школе; приоритетом подбора материала во время учебной архивной и музейной практик.

Литературное краеведение – это краеведческая работа, понимаемая, как сознательное и систематическое изучение источников, отражающих:

- художественные, публицистические произведения о крае;
- произведения отечественной литературы о конкретном регионе;
- произведения выдающихся деятелей литературы и искусства, написанные во время пребывания их на территории изучаемого региона;
- сведения о людях, приехавших сюда и живших здесь, писавших здесь свои произведения или делавших здешнюю жизнь предметом своего изображения.

Литературное краеведение Ставрополя – это:

- художественные произведения о крае, пронизанные идеями добра и благородства, расширяющие представления о «малой родине», показывающие красоту души и величие дел земляков: картины природы, уникальные пейзажи гор и степей, образы людей предшествующих поколений, живших на земле Ставрополя, их обычаи и традиции, а также яркие исторические события, происходившие здесь;
- творчество писателей, поэтов, публицистов, общественных деятелей Ставрополя;
- произведения отечественной культуры в силу той исторической роли, которую Северный Кавказ играл в жизни России в течение последних столетий;
- просветительская деятельность ученых, художников, журналистов, публицистов, общественных деятелей, которые биографически и творчески связаны со Ставрополем;
- творческая деятельность русских писателей, родившихся на благодатной земле Северного Кавказа, ушедших в большую литературу, но оставшихся летописцами края;
- художественные произведения народов Северного Кавказа (горская литература).

Изучение литературы региона направлено на формирование представлений о литературе как одном из наиболее содержательных явлений художественной культуры, о ее развитии в контексте общей культуры региона со своей спецификой: национальной, территориальной, исторической, художественной. Обязательный минимум по литературе включает в качестве основных ценностей и достижений перечень произведений, представляющих собой инвариантную часть любой программы литературного образования, обеспечивающую национально – региональный компонент основного общего образования.

В хрестоматии собраны лучшие произведения художественной литературы писателей Ставрополя, посвященные и предназначенные юным читателям, школьникам, студентам. Она может быть использована учителями средней школы как дополнительный источник при изучении программы по литературе I – XI классов и преподавателями – филологами при формировании дисциплин национально – регионального компонента.

В конце XX – начале XXI веков большую работу по изучению литературного наследия Ставрополя проделали ученые и учителя. При составлении хрестоматии автор опирался на такие работы, как:

- Писатели – классики и Кавказ // Под ред. Витковской Л.В.– Ставрополь, 1985;
- Литература народов Северного Кавказа: художественные и методологические проблемы изучения. – Карачаевск, 1991;
- Полухина В.П. Методические рекомендации к учебной хрестоматии «Литература», 5 кл. – М, 1992;
- Сидоренко З.Я. Литература Ставрополя и Северного Кавказа. Рекомендации к урокам спецкурса. 5 класс. – Ставрополь, 1995;
- Щербань З.А. Произведения писателей Ставрополя – детям: Хрестоматия для учащихся 1 – XI классов в 3 – х частях. – Ставрополь, 1998;
- Хрестоматия по литературе Ставрополя «Частица Родины моей». – Ставрополь, 1998;
- Литература народов Ставрополя и Северного Кавказа // Под ред. Сидоренко З.Я. – М., 1998;
- Тебе, Кавказ, суровый царь земли: Хрестоматия по литературе Ставрополя. – вып. 3. – Часть 1. – Ставрополь, 1999;
- Фесенко О.П. Литературное наследие: Программа. Планы практических занятий. – Ставрополь, 2000;
- Литература Ставрополя: Учебник для начальной школы / Составители Сидоренко З.Я., Шабалдас А.Е. – Ставрополь, 2000;
- Логвинов В.А. Методические рекомендации по изучению курса «Литература Ставрополя». – Ставрополь, 2000;
- Литературное краеведение Ставрополя. 5 – 8 кл. – Ставрополь, 2001;
- Гогоберидзе Г.М., Кунижева С.М., Найдено С.Г., Толпаева Г.П., Фесенко О.П. – Литературное краеведение Ставрополя. Региональный учебник для 5 – 8 классов. – Ставрополь, 2002;
- Чекалов П.К. Литература народов Северного Кавказа. Курс лекций. Ч.1. – Ставрополь. 2003;
- Протасова Н.В. Русская литература для детей и юношества: Методические рекомендации по проведению СКР. – Ставрополь, 2005 и др.

Многие произведения писателей Ставрополя переложены на музыку композиторами Н.Зинченко. Его внимание привлекли стихи В.Ащеулова, А.Екимцева, И.Кашпурова, Г.Фатеева и мн. др.

К 200 – летию Ставрополя выпущена пластинка с песнями: “Песня о Ставрополе” (муз. Н.Зинченко, сл. В.Ащеулова), “Мой город” (муз. Н.Зинченко, сл. В.Кудинова), “Песня о Ставропольском крае” (муз. Адаурова, сл. В.Марьянского), “Ставропольский вальс” (муз. Н.Конева, сл. Г.Орловского) и др.

Хрестоматия состоит из двух частей: Часть I – поэзия; Часть II – проза. Произведения отобраны, главным образом, из сборников оригинального жанра, а также из периодической печати. Кроме того, в хрестоматию включены некоторые неопубликованные тексты, взятые у авторов и частных собраний составителей.

Автор – составитель выражает благодарность за помощь в сборе материалов, вошедших в хрестоматию, директору библиотеки СГПИ Мамедовой Э.М., доц. Каменевой Г.Н., доц. Трембиковой А.А., доц.Халяпиной Л.В., ст. преп. Крупиной О.В., главному библиографу отдела краеведческой литературы и библиографии Ставропольской государственной краевой универсальной библиотеки (СГКУНБ) им.М.Ю.Лермонтова Трубицкой Г.А., а также студентам историко – филологического факультета: Волковой Е., Шаповаловой М., Ткаченко В.

Нина Авраменко (Род. 1941)

Авраменко Нина Ивановна была пятым ребенком в многодетной семье. Отец погиб, когда ей было полгода, и маме пришлось самой поднимать пятерых детей. Поэтому очень рано Нина пошла работать и практически с пятнадцати лет жила с двойной нагрузкой: училась и работала. Очень много читала и увлекалась поэзией, которая заставляла быть сильной, верить в лучшее. Нине Ивановне всегда везло на хороших людей: в школе были замечательные учителя, мудрые

и требовательные; к читающей и певучей семье тянулись добрые люди. Их судьбы всегда интересовали Авраменко, становились сюжетами для стихов и небольших рассказов, которые публиковались в газетах. В поэзии наставником считает ростовского поэта Николая Михайловича Скребова.

Поэтесса всегда верила в то, что все окружающие ее люди интересны и достойны уважения. Она верила и верит в любовь; верит, что конфликты можно разрешать мирным путем, что рано или поздно люди отречутся от войн, межнациональных и религиозных конфликтов; верит, что только добро все-таки; верит в будущее и светлую судьбу страны. В стихотворениях Нины Ивановны Авраменко звучит призыв сохранять все лучшее в себе, служить людям, не требуя ничего взамен, учиться состраданию и милосердию, любить свою родину и своих близких, верить и творить только добрые дела.

Многие произведения Авраменко переложены на музыку композиторами Николаем Васильевичем Аполоновым (руководитель народного хора «Селяночка» в г. Михайловске) и Юрием Сергеевичем Скворцовым. Их внимание привлекли такие стихи, как «Провожала мать сынка», «Двое нас – любовь одна», «Все потому лишь, что люблю», «Ой, да не шуми, не пой, река...», «Ах ты осень желтолицая...», «Дела военные» и др.

Нина Ивановна говорит в своих стихах, что она находится «в мучительном плену у строчки». Так пусть же этот «плен» продлится как можно дольше и поэт еще не раз порадует почитателей своего таланта многими замечательными поэтическими сборниками

Все мы ранены войной

Навстречу юбилейной дате
Концерт готовит ребятня.
Ожили песни о солдатах,
Россию спасших от огня.

И веря в воспитанье свято,
И верность памяти храня,
О Бухенвальде, о набате
Решили спеть учителя.

Мы песню гнева и печали,
Как эстафету, им несли,
Боялись: вдруг в огромном зале
Нам пониманья не найти.

И вот на сцене ад воскресший:
В концлагерь узников ведут.
Вдруг замер зал, и сердцу тесно,
Глаза блестят то там, то тут.

Хотя еще беспечность рядом
И удивленный полусмех...
Седой учительнице надо
Сказать стихи о годах тех.

Все знали, что она сумеет
О сокровенном рассказать:
Аудиторией владеет
И мастерства не занимать.

Казалось, как в тисках мы были
У горькой памяти в плену.

И вдруг... она стихи забыла
И вспомнила одно: войну.

Она бы рассказала залу,
Как память ей стучит в висок,
Как брат голодными глазами
Ловил и взвешивал кусок.

Все помнит: вдовий вопль на поле,
Как мать впрягалась за вола,
Как колоски нам всем на горе
Она однажды принесла.

А утром маму забирали.
Кому поставить то в укор?
Мы песней память поднимали,
Войне писали приговор.

И вдруг ребята в зале встали,
Сомкнулись дружною стеной.
Они прекрасно понимали,
Что все мы ранены войной

Какое счастье быть любимой!

Какое счастье быть любимой!
Какой восторг и благодать
Знать, что ему все любо, мило,
Слова волшебные шептать!

Какое счастье быть любимой,
Не жить в плену у мелочей,
Когда тепло и горделиво
Звучит в душе: «Он мой, ничей!»

Какое счастье быть любимой,
Уколы ревности прощать
И поцелуями игриво
Все подозренья укрощать!

Какое счастье быть любимой!
А нет любви – так жизнь постыла...

Вы послушайте, люди, меня!

Вы послушайте, люди, меня!
Разве мало любви вам огня?
Разве это не счастье для всех:
Свежесть рос, солнца свет, детский смех?

Разве лучше пожары войны,
Где лишь шаг от беды до вины,
Где безлюбье, и ужас, и страх,
Гнев и мука в потухших глазах?

Вы послушайте, люди, меня!
Как устало вздыхает земля!
Ей так нужен души нашей свет,
И важней ничего для нас нет.

Натерпелась беды да вражды,
Снится ей первый пласт борозды,
Снится тот, кто лелеял, берег,
Благодарным и нежным быть мог.

Вы послушайте, люди, меня!
Хоть крепка недоверья стена,
Пред Всевышним во всем мы равны,
Нам раздоры совсем не нужны.

Пусть утихнет воинственный
гром!
Мир нам всем! И спасенье лишь
в нем.
Правят нами пусть разум и труд,
Пусть народы к согласью придут!

Свадьба дочери

Смеяться ли, печалиться – не знаю,
Приобретаю я или теряю?
В водовороте будничных забот
Кто вслушается в сердце, кто пой-
мет?

Подружками она окружена,
Как струночка, сидит напряжена.

Кричат ей: «Горько!» Так заведено.
О счастье! Будь ты с нею заодно!
Храни от незаслуженных обид,
Она же пусть тебя всегда хранит!

А дочь еще со мной... и не со мной.
Укутана нежнейшею фатой,

Монолог учителя

Конец весны... Как я устала!
Портфель невысимо тяжел.
А впереди еще немало:
Экзамен – худшее из зол.

Вот отосплюсь. Дом ждет привета:
Помыть, почистить, побелить.
О Боже! Середина лета!
Дни мчатся – не остановить.

А солнце так нахально ясно,
Все дразнит, манит за порог.
Но... напряженка. Так ужасно!
Кто выдумать все это мог?

И школа вновь все ближе, ближе.
Костер из астр в саду горит.
Когда ж я вновь детей увижу? –
Все чаще сердце говорит.

Сладкая каторга

Сладкая каторга – наша работа
Не до седьмого, до энного пота.
В ней каждый шаг, как по льду, на-
угад.

Трудно? А легче бывает кому?
Здесь ведь и сердцу простор, и уму.

Как под прицелом, и слово, и взгляд.
Здесь ни хитрить, ни лукавить не
смей!
Больно? Ты боль отодвинуть сумей.

С чем ты идешь в свой неистовый
класс?
Может, непонятым будешь сей-
час?
Верь! Только верою много дается.
Слово твое все равно отзовется.

Все потому лишь, что люблю

Еще недавно ворковала
И сети милые плела.
Сегодня – как обворовала:
Ушла и сердце унесла.

Не для того, чтоб приглубить,
А чтоб сильнее ущемить.
«Проснись! Она тебя не любит!»
– Мне голос свыше говорит.

Что из того? Ведь я в разлуке
Пылаю, корчусь, но терплю.

Из бездны – вверх, из счастья – в
муку!
Все потому лишь, что люблю...

А мы – участники войны?

А мы – участники войны,
Те, что едва из колыбели
Войной навек разлучены
С отцами,
Что потом глядели
Лишь с фотокарточек немых?
Их взгляд, как будто виноватый,
Молил простить детей своих
За то, что пали, как солдаты.
Уже тогда слезой скупой,
Слезой жгучей, неутешной
Победный день, для всех святой,
Встречали мы,
И было тесно
В груди сердчишку – сироте,
Когда, надев свои медали,
С детьми рядом, рука к руке,
Живые воины шагали.
А мы – участники войны,
Мы, сторожа у лавок хлебных,
Что без вины обречены на лихо-
летье?
Дней военных
Для нас гораздо глубже след.
Мы матерей своих жалели,
Казалось нам,

Детям войны посвящается
И черный хлеб
Глотали разом, а не ели.
Он и сейчас милее всех тортов и
сдоб.
Неприхотливый, святой тот хлеб.
Сочтем за грех
Щипать его рукой ленивой.
А мы – участники войны
С двойным и даже больше! стажем?
В пятнадцать были мы должны
«Пахать».
Иначе и не скажем.
И волокли привычный воз,
«Была б страна родная», – пели.
Как жизнь прошла, не довелось
заметить,
Просто не успели.
Теперь глядим на все значки,
Награды, грамоты, медали.
Мы, пасынки родной страны,
Такой ли участи мы ждали?
Как молчаливые истцы,
Храним в душе, что было свято,
А с фотокарточек отцы
Глядят, как будто виновато...

Бежит река

Куда бежишь, река студеная,
И размываешь берега?
Колечко, мною оброненное,
Ты унесла, не сберегла.

Бежит река, а с ней года,
Печаль в реке купается.
Как без любви судьба горька,
Ударит – не покается.

Песня

Печально ивушки склоненные,
Свидетели счастливых дней,
Глядят в тебя, замороженные
Тоской безмолвною моей.

Бежит река, а с ней года
По камешкам, по камешкам.
Как без любви судьба горька,
Ударит – не покается.

Бежит река, и жизнь бежит,
А я, как отстраненная.

Ох, до чего ж душа болит,
С тобою разлученная.

Песня юных журналистов

Если капелька солнца в крови,
Не пристало тебе унывать.
Только с правдой дружи и живи,
Только ей привыкай отвечать.

Если сердцем отважен и чист,
С равнодушьем вступаешь ты в бой,
Значит, имя тебе – журналист,
Значит, ты с беспокойной судьбой.

Ты за школьною партой пока,
Но влечет тебя счастье дорог.
Что нам нужно? Лишь друга рука
Да родимого дома порог.

Значит, вечно любить и гореть,
Быть в делах хоть на шаг впереди
И за мраком всегда видеть свет
Добрых душ, добрых дел и побед.

Верю!

«Буря мглою кроет» всю Россию,
Заметая проторенный след.
Круговерть. Тоска. И нету силы,
И надежды на спасенье нет.

Где вы, любомудрые, святые?
Где пророки? Где богатыри?
Русь, смотри, как мечутся слепые
Дети неразумные твои.

Видно, все, чем жизнь свою вен-
чали,

Бог убрал: неверным нет пути.
И лежит страна моя в печали.
Не найти дороги, не найти.

Но сквозь дикий вой и шквальный
ветер

Слышу вдруг: «Ты верь... взойдет
она...

Новую зарю Россия встретит,
Встанет от обманов и от сна».

К пропасти все меньше расстоянье,
Мертвые, молчат колокола.
Потеряли мы самостоянье,
Наступила бесова пора.

И я знаю: вопреки ненастью,
Распрявимся, путь во мгле найдем.
И в «звезду пленительного счастья»
Вновь святую веру обретем.

Вениамин Ащеулов (1920 – 1998)

Вениамин Абрамович Ащеулов родился 27 марта 1920 г. на Алтае, в селе Горновом, в семье крестьянина. В 1930 г. семья переехала на Дальний Восток – вначале на Сахалин, затем в Хабаровск.

Великую Отечественную войну встретил курсантом полковой школы. Боевое крещение получил под Москвой в июле 1941 года. В последующее военное время командовал пулеметным расчетом, разведгруппой, группой десантников на броне. Закончил войну в Мукдене. Трижды ранен, награжден двумя орденами Отечественной войны и пятнадцатью медалями.

После войны окончил Благовещенское военное училище. Прошел путь от лейтенанта до майора, от литературного сотрудника до редактора дивизионной газеты. В 1964 г. в Хабаровске увидела свет первая книга его стихов «Привал».

В 1965 г. В.А.Ащеулов переезжает в Ставрополь. В этом городе изданы основные сборники его стихотворений: «Вы не плачьте, ивы», «Землепроходцы», «Минуты передышки», «Корень жизни», «Жаворонок», «Исходный рубеж», «О, Русь моя!..». В 1985 г. в Москве, в издательстве «Современник» вышла, книга В.А. Ащеулова «Прифронтовая полоса».

Одна из главных тем поэта – память солдата о пережитом в годы Великой Отечественной войны, о ратных подвигах боевых друзей, о боли и горечи утрат. Вместе с тем лирика поэта богата философскими раздумьями и историческими зарисовками, стихотворениями о любви и природе. Свойственные ему жизнелюбие и ирония придавали произведениям особую окраску. Мастер стиха, он пользовался широкой популярностью у любителей поэзии Ставрополя. Тридцать стихотворений поэта положены на музыку и стали песнями.

Он вел большую организаторскую и просветительскую работу: в Ставрополе заведовал Бюро пропаганды художественной литературы, был ответственным секретарем литературно – художественного и общественно – политического альманаха «Ставрополье», возглавлял Ставропольскую краевую организацию Союза российских писателей (1993 – 1996 гг.).

Скончался В.А.Ащеулов 2 апреля 1998 г.

Я Россию люблю

Я Россию люблю
от заснеженных гор до низинок,
где, смеясь и волнуясь,
ласкают мой взор зелена.

Я Россию люблю
от небес и до синих росинок,
что на утреннем солнце
играют, как будто звеня.

Я Россию люблю –
и восходы ее, и закаты,
и лесов тишину,
и разливы стремительных рек.

Я Россию люблю
неизбывной любовью солдата
потому, что в боях
прикипел к ней душою навек.

Я Россию люблю!..
– А она тебя? – кто – нибудь
спросит.

Я ответить на это,
пожалуй, навряд ли смогу.

Просто с детства люблю
уходить в звездопадную осень
и подолгу стоять одиноко
на сонном лугу.

Моя фамилия

Фамилия моя причастна к редким...
Хоть я её истоков не искал,
По Далю – мой один из дальних
предков

Был острослов, глумила, зубоскал.
Он щерился над кем – то, издеваясь,
Так, что иной корёжился в гробу.
И будь он летописцем, издаваясь,
Мог схлопотать нелёгкую судьбу.
Как видно, в нём жила такая сила,
Что не сулила благостей в раю.
Недаром и пословица гласила:
«Знай, ащеулка, улицу свою!»
При Никоне прослыл он протес-
тантом

И, к патриарху злобу затая,
Во избежанье доли арестанта
Шёл за Урал – в суметные края.
На Керженце под кровлей скитов
гнулся

И прорастал зимою куржаком,
Кормил собою комара и гнуса,
Но гордо назывался кержаком.

Горжусь и я моим кержацким ро-
дом,
Старинною фамилией горжусь.
Хоть редкая, но в памяти народа
Она слилась в одно с названьем
«Русь!»

Живёт, не затерявшись в мире
гулком,

Пускай не в громкой славе и молве,
А в небольшом и тихом переулке,
Зато не где – то, а в самой Москве!
Выходит, что на подступах к сто-
лице,

Шагая в атакующем строю, я за-
щищал,

Чтоб с дальним предком слиться,
Москву и родословную свою!
И пусть не занесён в геройский
список

Защитников столицы – не беда!
Горжусь, что предок мой
В Москве прописан
С фамилией моею
навсегда!

Здравствуй, Ставрополь!

Здравствуй, Ставрополь!
Здравствуй, мой город Креста!
Кто, скажи, окрестил тебя
именем этим?
Где достойный тот крест,
Что другим не чета?
Почему я его

до сих пор не приметил?
Я не думаю, нет,
что название твое
исходило от этой
убогой церквушки,
где мерцает в тени
золотое литье

небольшого креста
на шерботой макушке.
Может быть, оттого
тебя кто – то нарек
этим именем,
судя по древним рассказам,
что к воротам твоим
шло скрещение дорог
из глубинок России
к предгорьям Кавказа.
А быть может,
крестовым тебя нарекли
оттого, что под гром
несмолкающих пушек
здесь кресты что ни день
на погостах росли
под рыданья крестящихся
вдов – вековушек.
Оттого ль, что скрестилось
на гордой судьбе
в высоту
твоего восхожденья крутого
интересы держав,
что тянулись к тебе,
предвкушая победы
в походах крестовых.

Ты всегда был по – своему
горд и красив,
как бы ветер судьбы
ни крестил тебя хлестко.
Ты врагов всех мастей
перекрестным косил
на своих огневых
вековых перекрестках.
А сегодня
по – мирному реют стрижи
над тобой, что ни день
поднимаясь все выше,
оттого, что все выше
твои этажи
и твои тополя,
и дворцовые крыши.
И стоишь ты,
поля озаряя окрест,
как подобие радужной
солнечной арки,
и возносишь себя
величавей, чем крест,
что когда – то горел
на твоей кафедралке.

Если б я погиб на фронте

Он в родной вернётся город,
Как по улице пройдёт,
Чуть медалями звеня,
Как смешливые девчонки
Будут Лёшкой любоваться
И одна их них, конечно,
Станет Лёшкиной женой.
Все его любили в роте,
Потому что дрался храбро
И всегда с мечтою жил.
Но однажды на рассвете
Разгорелся бой жестокий,

А когда он стих, то Лёшки
Рядом не было со мной.
Вот и всё.
Проходят годы.
Поросли травой курганы.
Раны зажили, но эта
Не даёт покоя мне.
Но я слышу Лёшкин голос
Из далёкой синей дали
И на сердце почему – то
И печально, и светло.

Горят хлеба

Дрожат хлеба от оружийных вспышек
И шепчут слово страшное: «Война!»
Горят хлеба. Горят и жарко дышат,
Не понимая, в чем же их вина?

А мы идем туда, где канонада
Вздывает клубы пыли и золы.
Голодные, с горящей нивой рядом,
Браним нерасторопные тылы.

А на душе – как тяжеленный камень
От скорбного призыва: «Помоги!»

Колосья обожженными руками,
Склоняясь, хватают нас за сапоги.

Солдатские сны

Я ощущаю вновь наплыв весны,
Я чувствую, как набухают ветки.
А по ночам в мои приходят сны
Друзья, что не вернулись из раз-
ведки.

И я во тьму крошечную кричу.
Кричу вовсю, но только звука нету.
Я будто глобус, шар земной верчу,
Обшариваю каждый метр планеты.

И вдруг в тумане вижу бледный
лик...
Узнав себя, я в страхе отступаю.

И вырывается из горла крик,
И я в поту холодном просыпаюсь.

Стучат часы. В квартире – тишина.
Безумствует весна за шторой белой.
И долго смотрит на меня жена
Недоуменно, оробело.

– Прости, – я говорю ей тихо, – сны:
Товарищи приснились по разведке.
И, распахнув окно в разлив весны,
Я слушаю, как набухают ветки.

Перед боем друзья неизменно прощаются

Перед боем друзья
Неизменно прощаются,
Потому что из боя
Не все возвращаются.
И неведомо нам –
На родную сторонку
То ли сам ты придёшь,
То ль похоронка.
Подымили махрой.
Погрустили немного.
Приглушили
Растущую в сердце тревогу.
Обнялись.
Обменялись коротким «пока»
И – к переднему краю
Дорогой полка.
Он рванулся вперёд
На крутом перевале,
Где враги головы нам поднять не
давали,
И, споткнувшись, угас,
Озаряя собой
Путь собратьев своих,
Продолжающих бой.

А когда отгремел
Огневой ураган,
В темноте замаячил
Могильный курган.
Две берёзы
Печально склонились над ним.
Затуманился месяц,
Печальный раним...
Скорбный запах листвы
Надмогильных берёз
В домик друга я
Ранней весной занёс.
Усадили за стол.
Подносили вина.
А в душе, как волна,
Поднималась вина –
Той вины тяжелее
Не знал я на свете.
За погибших в бою
Все живые в ответе.
А друзья по окопу,
Друзья по войне
За погибших в бою
Отвечают вдвойне.

На войне затишья не бывает

На войне затишья не бывает.
Бой затих – но дело не в пальбе.
Если грохот боя убывает.
Не смолкает ненависть в тебе.

И какое, к черту, там затишье,
Если в сердце боли нет конца,

Если слышишь в тишине застывшей,
Как стучат товарищей сердца.

И тревог в душе не убывает,
Хоть и смолк противник пред тобой,
На войне затишья не бывает,
В том затишье зреет новый бой.

У могилы неизвестного солдата

Из – под каменных плит
Пробивается жаркое пламя,
Будто сердце живое
сраженного в смертном бою,
Будто кровью солдатской твоей
Обагрённое знамя,
Будто руки, что ищут
Для братских пожатий мою.
Я стою в тишине.
А во мне,
Как в разгул канонады,
Нарастает тревога,
Мою повседневность круша.
И душа.
Будто в ней
Шевельнулся осколок снаряда,
Предвещающая ненастье.
Заняла душа.
Все, что я совершил,
В этой жизни,
Тобою продленной,
Так легко уместить
На коротком бумажном листке.
А мечтал о садах,
Что взращу на земле опаленной.
Вместо дыма сражений,
Где пал ты в последнем броске.

Неужели в душе отыскалось
Для слабости место?
Неужели с течением лет
Превращаюсь в ханжу?
Отчего ж с рубежей,
На которых стояли мы вместе,
Я без боя порой
На исходный рубеж отхожу?
Как мне нужен в такую минуту
Твой окрик суровый,
Что, подняв из окопа сырого,
Бросает вперед.
В своем сердце хранил ты,
Как вечный огонь,
Это слово.
И как вечный огонь
Это слово
На подвиг зовет.
Я стою в тишине.
Бьют набатом тревожные вести,
Что летят отовсюду,
Мою повседневность круша.
Кто сказал про тебя,
Что солдат среди живых неизвестен,
Если в каждом живом
Оживает солдата душа!

Нет, музы не молчали...

*Когда говорит оружие, музы молчат
Латинская поговорка*

Нет, музы не молчали,
Когда гремели пушки.

Они нам завещали
Держать врага на мушке.

Нередко у лафетов
Вникали мы глубоко
В Некрасова и Фета,
В Есенина и Блока.

Пред тем, как в бой жестокий
Рвануться с ходу смело,
Танкист поэта строки
Писал на башне мелом.

И сообщала сводка,
Когда гремели пушки,
Что бил прямой наводкой
По вражьим дзотам Пушкин.

И на музейных полках
Лежат тома поэтов
С отметиной осколков,
Как наши партбилеты.

Моя земля

Моя земля – степные тропки,
Широкий тракт и глушь тайги...
Не по тебе ль смешно и робко
Я сделал первые шаги?

Ты в озарении рассвета
На мир открыла мне глаза.
Так почему же я за это
Тебе спасибо не сказал?

Ты добротой сердечной грела
Меня в судьбине кочевой.
Когда душа моя горела,
Поила влагой ключевой.

За мной следили, как за сыном,
Твои тревожные глаза.

Так почему же я спасибо
Тебе за это не сказал?

Когда я шел за грозным валом
Артиллерийского огня,
Ты все удары принимала,
Чтоб отвести их от меня.

И я в победный час России
От счастья плакал и плясал,
А за спасение спасибо
Тебе, как прежде, не сказал.

Земля, избавь меня от боли
И за грехи мои прости.
Когда навек сольюсь с тобою,
Дай хоть травинкой прорасти!

Рождение песни

В лугах осенних
Рассветной ранью
Идет Есенин,
Тоскою ранен.
И взглядом нежным
С голубизною
Глядит а безбрежье
Свое родное.
Запеть бы песню,
Да не поется.
А даль, как в детстве,
Звеня, смеется.
А даль все кличет,
В дымках расстаяв.
Журавль курлычет
Вдали от стаи.

Чего ты кружишь
С тоской по кругу?
Ведь стая дружно
Свернула к югу.
Осиль бессилье,
Усиль отвагу!
В безбрежье синем
Не место слабым!
И в сердце мыслью
Как искру высек.
И устремился
Куда – то в выси.
Душой рванулся
В синь поднебесья
И захлебнулся
Наплывом песни!

Лермонтов

В который раз брожу по Пятигорску
И всякий раз, вникая в тишину
Беру в ладонь земли священной
горстку
И, думая, зачем – то в пальцах мну.

И угасает монотонный шорох
Листвы чинар, дубков и алычи.
И вот уже позванивают шпоры
Поручика, идущего в ночи.

И все острее, острее воображенье,
И я гляжу на неба синеву,
И прошлых лет живое отраженье
Передо мной проходит наяву.

Вдали Эльбрус белеет величаво,
Как древний замок сказочных царей.
И песнь, что здесь берет свое начало,
Устремлена за тридевять морей.

Наперекор смирительным указам,
Что вслед за ним кочуют по стране,
Он демоном взмывает над Кавказом,
Когда летит на взмыленном коне.

Мятежным ветром вздыбленная
бурка
Покою Петербургу не дает.
И огненный зрачок из Петербурга
Берет на мушку демонский полет.

И смертоносным холодом подуло,
И в мире стало страшно оттого,
Что мать – Россия роковое дуло
Не отвела от сына своего.

Мартынов – что?
С двумя ходами пешка
Под грозным боем черного ферзя,
Он понимал, что вызов брошен в
спешке,
Но знал и то, что отступить нельзя.

Не мог не знать,
что ненависть народа
Пред ним предстанет,
как Машук – гора.
Но такова угодников порода –
Служить бездумно каверзам двора.

И по ущельям эхо прокатилось...
И вслед за эхом грянула гроза...
И жизнь певца звездой засветилась,
Как тяжких мук горячая слеза.

И как немой укор земным раздорам,
Она все ярче, яростней горит.
И в тишине позванивают шпоры.
Когда звезда с звездой говорит.

Мона Лиза

Волосы легли па плеч пологости,
Светлый лик и свят и прост весьма.
На челе, как признак женской
строгост
Золотая тонкая тесьма.

Мона Лиза – странное явление,
Вечное волнение мое.
То с каким – то тайным умилением,
То гляжу стыдливо на нее,

Проникая в жизнь мою подстрочную,
Видит все, что стрыто в глубине.
Осуждает все мое порочное,
Одобрят доброе во мне.

А случись, что я восторг свой вы-
разил, –
Все ее чутье – настоroje.
И глаза с иконописным вырезом
Смотрят с опасением уже.

Будто за восторженным рождением
Видит чьи – то горечи утрат.
И в глазах такое осуждение,
Как слова упрёка: «Так – то, брат!»

И стою я будто пред иконою,
Перед Моной в расслабленьи сил,
Как перед женой своей законною,
В сердце коей радость погасил.

Ну, а если бросил человеческое
В почву жизни я свое зерно,

Обещает взором что – то вечное,
Будто стало нивою оно.

Среди мира, издавна привычного,
Торжествуя, мучаясь, любя,
Позабыв, что ты – дитя да Винчево
Как на диво смотрим на тебя.

Видно таковы уделы гениев,
Для себя же ставили палачом...
Мона Лиза, ты – саморождение,
А творец как будто не причём!

А. С. Пушкину

Твой стих – пророк
и преданный слуга,
И пистолет,
Не знающий осечки,

Что неизменно
Мстит твоим врагам
За черные дела
На Черной речке.

Художник

Павлу Гречишкину

Он был в горах,
Он любовался ими
И рисовал,
И сердцем понимал,
Как мир велик
Вершинами своими,
И как пред ними он
Ничтожно мал.
В сомнениях своих
Нещадно мучась,
Он рвал и рвал
Эскизные листы,
Как будто бы
Катился с горной кручи,
Цепляясь за колючие кусты.
Но, глядя ввысь –
Туда, где в озареньи
Стояли горы,

Небо заслоня,
Он возвращался вновь
К своим твореньям,
Минутное бессилие кляня.
И горы,
Что сливались с небесами,
К нему склоняли
Снежную чалму,
Как будто бы
Скорей хотели сами
Помочь от мук
Избавиться ему.
Когда ж
Предначертанье совершилось,
И горы стали
Плотью полотна,
Он под собою ощутил вершину,
С которой вся Вселенная видна

В храме книг

Вхожу я в храм, в котором не иконы
Со мной о чем – то тайном говорят,
А книжные тома с времен исконных,
Что предо мною выстроились в ряд.

Здесь все, как после музыки органной,
И благодать, и торжественная тишь.
Как будто вековые ураганы
На время свой утратили престиж.

Но открываю том, второй и третий
И предо мною – в прошлое окно.
И проплывает мир тысячелетий
До удивленья зримо, как в кино.

Я слышу звон мечей, и плач, и стоны
В дыму сражений и в плену измен.
И рушатся былые бастионы
И вырастают новые взамен.

Гляди и угодишь с годами в святцы
С непогрешимой легкою судьбой.

Но легкость и покой нам только
снятся,

А в быстротечной жизни – веч-
ный бой.

И погружаясь в прошлые свершенья,
Где все перемешалось, как в бою,
Я вновь найти пытаюсь то решенье,
Что мне откроет истину мою.

Сергей Белоконь (1952 – 2000)

Родился Сергей Владимирович Белоконь в 1952 году в селе Преградном Красногвардейского района Ставропольского края в семье сельских учителей. Во дворе раскидистые деревья, большой ухоженный огород, а там, вдали – знаменитые ставропольские холмы, поля – необозримая даль. Вечерами, по заведенной традиции, в доме, где рос Сергей, читались вслух книги.

Мать Сергея работала в школе учителем математики. Отец – местный Кулибин, учитель труда. Вечно что – то изобретал со школьниками. Десятки медалей были привезены с ВДНХ.

Преградное... Бескрайние просторы с коврами цветов, и бездонное голубое небо – высокое, синее, таинственное – целый мир – что на земле, что на небе. Еще мальчишкой слагал Сережа стихи.

Образование давала Сергею и школа, и природа – сельского человека, как верно заметил писатель – народник Каронин, воспитывает извилистая речка, таинственный лес, а Сергея волновали бескрайние поля, голубая даль, где мечталось особенно легко.

Окончив школу, в 1970 году Сергей Белоконь уехал поступать в Ленинградский государственный университет. Вскоре он стал студентом филфака, увлекался Лермонтовым, изучал творчество почти неизвестного писателя Д. Андреева.

Сергей Владимирович Белоконь работал в разное время главным редактором «Молодого ленинца», ответственным секретарем журнала «Агитатор Ставрополья», был заместителем главного редактора «Ставропольской правды». Он реализовал себя как журналист, как писатель и как пытливый исследователь, и во всем был талантлив. Есть четкая линия в его литературном творчестве. Это упорный, нравственный поиск. Люди, которые были интересны С. Белоконю и которые становились героями его книг, это люди с частицей света, любви, люди, о которых обычно говорят: «Живёт с Богом в душе».

Его книги – «Неизбежимый жребий», «Период таяния ледников» и другие – полюбилися читателям, стали явлением для литературы Ставропольского края. Да и не только края. Белоконь С.В. писал и стихи, думал издать свой поэтический сборник, но не успел.

6 октября 2000 года Сергей Владимирович Белоконь умер.

Слова

Слова простые и мудрёные.
Слова, ветрами прокалённые.

Слова, что где – то ждут в моей судьбе.
Слова, что я хочу сказать тебе.

Слова – людских исканий искры.
Слова – гранит, и есть слова без смысла.

Слова, как трудно вас произносить.
Хочу... и не могу тебя спросить.

Хочу... и не могу тебе сказать,
Слова на ветер не люблю бросать.

Слова, как птицы: стоит зазевать –
Вспорхнут, и нам их не поймать.

Взлетят, и нам их не вернуть.
Но пусть они к тебе проложат путь.

Пускай к тебе через моря летят
И принесут мне тот далекий взгляд.

Слова, коль вы от сердца не идете,
В душе другой кострами не взойдете.

Ведь, кроме дров, для нового костра
Искра, чтоб их зажечь, нужна.

Рисуют дети

Выводят на земле рисунки дети,
У них все время солнце в небе светит.
У них все время небо голубое,
И пишут «мама» маленькой рукою.
Они рисуют для себя планету,
Где много солнца, где закатов нету,
Где много над землей лазурной сини,
Где люди и добрей и красивей.
Где крыльями смешные птицы машут,
С медведем дружит маленькая Маша,
И полем, в этой сказочной сторонке,
Спешат куда – то синие речонки.
На той планете очень много сказок,
На той планете очень много ярких красок.
Она с тобою где – то по соседству,
Ее зовут легко и просто – детство.

Лишь утро откроет зеницы,
Я в светлой одежде приду,
И рухнут засовы темницы,
Где люди томились в аду.
С Любовью, дарованной Богом,
По ветхим ступеням сойду
Страдания, боль и тревогу
Руками от вас отведу.
Я Сына за вас попросила,
Отцу я молилась не раз.
И Чистая, Светлая Сила
Прольется отныне на вас.
Промолвит Отец: «Мои дети!
Оставьте безумье свое!
Любите, творите, прозрейте!
Вот вам назиданье Мое!»

Иван Белоусов (1933 – 2000)

Иван Емельянович Белоусов родился 2 января 1933 года в семье кузнеца в селе Нижнее Бабино Курской области.

Осенью 1941 года Курскую область оккупировали немцы. Годы оккупации Ивану запомнились гибелью 4 – х односельчан, которых немцы повесили ради устрашения остальных. В 1945 году домой с фронта вернулся отец. Он освободил сына от домашних дел и отправил учиться в школу. 1950 год выдался неурожайным и засушливым, и отец предложил семье завербоваться на Сахалин.

С этих пор жизнь и творческая судьба писателя Ивана Белоусова неразрывно связана с Дальним Востоком. В 1951 году в местных газетах стали печатать первые стихи Белоусова, в которых он рассказывал об увиденном, пережитом. В этом же году он поступил учиться в Сахалинское мореходное училище.

После окончания училища Белоусова пригласили на работу в областную молодежную газету «Молодая гвардия», где он прошел путь от литсотрудника до главного редактора. Одновременно он руководил областным литературным объединением, принимал участие в работе первого Учредительного съезда Союза писателей РСФСР. И продолжал учиться – окончил Центральную комсомольскую школу по журналистике, заочно – филологический факультет Южно – Сахалинского государственного педагогического института.

В 1961 году вышел первый сборник его стихов «Разговор с отцом». Затем вышли в свет его книги – «Признание» (1965 г.) и «Березовый ливень» (1968 г.).

В 1967 году Ивана Емельяновича Белоусова приняли в Союз писателей СССР. В этом же году была создана Сахалинская писательская организация, ответственным секретарем которой стал Белоусов и которую он возглавлял в течение двадцати лет.

В содружестве с композиторами В. Агафонниковым, Д. Чумаковым, В. Наумовым, В. Чернявским создал ряд песен, которые записаны на пластинки. Его стихи переводились на многие языки мира.

В 1988 г. Иван Емельянович приехал на постоянное жительство в г. Ставрополь, где трижды избирался (1991 – 1996 гг.) председателем Ставропольского краевого отделения Союза писателей России. В Ставрополе вышла последняя его книга «Берег России» (1996 г.).

Поэт Иван Белоусов награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалью «За доблестный труд», ему было присвоено звание Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Строгая память

О, земля моих отцов и праотцов,
Мы с тобою памятью строги!
Не к тебе ли шли с мечами драться?
Не тебя ль копытили враги?

И косили сабель взмахи резкие
Не твои ли травы – ковыли,
И в полон каганы половецкие
Не твоих ли девушек вели?

Но мужами славилась ты гордыми,
Не ходила к ханам на поклон.
В кровь и дым истерзанная ордами,
Ты скликала русичей на Дон!

Я горжусь тобой, как сын, по праву.
Пусть минуло многое давно,
Но стоит в глазах моих Полтава,
Но звенит в ушах Бородино...

Опалены на деревьях кроны,
Горьким дымом веет от полей.
Где – то здесь валяются короны
На Руси побитых королей.

Падали знамена и награды
Под ударом русского штыка,
Потому что были Сталинграды
На моей земле во все века.

Мудрость

Рано мудрым становиться – худо,
Люди скажут: «Мудрость – то откуда?
Больно молод, да и зелен с виду.
Зря рядится в важную хламиду».

Но гордиться тоже не пристало,
Если ум пробился запоздало.
Скажут люди: «Много ль в этом проку?
Век прожил, а вот не вызрел к сроку».

Не к лицу быть до седин зеленым.
Стать бы мудрым в возрасте ядреном,
Чтобы люди неспроста дивились:
«Ишь, какие силы проявились!»

Торопливость ранняя с годами
В расторопность выльется плодами,

Гибкость мысли обретет опору.
И – шагай! Но не с горы, а в гору.

Прошумели первые метели,
Запылала ранние закаты.
Голубые дремлющие ели
Нарядились в белые халаты.

И похоже: снег иссиня – розов –
Мне не часто виделось такое.
У дорог кудлатые березы
Тихо спят в задумчивом покое.

Все вокруг – пуховую постелью,
Стужа иней на деревья нижеет...
Этот край, завьюженный метелью,
Для меня еще родней и ближе.

Дом

Мне говорят: построил дом хороший.
Что проку в том? Мне книгу б написать
Такую бы, чтоб хлопали в ладоши,
Чтобы хотелось плакать и плясать.

Чтоб книга эта, сделанная к ладу,
Живую плоть земную вобрала,

Как этот дом с калиткою и садом,
И родником у самого двора.

Вот так сумеешь бы, душу растревожив
И тронув сердца тайную струну,
Чтоб этот дом открыл глаза и ожил,
И заплясал, как в сказке в старину.

Слово

О, это чудо несказанное,
Рожденное в глуби веков, —
Простое слово первозданное
Всех в мире сущих языков!

Какая сила в нем могучая!
Еще в седые времена,
Сорвавшись с губ, оно озвучило
Эпохи,
Земли,
Племена.

С тех пор поныне, миром властвуя,
Верша всесветные дела,
Оно живет, борясь и здравствуя,
Во имя блага и добра.

Но сколько раз его, возвращенное
Земною мудростью, трудом,
Плуты, в коварстве изошренные,
Прислугой тщились
Взять в свой дом.

Елеем сдобрить и отравую —
Тому примеров несть числа.
Но оставалось слово — правдою!
Ему ли быть служанкой зла?

Послушное и непокорное,
Не изменилось в существе,
Оно просто, как речка горная,
Как эти росы на траве,

Как цвет черемух за деревнею
В разливе солнца вешних дней,
Как эта вот планета древняя,
Со всем, что с нею и на ней, —
С домами,
Рощами,
Дорогами,

Следами мертвых и живых,
С людскими болями,
Тревогами,
С делами праведными их.

Так можно ли, о слово вещее,
Тобою мне не дорожить?
Войди в мой стих, как правда вечная, —
Не лжи, а истине служить.

Будь мне порукой и опорой
В пути нелегком по земле.
Борись за то добро,
Которое
Взрастили прадеды во мне.

Родное

Родное — любо — дорого,
Родное — любишь здорово,
Родное — все заветное,
Родное — все заметное.

Куда ни бросишь взора ты,
Не листья видишь — золото,
Не блеклый луг с коровами —
Орнаменты ковровые.

А речка, речка катится —
Пот девчонка в платице,
Что в жизни раз встречается,
Уйдет — не возвращается...

Но вот дорогой дальнею
Умчатся годы давние
От юной, зыбкой пристани —
И взгляд твой станет пристальной.

Ты листья видишь листьями,
А осень видишь мглистее,
А жизнь — куда разыскательней,
На мир глядишь внимательней.

Но речку слышишь звонкую,
Как прежде, той девчонкою,
Что сохранилась в памяти
За давней, снежной заматью.

* * *

Поля... поля... медовый запах гречи.
Маячит «газик» вдаль, пыля.
По сторонам дороги, будто свечи,
Горят огнем зеленым тополя.
Земля... земля...
лесов настой смолистый.
От самолета в небе борозда.
Высоковольтные опоры,
как связисты,
За горизонт уносят провода.

Мы эту землю кровью оросили –
Доньне красным всходят зелена.
Мы доноры твои, моя земля,
Мы ратники твои, моя Россия:
Тебя мы, задыхаясь, выносили
Во все века не раз из пекла,
Тебя мы воскресили из огня,
Тебя мы воскресим
Из пепла!

Цветы

Белые ромашки, белые ромашки...
Рвал я их охапками, плел из них венки.
В золотые локоны,
В девичьи кудряшки
Я вплетал с ромашками вместе ва-
сильки.

Я в тревожных поисках из – под сне-
га талого
Доставал подснежники голубых долин,
Розы ярко – алые
К кофточке прикалывал
И гвоздики ранние дарил.

Все кипело, пенилось,
Пело птицей – пташкой,
И в цветенье солнечном под густым
венком

Ты казалась тоже белою ромашкою,
Ты казалась тоже синим васильком...

Не берег я радости, счастья не оспа-
ривал,
Не хотел прославиться тихим и свя-
тым,
И в закатном мареве я другим раз-
давал
Бело – ало – синие цветы.
Что же, что наделал я?

Пусто стало около.
Все, что было дорого, загубил навек.
Где же ты, с ромашками,
С васильками в локонах,
Самый дорогой мой человек?

Все проходит – память остается

Все проходит – память остается.
Блекнут травы, Угасает свет.
Только сердце непомеркше
бьется
Все, что было и чего уж нет.

Сад отцвел. Душа утомилась.
Стынут звезды, тая в полумгле.
Будто все, что виделось,
приснилось,
А не было было на земле.

Воскрешая лики и реченья,
Слушаю мгновений
тихий всплеск.
Где ты, яблонь белое свеченье?
Где ты, взгляда раскаленный блеск?

Как хотел бы, взгляд открыв усталый,
Изумиться ликованью дня
И забыть, что этот тополь старый
Был моложе в юности меня.

Ян Бернад **(Род. 1937)**

Ян Игнатъевич Бернад родился в 1937 году в Варшаве, в семье польского коммуниста – подпольщика. Под бомбежкой во время германо – польской войны потерялась его мать. Отец с двумя малышами – Яном и его десятилетним братом – добрался до границы Советского Союза. Вместе с детьми служил в Красной Армии в батальоне под Сталинградом. Там Ян с братом стали «детьми батальона». На глазах у пятилетнего пацана умирали люди, происходили настоящие жизнен-

ные трагедии. Воспоминания о своём детстве и посвящена его книга «Дети батальона» (в стихах и прозе).

Послевоенное детство Яна прошло в Минеральных Водах, где он окончил среднюю школу. Работал разнорабочим на стройках Ростова и Мурманска. Поступив заочно в ставропольский пединститут на истфак, работал в минераловодской газете «Коммунист», работал художественным руководителем минераловодского парка культуры и отдыха. Оттуда в 1972 году был переведен в аппарат краевой писательской организации, где проработал корреспондентом – организатором писательских выступлений до 1980 года.

С 1980 по 1987 годы работал артистом разговорного жанра в краевой филармонии, выступал по краю и за его пределами со своими авторскими концертами. С 1987 по 1990 годы руководил литературным объединением при Дворце спорта и культуры профсоюзов. С 1990 по 1995 годы работал лектором Краевого фонда культуры.

Особая гордость для Яна Игнатъевича – это его талант писать сонеты. Писать сонеты довольно сложно, но у Яна Бернарда в «Вершинах Пятигорска» их около 1000.

В настоящее время ведет большую общественную работу как член Правления краевого отделения Союза писателей России, ответственный секретарь краевого объединения юных участников Великой Отечественной войны, ответственный секретарь научно – творческого Международного Семинара «Школа сонета», руководитель литературного объединения при городском Обществе инвалидов. Член Союза писателей России, лауреат комсомола Ставрополя, кавалер Золотого Знака Почета ОПСД Польши.

Солнечный парнишка

Мальчишка на лихом коне
Скакал у самого Подкумка,
Держась за гриву. В тишине
Прибрежье отзывалось гулко.

Речная пронеслась излука.
И облачко коснулось глаз,
И небо было близко – близко.
Он называл коня Топаз

На встречной ветровой волне
Мелькнули голубь и голубка.
И живописно, как во сне,

И понукал его не шибко.
И табунок, и солнце пас
Вихрастый солнечный парнишка.

Пока листва беседует с творцом

Часов старинных мелодичный бой
В лесу всплеснулся на мгновенье.
И даже в камнях просветленье
Небесной отразилось глубиной.

Пока листва беседует с Творцом
И утро над деревьями кадит,
И бронзовеет облаков кольцо,

А дуб в овраге, как морской прибой,
Поднял вершину в белой пене.
Коряги, как рога олени,
Уснули в паутине голубой.

И драгоценная роса искрит,
Лазурной высью ты омыл лицо,
В пространстве чувствуя души зенит.

Тополиный пух

Оседает на дорогах пыль.
Облака за травы зацепились.
Тополя кочуют по степи,
У кургана вдруг остановились.

И седой, как тополя, курган
Тоже удивился – озарился.
К тополиным бархатным ногам

Словно бы рассвет их ослепил,
И они растерянно столпились.
Пух на каждой ветке накопив,
В солнечных лучах засеребрились.

Пенистым прибором прислонился.
И пушок, летящий по лугам,
Нежностью туманной расстелился.

Эльбрус над Сеной

Парижских поэтов уверить берусь:
Когда расступилась тумана мгла,
Над Сеной повис двухглавый Эльбрус,
И солнце едва коснулось седла.

На облачный я показал парад
И на глубинный широкий рейд.
Казалось, из этих белых громад

Воздушный плыл по реке сухогруз,
И белая стая метелью мела.
Совсем незнакомый старик француз
По – русски спросил меня: «Как дела?»

Пушинки и перья текли, как рассвет.
Вблизи застыл ледяной водопад
И седовласый кавказский хребет.

Пруды Ставрополя

Пруды Ставрополя я вспомнил на Сене.
Причудлива память, о, память моя!

Пруды Ставрополя – мое причащенье,
Степные раздумья и света поля.

Я падал пред вами в жару на колени
Среди опаленного зноем жнивья,
И вы возрождали мое вдохновенье,
И благодарил я святые края.

И отражался в лазури глубокой,
И смысл находил на глухих берегах.
О Сене задумчивой и светлокой
Я буду писать на родимых прудах.

Мне было отраднo, когда одиноко
Меж вами скитался в ромашковых днях.

Серж Державин

Этот мальчик – парижанин
Мне по – русски говорит,
Что Россию обожает
И Москву боготворит.

Заключает он, что тоже
От гражданской пострадал.
От великого безбожья

Милый мальчик – Серж Державин,
У него душа болит:
В перестроечной державе
Всяк по – своему шалит.

За бедой спешит беда.
Только ссориться негоже
Нациям и господам.

Мыс любви

У мыса Любви я на солнце уснул.
Во сне заблудился в подводном лесу.
Вот рыбы снуют над моей головой.
Как тихо под этой морской синевой.

Я в царство немое немой красоты
Сбежал от земной пустой суеты.
Но сверху позвали меня соловьи,
И я просыпаюсь у мыса Любви.

* * *

О, ПЯТИГОРЬЕ – пять вершин
Моих рассветов и лугов,
Моих раздумий и души,
Моих дорог и детских снов.

Когда в меня врывалась боль,
Горами сердце я лечил,
В долине сонной голубой

Я отовсюду к вам спешил
На эти выступления веков,
Под каменные шалаши,
В глубины девственных лесов.

Звенели нервные лучи.
Цикад я слушал разнобой
И гладил горные ручьи.

* * *

На скалах поселился лебедь.
Орел заметил это чудо.
И вот они сдружились в небе,
Дружить им, видимо, нетрудно.

Сорвался с птичьего полета
На скалы, молнией убитый.

Друзья летали беззаботно.
Однажды лебедь, тучей скрытый,

Орел искал в глуши высокой
Своих врагов, что отswerкали.
Паря над миром одиноко,
Вдруг разmozжил себя о скалы...

* * *

Россия – боль, Россия – ночь,
Вражда и кровь, и власть, и слезы.
Россия – мачеха и дочь,
Сестра, раздетая в морозы.

Россия – сон и мысли прочь,
Россия – нежность, глубь и звезды.
Россия – крик не превозмочь.
Россия – час прозренья поздний.

Вся ненаглядная до жути.
Вся – притяжение и культ,
Россия – не дойти до сути,

Вся – пресмыкание и бунт,
Россия – труженик и трутень.
Родимая! Когда ж поймут?..

Ностальгия

В Париже, в тихом кабачке
Княгиня о России пела.
Дрожал цветок в ее руке –
Гвоздика трепетно аела.

И акварель родимых роц,
И живописные поместья,
И молодую сердца мощь
Несла взлетающая песня.

Она была – суть Красоты,
Раздумий суть и суть талантов,
Как будто в ней сошлись мечты
Заслушавшихся эмигрантов.
Звучали русские слова,
И тосковал огонь в лампадке,
И комнатная синева
Сутулилась по – эмигрантски...

Тоска по России

Писатель Владимир Максимов,
Я вижу по Вашим глазам –
Тоскуете невыносимо
По русским полям и лесам.

И сердце тревожит Россия,
И рветесь к ее голосам.
Кому она только ни снилась –
Парижским хранить небесам.

Уйдет и ее подневолье.
Черты обновятся лица.
И знает у нас каждый школьник,

Что мать у родного крыльца
И юности край – Ставрополье –
До самого снятся конца.

Русский романс

Добрый день, мои парижане!
Добрый день, голубой Монпарнас!
Под окном старинного зданья
Слышу русский старинный романс.

Перехватывает дыханье
Этой женщины грустный рассказ,
Это искреннее страданье,
Этих звуков высокая страсть.

Словно боль поет о России –
О далекой и близкой до слез.
Вижу, как траву оросили

Вихри шквальные майских гроз.
И как барский дом осветили
Кружева созревающих звезд.

Рахманинов

Париж. Район особняков.
На этой вспомнил он земле,
Как в русском ночевал селе
У богомольных стариков.

Там словно нежность облаков
Таилась в изыаном тепле.
В окошке синем на ветле
Так волновала дрожь листков.

Висела туча, как рояль.
И музыкой плескалась даль.
Легко читал он ноты звезд,

И в нем звучал ночной покой
Осенней лунною тоской
И сновиденьями берез

Заря Бунина

Среди элегантных деревьев
Горела такая зарница,
Что Бунин сегодня поверил:
Свиданье с Отчизной случится.

Под небом парижским пресветлым
Он бредил Россией. Томился.
Родимые снились деревни,
Знакомые виделись лица.

Под русским согреться бы солнцем,
В шальные бы кинуться травы
И речку в избушном оконце

Увидеть в зеленой оправе.
Живою водой из колодцев
Скорее б здоровье поправить...

«С чувством русского пилигрима...»

М. Волошину

Запах Крыма плывет над Сенной.
Облака сереют, как скалы.
Здесь ты сладко дышишь Вселенной,
И глаза говорят с веками.

Даль речная кажется сценой.
Солнце встретилось с рыбаками.
И объят, как сетью бесценной,
Весь Париж цветными мазками.

Русич! После ночного бденья
С чувством русского пилигрима
Видишь ты Париж вдохновенья

В этом свете неповторимом.
А у Сены видишь селенья
И далекую дымку Крыма.

Молитва

Господи, сделай милость:
Пусть мама моя живет.
Она столько лет молилась,
И встречи со мною ждет.

Господи, так случилось:
В Париже который год
Варшава маме снилась,
И клен у старых ворот.

Господи, и я грешен:
Судьбу во многом винил.
Но материнским здешним

Благословеньем храним.
Всевышний, Вседобрейший,
Молю, продли ее дни

Нижайше, Господи, тебя прошу:
Пошли отцу моему здоровье!
Такую тревожность в душе ношу,
Что судоргой тихой сводит брови.

Всевышний, твоей высотой дышу
И силу твою чувствую в слове.
Молитвы мои шепчу и пишу,
И трачу столько души и крови.

И если я чист пред тобой, мой Бог,
(Хотя, конечно, немного грешен!)
Не дай взойти на отчий порог

Напастьм всяким и всяким лешим.
Отец мой многим людям помог,
И он Человек с душою вешней.

Пятигорску и Варшаве

Я выросстал на склонах Машука.
Рассветные меня манили горы.
Но иногда в пейзажах далека
Мне чудились варшавские соборы.

Не проживу я без моих вершин.
И Висла, чудится, течет долиной.
О, города мои! В душе взошли

И по Варшаве светлая тоска
В ночах мне перехватывала горло.
А к Пятигорску нежность глубока —
Стал частью сердца лермонтовский
город.

Неугасимой песней лебединой.
И нет границ мелодиям души,
И нет границ любви неразделимой

Эолова Арфа

Казалось, из трещин Эльбруса,
Из самой эльбруссьей души
Мелодии светлые льются
На горы в дремотной тиши.
И тьма над вершинами тает.
Кавказ зачарованный спит.

И, как голубиные стаи,
Цветы забелели в степи.
Запела Эолова Арфа,
Над ней прояснился рассвет
И скалы зеленого царства,
И облачный твой силуэт..

Приэльбрусье

Позеленелый небосклон
Созвездья прячет, словно корни,
Край горизонта обогрен.
Дубы, как вздыбленные кони.

Утесы, как соборы гор,
Прислушались к поющим рекам
И к чистой глубине озер.

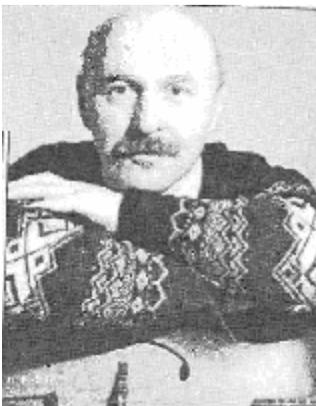
Вот ледяной сверкает трон —
Эльбрус в расцвеченной короне.
И воздух маем напоен,
И мир лучами взят в ладони.

А вот и тоненькая ветка
Из каменных пробилась нор,
Припала к следу человека

* * *

Ни предательству лжедрузей,
Ни безмерной злобе врагов
Не отнять вдохновенных дней
И твоих не замедлить шагов.

**А ПОЭТ – ВСЕГДА ПРОМЕТЕЙ,
ОСВЕЩАЮЩИЙ ДАЛЬ ВЕКОВ.**

Владимир Бутенко (Род.1952)

Владимир Павлович Бутенко родился 30 мая 1952 года в хуторе Дарьевка Родионово – Несветайского района Ростовской области в семье сельских учителей.

Отец поэта – ветеран Великой Отечественной войны, способный музыкант, он при страстил сына к игре на балалайке и гитаре. Мать, педагог, стала первой учительницей будущего поэта. «Ты чистыми и строгими

глазами мир сущий научила понимать», – скажет Бутенко в одном из стихотворений, посвященных матери.

Своеобразный мир донской природы, украинские и казачьи песни, самобытные и мужественные характеры хуторян, сказки и произведения русской классики рано побудили Владимира к литературному и музыкальному творчеству.

Первое стихотворение он опубликовал в рукописном школьном журнале «Подснежник» в двенадцать лет. В старших классах был фанатично влюблен в поэзию Есенина, песенное творчество М. Магомаева. А тургеневский герой Е. Базаров оказал решающее значение в выборе будущей профессии.

В годы учебы в Ставропольском мединституте посещал литгруппу при газете «Молодой ленинец», которой руководил поэт Александр Мосинцев. Семь лет проработал стоматологом в поселке Целина Ростовской области, а затем вернулся в Ставрополь, где вышли книги: «Зимний костер» (стихотворения и поэма) – в 1983 году, «Хуторские колодцы» (рассказы и повести) – в 1984 году, «Ожидание друга» (повести) – в 1987 году. Эти произведения позволили В. Бутенко стать в 1988 году членом Союза писателей СССР.

В течение трех лет (с 1989 по 1992гг.) В. Бутенко возглавлял альманах «Ставрополье», который первым из периферийных изданий осмелился опубликовать главу из эпопеи А. Солженицына «Красное колесо», а также заново открыл читателям замечательного русского писателя, земляка И. Сургучева, напечатав его несколько малоизвестных произведений.

Роман В. Бутенко «Казачий алтарь», вышедший в 1993 году, открыл новую страницу в летописи Великой Отечественной войны и позволил более внимательно взглянуть на роль казачества в эти грозные годы. Высокую оценку роману дали такие известные писатели, как А. Знаменский и А. Губин, литературовед Ю. Суровцев. Добрый отклик нашел роман и у читателей.

В. Бутенко активно работает в жанре песни, являясь автором музыки и стихов. С сольными концертами гастролировал в Москве, Ростове – на – Дону, Пятигорске, Черкесске, Волгограде. Принимал участие в фестивале

«Славянский базар», в Днях Российской культуры в Париже. Выпустил три сольных альбома: «Вино любви», «Соловьиная ночь», «Ночной Париж».

Отмечен многими боевыми наградами. Почти полвека проработал учителем начальных классов, заслужив звание «Отличник просвещения РСФСР».

Пепел на дороге

Мне этим тихим вечером не спится.	И сгоряча кочуют перепелки
Брожу бесцельно в сумрачном дворе.	В укрытья к людям, в пыльные сады.
На горизонте – долгие зарницы,	Горит жнивье... И не унять тревоги,
Хотя все небо в звездном серебре.	И заполошен птиц залетных крик!
Опять страда нагрянула внезапно,	Хотя я знаю: пепел на дороге
Кипучим фронтом откатилась вдаль.	Смешает с пылью первый грузовик.
И вот уже стерни горячий запах	Не в том беда. Дня через три, не боле,
На сердце будит смутную печаль.	Процедится над степью ясновень.
Печаль о том, что надломилось лето	И все, о чем я размышляю с болью,
И вновь под горку устремился год!	Останется на сердце словно тень.
Что в ливнях листьев, в половодье света	Не в том беда. Я думаю о главном,
Все ближе, ближе осени приметы, —	Что овекает холодом висок:
Полынный ветер бродит у ворот.	Чтобы ни я, ни дочь, ни дальний
Горит жнивье. И за чертой поселка	правнук
Подернул звезды лихOMETный дым.	Не стали пеплом выжженных дорог!

Матери

Проселки заколодило.	Во мне неожиданно нежность
Метели...	всколыхнулась, —
Потрескивали уголья в печи.	Неведомая, сладостная боль.
А мы вдвоем чаевничали, пели,	Моя светлынь! Моя защита, мама...
Как в старину, у тоненькой свечи.	Всегдашняя любовь и благодать.
Нахлестом вьюжным оборвало провод.	Ты строгими и чистыми глазами
И темь такая, что ни зги кругом.	Мир сущий научила понимать.
Стонало, выло, ухало над кровом,	И правды зов, и радости степные,
Лупил по ставням ветер кулаком.	И хрупкость душ, и смелых дел раз-
И в эту непогодину крутую,	мах —
Когда в полях бурана бил приборй,	Ты мне вручила целую Россию,
	Живую песнь на праведных устах!

* * *

А в Россию опять прилетят журавли,
Горечь странствий неся к родниковым местам.
Сердце дрогнет мое, слыша клич невадали,
И как будто туман пробежит по глазам.

Охвачу, как чумной, ветку вербы родной,
Почек сладостный дух вновь окатит, пьяня.

Как безудержна жизнь!
Нету больше со мной
Многих близких людей, кто так верил в меня!

Седина уж блестит... И куда ни взгляни —
Рвется к солнцу трава, молода и свежа.
Дни рожденья и смерти – великие дни!
Посылает их бог. Знает – только душа.

Та душа, что светла ожиданьем добра,
Щедрой русской мечтой и заветной строкой.
Что от чуждого зла истлевала дотла,
Но всему вопреки воскресала живой!
Пел и пил я взахлеб – так и ныне живу.
Пусть немного успел и свистит кошелек.
Не постичь бег минут! И на эту траву,
Что по – детски легка, ляжет мгlistый листок.

Вечность – это не миф. Это – правда и боль.
Птицы мы на Земле. Перелетный косяк.
И священной всего в мире этом – любовь,
Лишь она озарит неизбежный наш мрак...

Поспешат журавли! Оглашая зенит,
Зовом властным своим возвестят о весне.
Пусть же всяк сущий здесь да не будет забыт!
Как друзья и враги ясно помнятся мне.

И в раздумье опять отыщу я тропу,
Чтоб идущих со мною жалеть и прощать.
Улыбаться цветам! И, как песню, судьбу
На глазах у людей без затей продолжать...

Семен Ванетик (Род.1924)

Семён Ефимович Ванетик родился первого октября 1924 года в посёлке Вапнярка Винницкой области. Многие его детские и юношеские воспоминания связаны с Одессой – городом, в котором он проводил все летние месяцы, в гостях у бабушки. В самом начале Великой Отечественной его семья была эвакуирована морем – из Одесского порта.

В Заволжье (ныне – это Саратовская область) парень работал в колхозе трактористом. В армию Семёна не взяли из – за сильной близорукости. Чуть позже его приняли вольнонаёмным рабочим воинской части, которая перемещалась вслед за наступавшей армией. По маршруту Саратов – Харьков – Одесса Семен Ванетик вновь попал в знакомые края.

После войны он окончил радиотехнический факультет Одесского электротехнического института связи и получил распределение в Тобольск. Через некоторое время Ванетика перевели в Омск. Семён Ефимович работал в Иртышском речном пароходстве, затем – в одном из НИИ; доцент Ванетик преподавал и радиотехнику в Институте инженеров железнодорожного транспорта.

В Омске Семен Ванетик встретил свою любовь по имени Инна. Девушка была родом с Северного Кавказа. В её отеческие края они подались в 1971 – м году вместе с дочерью Анной. Так в биографию Семёна Ефимовича «вписался» Ставрополь – здесь он работал в специальном конструкторско – технологическом бюро полупроводниковой техники завода «Электроавтоматика».

Семён Ефимович Ванетик – автор поэтических книг: «Озорные линзы» (1980), «Дорогие, родимые...» (1985), «Лавры и тернии» (1990), «Растрёпанность и растревоженность» (1998), «Крутой диалог» (1999), «Избранное» (2002), «Короче говоря» (2006). В его активе также сборник эссе «Это сладкое слово – свобода» (2006), аудиокнига «Родные лабиринты», выпущенная несколькими тиражами в Ставрополе и Москве.

Дары

Мороз рисует на окне,
Своя есть живопись в огне,
В вечерней, утренней заре,
В извечной облаков игре...

Художница природа – мать
Нам дарит эту благодать,
И емкое понятие – счастье —
Уже воплощено отчасти.

Гроза

Гроза!
И небо трещит по шву.
Гроза!
И паника бьет траву.
Гроза!
И неторопливый гром
Вступил в перебранку
С оконным стеклом.
И вот по стеклу
Поползла слеза,

За нею слезы ручьем...
Гроза!
Грубит гроза,
И дерзит гроза,
И режет правду – матку
В глаза.
Но мир слезами
Омыт не зря,
И вот окно
Золотит заря.

Бальный танец

Бальный танец могу ль описать я –
Фугу жестов, сюиту скольжений,
Строгий фрак и воздушное платье,
Благодородство и яркость движений,

Плавность вальса и взрывчатость самбы,
Буйство румбы и томное танго,
Ананас, и рябину, и манго,
Браво, бис, черт возьми и каррамба!

Напарник

Люди требуют хлеба и зрелищ,
Эти требования не похеришь.
С первым туго бывает порою,
Но зато в изобилие второе!
Оказалось под боком, рядом,
Получаем с доставкой на дом,
Рекламирует, просвещает,
Развлекает и извещает.

И влечет к голубому экрану
Непорочную и пугану,
Старикана и мальчугана,
Академика и болвана.
Телевизор – наркотик, и страсть,
И священник, и нянька, и власть,
Драгоценный подарок неба,
Современный напарник хлеба!

Три друга

У меня три друга есть:
Толик, телик, велик.
Даже некогда поесть,
Успеваю еле:
То с одним я, то с другим,

Толю, телик,
велики?

Хорошо бы нам иметь
С Толиком по велику
И на великах смотреть
Мультики по телику.

Ведь они соперники.
Может, мы их совместим –

Разуму

(Из Карла Рамлера, с немецкого)

Что вдохновило первого флейтиста,
Извлечшего напев из тростника,
И первого поэта, чья строка
На бересте прочерчена волнисто,

И первого художника, что мелом
На камне тень подруги очертил?
Любовь! Она творит в избытке сил,
С ней рядом разум выглядит несмелым.

Владимир Гнеушев.
(Род.1927)

Гнеушев Владимир Григорьевич – уроженец села Кевсала Платовского района Ставропольского края. Рано остался без родителей. Совсем подростком начал трудовую жизнь – был разно-рабочим консервного завода в Махачкале, работал на электростанции в Ставрополе, учился в Минераловодском железнодорожном училище.

В составе Советской Армии В. Гнеушев находился в Польше и Германии, а затем служил на кораб-

лях Военно – Морского Флота. После войны находился на партийной работе в Кисловодске. Затем там же редактировал газету «Советская здравница». После окончания Московского Литературного института имени Горького несколько лет работал в комсомольской печати – сначала в Ставрополе, а затем в Москве.

«Я принадлежу к поколению,—говорит о себе В. Г. Гнеушев,— которое самым краешком опалила война и которое потом долго еще служило в армии, выравнивая разницу призывных возрастов военного и мирного времени». В 1962г. по факту обнаружения останков советских солдат периода Великой Отечественной войны. В. Гнеушев в качестве корреспондента «Комсомольской правды» впервые побывал на Марухском перевале вместе с государственной комиссией, о чем вместе с А. Попутько пишет документальную книгу «Тайна Марухского ледника», которая имела широкий резонанс., несколько раз переиздавалась в Москве и Ставрополе с дополнениями, в результате чего получилась трилогия «Тайна Марухского ледника», «Дыхание лавин», «Партизанский заслон».

Человек непростой судьбы, интересной биографии, яркой творческой одарённости, он с самых первых шагов привлёк к себе внимание литературной критики. Помимо ставропольской краевой печати, отзывы и рецензии на его публикации, книги и поэтические сборники появлялись в газетах «Правда», «Комсомольская правда», «Литература и правда», в журналах «Коммунист», «Дон», «Нева», «Октябрь», «Молодая гвардия». В 1987 году А. Мосинцев писал: «Поэзия Гнеушева – одна из наиболее ярких страниц в ставропольской литературе. Лирика его пронзительно откровенна. В ставропольской поэзии такая мужская незащищённость внове».

Творчество Владимира Григорьевича Гнеушева – поэта, писателя – документалиста, журналиста – является одним из самых значимых в истории литературы Ставрополя. Он автор поэтических книг «В дальних морях», «Первая встреча», «Хозяева Медной горы», «Кизиловая балка», «Якорей не бросать», «Синяя пытка», «Звезда Аксаута», «Тревога», «Хранить вечно», «Полынная слава», повести «Пионеры больших скоростей», путевых заметок «На все четыре стороны» и др.

В. Гнеушев имеет семь правительственных наград; член Союза писателей СССР, автор 16 поэтических и 10 прозаических книг, вышедших в Москве, Ленинграде, Ставрополе.

* * *

В теплом мире – синем и зеленом –
Все сияет музыкаю Грига.
Облака плывут на город, словно
Паруса таинственного брига.

По лесной по солнечной дорожке
Ты бежишь ко мне сквозь птичье пенье
В светлом платье, в белых босоножках,
Милое мое стихотворенье.

Рядовой

Памяти отца моего

Он убит в боях за Севастополь.
Синим майским днем
В сорок втором.
И на дне глубокого окопа
Был он похоронен под гнем.
Солнце ослепило и погасло...
Покидали гавань корабли.
Лишь насквозь простреленную каску
Мне спустя полгода принесли.
Да его последнюю записку,
Где писал он раненой рукой,
Что здоров и жив,
что немец близко.
А до смерти очень далеко.
Что в дыму последней перепалки,
Пулям и снарядам вопреки,
Вспыхнули на бруствере фиалки,
Словно мирной жизни огоньки.
«Я вернусь. Ты верь в мою удачу.
Ну, а если все же не вернусь –
Ты не плачь
Мужчины, брат, не плачут.
Перед одиночеством не трусь.
В жизни буди и храбрым ты и чистым,
На судьбу обиду не таи.
И тебе помогут коммунисты –
Побратимы кровные мои...»
Огненный глухой удар свинца...
И припомнил я тогда рождение
Коммуниста – моего отца.
Этот давний день и был началом
Верной биографии его...
Корабли тонули у причалов.
Не дожив до срока своего.

И, шинели скручивая в кольца,
Прямо на гражданскую войну
С песней уходили комсомольцы
В ту или иную сторону.
Ставрополье. Степь да буераки,
Пыльные окопы у реки.
Залегли в них яростные в драке
За свою свободу батраки.
А навстречу бьет огонь летучий
Так, что не поднимешь головы
От родной, хрустящей и колючей,
Высохшей без времени травы.
Комиссар, седой и угловатый,
Передал тихонько по цепи:
«По сигналу все вперед, ребята,
А пока не встану я – терпи!»
Приподнялся – и упал без крика.
В этот миг рванулся в полный рост
Лентой подпоясанный, как лыком,
Парень,
как и все другие,
прост.
А когда пришло победы чудо,
К парню подошли бойцы, теплы.
– Как тебя зовут?
– Да ты откуда?
– Звать Григорьем. Я из Кевсалы...
Много дней нелегких пролетело,
Отгремело много битв, пока
Стал отец большим и загорелым,
Комиссаром красного полка.
Я его запомнил вот такого:
Не в уют домашний, не в тепло –
С визой Ставропольской совпартшколы

Он приехал в дальнее село.
Для покоя все пути обрезав,
Он забот своих не позабыл:
Сколько уходил из – под обрезов,
Скольких поджигателей словил!
Все белее, словно от мороза.
Становились у отца виски.
Но рождались и росли колхозы,
Поднимались к жизни бедняки.
И опять дороги, переходы,
Каждый раз туда, где жарче бой.
Где он только не был в эти годы,
Партии великой рядовой!
Я запомнил утро голубое,
Пионерский лагерь у реки.
Подшли нестройною толпою
К берегу крутому топольки.
Я ногами босыми протопал
По тропинке узенькой туда,
Где следы забытого окопа
Заросли травой навсегда.
Было тихо. Было очень тихо.
Но уже гудели над страной
Бомбовозы черные, как лих,
Кровь и муки се за собой.
И. шинели скручивая в кольца,
За свою свободу на войну
С песней уходили комсомольцы,
Но теперь уж в сторону одну.
А к врачам ломились ветераны,
Требовали годности сполна,
Старые показывали раны
И с войны гражданской ордена,
О покое не хотели слышать.
Право их попробуй отними:
«Мы Климент Ефремычу напишем,
Он вас пропесочит, черт возьми!
Мы когда – то вместе воевали!..
И теперь не хуже молодых!..»

И врачам позиции сдавали
Перед бурей доводов таких.
И на фронт летело продолженье
Биографий, верных до конца...
Я припомнил это в день рожденья
Коммуниста – моего отца.
С каждым утром тяжелее росы,
Дни ясные, гуще синева,
На лесные, сизые покосы
Облетает желтая листва.
«Он убит». Но в радости и в горе
Говорит и действует со мной,
Истину отстаивая в споре,
Партии великой рядовой.
Совестью моей и честью стал он,
Человечьим долгом на земле
И Коммунистическим Уставом
На рабочем на моем столе.
«Я вернусь. Ты верь в мою удачу.
Ну, а если не вернусь –
Ты не плачь.
Мужчины, брат, не плачут.
Перед одиночеством не трусь...»
Я не знал трусливых колебаний,
С совестью своею не был врозь,
Хоть немало тяжких испытаний
Повстречать мне в жизни довелось.
Ну, а если так случится – струшу,
Другу своему не помогу,
От людей, как зверь, захлопну душу,
Ради личной выгоды солгу,
Не пойду в дорогу ночью мгlistой,
Чтоб помочь товарищам своим, –
Пусть меня каранют коммунисты –
Побратимы кровные твои.
Родина! Отныне и вовеки,
В трудной человеческой судьбе,
Всем, что есть родного в человеке,
Я обязан именно тебе.

Молодость

Нет, молодость меня не покидает.
Она, неудержимая, во всем:
В мальчишке,
что стихи мои читает,
И в лейтенантском звании моем,

В сырых рассветах,
встреченных на вахте
Где, не завянув и не огрубев,
Ветрами и туманами пропахла
Счастливая тревога о тебе.

Да, это правда!
Ты прости, родная,
Я имя здесь твое не назову—
Пуускай, кому не надо, не узнают,
Что я твоим дыханием живу
Пуускай летит на палубы крутые
Колючий снег
и тает на волне —

Твои глаза и косы золотые
Как солнечная память о весне.
Как знать, быть может, ты совсем
другая,
Живешь, чужие мысли затая,
Но лишь с тобой меня не покидает
Отчаянная молодость моя!

Традиции

Уже не детскими глазами
Мы на судьбу свою глядим.
И тишину в компасном зале
Курсантам новым отдадим.
У них иные неполадки.
Иной, чужой для нас уют.
Но пусть они мои прокладки
На старых картах узнают.
На этих, вытертых до дырок,
Где, словно часть моей души,

Лежат литые транспортиры.
Линейки и карандаши.
И расшифрованные знаки
Пусть будут им светить в ночах.
Как светят нам теперь маяки
На милых сердцу берегах...
Так мы сменяем поколения.
Чтобы в традициях морских
Сберечь навеки — их волненья,
Победы праведные их.

Тревога

Пустынен и безмолвен город наш
В предугреннем, еще неясном свете...
Нет, ни за что на свете не отдашь
Вот этот влажный и соленый ветер!

Опять в руке лежит твоя рука,
Опять мы попрощаемся с тобою.
Ты слышишь, как летит издалека
Тяжелый гул немолчного прибора?

Там, у причалов, он еще сильней,
Там гортань трубит походную тревогу.

И вымпелы на мачтах кораблей
Трепещутся и просятя в дорогу.

Так пусть в поход зовет меня трубач
Величественно, радостно и властно.
Дай губы на прощанье, и не плачь
И горьких слов не говори напрасно

Ведь так ведется в жизни моряка:
Когда земля в тумане пропадает,
Она ему становится близка,
Как никому другому не бывает.

На улице падает снег

Ах, губы твои! Он запомнит
Надменные губы твои,
И люстры сверкающих комнат,
И острую горечь любви.
Взгляни: за окном твоим белым,
С высот начиная разбег,
Застенчивый и оробелый
На улице

падает

снег.

Быстрее — покамест не вечер,
Покамест не буря, — быстрей
Набрасывай шубку на плечи
И в снег выбегай из дверей.
Верни его чувство живое
И радость ценою любой...
Как падает снег, так порою
Неслышно уходит любовь.
Словечком ли, жестом ли грубым
В обиде и гневе затронь —

Снег с пушистой шапочки стряхнула,
на него взглянув, билет взяла.
Повернулась
и опять взглянула,
и к сиденью первому прошла.
Час не ранний. Шла она откуда?
Из театра или из кино?
И уж если есть на свете чудо,
может быть, в ее лице оно?
Ну, решайся! Дело за немногим:
разговор пустячный заведи,
а потом, сказавшись по дороге,
к тихому подъезду проводи.
Прозвенит звонок в квартире сонной,
и тогда ты, в сонной той тиши,

незнакомый номер телефона
на обертке сыра запиши.
Но куда там!
Снова скрипнул глобус,
девушка вздохнула и ушла.
Все, что получиться с ней могло бы,
ночь тревожным снегом замела.
Он сидит, и думает он грустно,
как в свою он комнату войдет.
И на стол, где холодно и пусто,
ужин опостылевший швырнет.
За стеклом фонарь печально мокнет,
и, далекий засыпая след,
снег летит, и тихо гаснут окна,
и смешно влюбляться в тридцать лет.

Сирень в провинциальном городке

Памяти Юрия Гагарина

Сирень в провинциальном городке —
ее с росой по утрам срезают.
Отсюда уезжают налегке
и никогда назад не приезжают.
То учатся, то мчатся по стране
и сонно отдыхают в самолете.
Страна однажды спросит их:
«Пойдете?»
— Идем! —
они ответят в тишине.

Они узнают тяжесть центрифуг,
безмолвие ощупают руками.
Потом планету выронят из рук,
обняв ее прощальными витками.
И где — то, на рассчитанном витке,
ракеты на параболу бросая,
вдруг вспомнят, как цветет, к земле
свисая,
сирень в провинциальном городке.

Звезды

Для каждого звезда живет своя —
Подарок или выбранная с детства.
И никуда от этих звезд не деться,
хотя б она печальна, как моя.
Они в бескрайнем небе с давних пор,
почти всегда не видимые нами,
вершат неторопливый приговор
над миром нашим и над временами.
И словно бы не ведая забот,
они, желаньям жалким неподвластны,
ведут извечный свой круговорот,
путем Вселенной двигаясь бесстрастно.
Мы их не слышим. И летят года
то в обороне долгой, то в погоне.

Цветут ромашки на лавинном склоне
и, стекленея, падает вода.
Весь этот мир — он создан для людей
и потому так щедро светоносен.
Он полон солнца, снега и дождей,
и запаха зелено — рыжих сосен.
Но горько мне становится порой,
от мысли, что когда — то люди сами
зажгут такой огонь под небесами,
что вздрогнет и осядет шар земной.
Прошелестит и смолкнет листопад
Туман исчезнет. В сером пепле света
в молчание оденется планета.
И только звезды вдруг заговорят...

И дым костра...

То в памяти навеки остается,
что знают наши чувства и глаза:
над побелевшей, летней степью –
солнце,
над потемневшей речкою – гроза.
Сухой цветок на глинистом обрыве
да воздуха прохладного глоток.
Сазаний всплеск.
Плоды на дикой сливе.
Испуганного суслика свисток.

Далеких гор слепые очертанья,
палатка над бегущею водой.
Мерцанье звезд.
И властный зов желанья,
как голод перед самою едой.
След облаков – таинственный и зыбкий,
и ласковость к делам своим любим.
И дым костра.
И горький свет улыбки
той женщины, какую ты любим.

* * *

Я вновь приду к тебе – лишь позови,
Я снова всем словам твоим поверю.
Как давним летом
В полутемном сквере,
Я вновь тебе поверю
и любви.

Пусть будет снова,
Чтоб дышать – и нечем,
На мокрых листьях прыгающий свет,
Под тонким шелком дрогнувшие плечи
И губы, не промолвившие «нет».
И мы опять пойдем с тобой бродить
По городским асфальтовым кварталам.
Двух жизней нам, пожалуй, будет мало,
Чтоб этот мир веселый долюбить.
Давай пройдем сквозь город напрямиком
Сквозь лес и поле,
где дороги глухи,
Где в каждой хате
русские старухи
Нас угостят пахучим молоком.
В степи увидим купол голубой,
В лесу росой омоем наши ноги.
Нас уведет на дальние дороги
Тугого ветра гул над головой.
Пусть будет ветер – ты его лови,
Пусть будет счастье – не чурайся счастья.
Я жду твоей любви, а не участья...
Что ж, милая, ты медлишь?

Позови!

Алексей Градинар (Род. 1952)

Алексей Михайлович Градинар родился весной 1952 г. В 1962 году закончил СШ № 2 с. Шпаковского Шпаковского района Ставропольского края. Поступил мореходку в г. Ейске и закончил ее в 1972 г., по специальности «Радиосвязь и радионавигация морского флота».

Работал в море в г. Севастополе и Владивостоке.

Служил матросом в г. Очакове. Был за границей СССР, заходил в порты: Лас – Пальмас на Канарах, Дакаре – Сенегал, Александрия – Египет, Марсель, Гамбург. Видел не только разные страны и города, но и разницу быта, традиций, людей и народов мира по сравнению с близким и родным русской душе образом жизни на Ставрополье.

Окончил инженерный факультет СХИ. Работал инженером наладчиком. В Новые времена организовал свою фирму по изготовлению котлов, отопительных систем для школ, больниц, мелких микрорайонов. После отъезда единственной дочери за границу оставил фирму, став мелким предпринимателем.

Стихи начал писать с пятого класса, с подачи любимой учительницы русского языка и словесности Щербань Зинаиды Алексеевны. Ее муж, директор школы Щербань Николай Васильевич мечтал, чтобы я стал инженером, а она – чтобы поэтом.

Судьба распорядилась удивительным образом в угоду обоим: сделала профессиональным инженером и...

Печататься начал с 1987 г. в местной прессе. Сонмище чувств, эмоций, радости, негодования, любви, грусти, нежности иногда выплескиваются на бумагу в форме стиха.

* * *

А осень нежданно приходит,
Мечту отнимая, смеясь.
Снежинка седая тревожно
На плечи ложится кружась...

Тревога на сердце, в природе,
Грачи черной стаей в степи,
Под звуки волшебных рапсодий,
«Калины костер» догорит.

Печально на гроздь винограда
Смотрю и вздыхаю с тоской.
Живительной влаги отрада
Не шлют благодатный покой.

Стога, порыжевшие в поле,
Журавль с огрубевшим крылом,
И ветра порывы о воле,
И мысли о пережитом...

*

Мимо призрачной кромки бортов
 Проплывает в тумане Россия...
 Неизвестность чужих берегов,
 Безотрадные ночи чужие
 Так куда же мы, доктор, бежим?
 Мы же совесть и честь защищали!
 И хоть кровью забрызган мундир,
 Кровью наших врагов обагрjali.
 Колоколен малиновый звон
 Нам теперь на заре не услышать,
 И какой вам, поручик, резон,
 Восхищать позолотой погон
 И голодным бродить по Парижу?

* *

Господа! Я, поверьте, не трус
 И Россию люблю очень нежно.
 Я не Бог и судить не берусь,
 Но бежать от судьбы бесполезно.
 Что вы, доктор, я вовсе не пьян –
 Лишь жалею со страшною силой,
 Что российский дремучий бурьян
 Мне не стал роковою могилой.

За незримою кромкой бортов
 Уплывает навеки Россия...
 Я покаяться, Отче, готов
 – За грехи и свои, и чужие

*

Каждый проживает свою жизнь,
 И свои невзгоды, и удачи...
 Гниль под ветром, стой или ложись,
 Тот смеется ну, а этот плачет.

Молится один на свой цветок,
 Бережет, словно зеницу ока.
 Кто – то жизни расплескал глоток,
 Рвет чужой, – чтоб ни быть одиноким.

* *

*Посвящается моим учителям
 Николаю Васильевичу и
 Зинаиде Алексеевне Щербань*

И блещут, горят, манят глаза,
 Нежно, жаростно, таинственно, жестоко.
 Напоит янтарная лоза тех – вином,
 А тех – чудесным соком.

Но когда проснутся небеса,
 Мириады звезд вокруг зажгутся,
 Кто – то слышит тайны голоса,
 Лишь кому – то Звезды улыбнутся.

*

Ангел мой, храни меня,
 Дай согреться у огня,
 Дай напиться у ручья,
 Пусть горит моя свеча.

* *

Хлеб насущный будет пусть,
 Будет радость, будет грусть!
 Труден к Богу светлый путь,
 Дай мне силы не свернуть

Родина

Нищие на паперти гурьбой. Родина,
 Россия, что с тобой?
 Голод, водка, кладбища, война...
 Бесконечно тянется она.
 Пожирает Судьбы, словно сноп,
 И никто Войне не скажет: «Стоп!»
 В сонмище обмана и страстей –

Скопища отравленных людей,
 Реки крови продолжают лить.
 Не унять и не остановить...
 Боже, Иисусе, – Царь Земли!
 Ближнему напомни о любви.
 Борозды заждались семена,
 Осенись, огромная страна!

Я на бешеном скаку – скаку...
Хрип из пасти, пыль из – под копыт.
Добегу, дорвусь иль не смогу
Навзничь, оземь, а Душа вспарит.

Бестелесная испарит Душа,
Обретя Свободу, наконец.

*

Афродитой из пены явилась,
Вся в лучах золотой зари.
Нежно трепетно сердце билось
И внимало словам любви.

*

Времени струящийся песок,
Жизни расплескавшийся глоток.
Ариадны шелковая нить –
Не осмыслить и не уловить...
Вновь войны изломы раны, бинт...

*

Где ты, Истина?
Конечно ж, не в вине.
В сонме слов, в тебе или во мне,
В нежности, и в страсти, и в огне,
В чьей – то боли, радости, вине,

*

Доколе ж будут рвать противоречья?
В душе оставил пламень Прометей,
Сизифов камень больно давит плечи.
Как разорвать порочный круг страстей?

Как исцелить истерзанную душу
И лжепророкам затворить уста?

*

Я есмь ничто.
Недолг век –
Частичка бытия.
Не божество, а человек,
Не ангел, не змея.
Не торжество, не, падший ниц,
Не гений, не Титан,

Но скользя по мыслям, не дыша,
Сохранит и в небе жар сердец.

Тех сердец, что на Земле – земле,
Словно звезды манят и зовут,
Озаряют Млечный путь во мгле.
Конь – Душа и бешеный аллюр...
Не сорвись, о Боже, я молю!

*

И мечтою жила в волненье,
И волненьем влекла, звала.
Мимолетное вдохновенье
На мгновенье свело с ума

*

Путь во мгле – незримый лабиринт.
Света луч – и снова тьма и ночь...
Нить тонка. Сумеет ли помочь?
Стены... Стены... Колокол звонит.
Лабиринт, незримый лабиринт...

*

В правде иль неправде,
«В той стране»,
В солнце, ветре, зареве – во сне,
Где ж ты, Истина?
Неужто ты в вине?

*

И глас небесный, как молитву, слушать
И исцелять от имени Христа?

Спасая, выводя, – искать спасенья,
В Закон, Скрижали, верить до конца.
И с верою нести Отца ученье,
Но, избежав Голгофы и креста,
Как не предать в последний миг Христа?!

*

Сложивший крылья, – камнем вниз,
Не смерч, не ураган.
Я суть частичка бытия,
И лишь в бреде и сне
Осознаю – лишь человек.
Прости. Я каюсь, мне..

* * *

Вот и все, и опять разлука.
Может, вечно, как знать теперь?
Ах, какая же это мука –
Открывать в одиночество дверь!

* * *

В голове журчат, сияют звуки Лучших песен, пламенных стихов. Мягкая палитра нежной муки Ангельских, небесных голосов.	Белой стайей вас пронесит память, И звучит ваш чудный, дивный хор. То поется сердцу, то, рыдая, Заведет печальный разговор...
--	--

* * *

Наша жизнь – безбрежный Океан, Ручеек растаявшего снега. И мгновенье твоего разбега Захлестнет могучий ураган...	Беспредельна будь твоя любовь! Горячи дыхание и кровь. Ты уйдешь, и упадет Звезда, Ангел, что хранит тебя всегда.
---	--

И в глухую призрачную ночь Или в свете утренних лучей Миг растает и умчится прочь. И однажды высохнет ручей...	Воспарит, обнимет и возьмет На руки и в небо унесет. Полетишь, дыханье затая, В вечность, бесконечность бытия
---	--

Исповедь

Не зови, священник, ни к чему. Мне пред Богом надо повиниться. Так зачем посредники Ему – Ангел видит каждую денницу.	Не поэт. Какой я там поэт?! Да, пишу, немного сочиняю. Стих тяжел, не льется как сонет, Как слезинки строчки источаю.
--	--

Видит каждый шаг и каждый жест, Зло, коварство и когда я трушу. И, неся мне Богом данный крест, Сам бичую, истязую Душу.	Сколько лет, а будто бы дитя, Не ворую и не убиваю. Но невольно походя, шутя Обижая, злобу порождаю.
---	---

Малодушен, Господи, прости! И ленив, и слаб. Ну, что лукавить? МалOVER. И на своем пути Не хватает силы все исправить:	И когда мне кажется: ну вот Наступил и мой черед ответа. Раскололи бури, штормы плот, Что донес меня до края Света.
---	--

Искушений и соблазнов рой, Сатанинских сетей и капканов. Знаю: все ниспослано Тобой, За грехи мне ссадины и раны.	Чувствую невидимую нить И как новой силой наливаюсь. Пусть порой невыносимо жить – Верую, прости, поверь: я каюсь!
--	---

Муза

Ко мне приходит муза на свиданье
Прекрасной Девой с русою косою,
Как таинство, как нежное лобзанье –
И стих тихонько льется сам собой.

Нет – нет, я не пишу, а лишь внимаю,
А Муза движет трепетной рукой.
Осознаю, и мысленно читаю,
И привожу в порядок четкий строй.

Я лишь пытаюсь уяснить значенье
Тех слов и мыслей, что даются мне
Как наважденье, одухотворенье, –
И я на миг на пылком скакуне.

Да, мне дается право осознания,
И выбор слов, и рифмы унисон.
Я Здесь и Там, и, затаив дыханье,
Я слышу дивных звуков перезвон.

И рифмы рядом предо мной витают,
Журчат, струятся, мчатся чередой.
Я их ловлю, созвучья собираю
И наполняю новою строфой.

Ко мне приходит Муза очень редко:
Я не любимчик, но и не изгой.
Не пленник я в раззолоченной клетке –
Простой и верный стойкий рядовой.

Нет у любви бесследно сгинуть права!

Берегите любимых!
Не гасите любовь!
Если в сердце ранимом
Неостывшая кровь,
Если в нервах, как в струнах,
Бьется трель соловья,
Не утрачена юность,
Песнь не спета твоя!

Александр Екимцев (1929 – 1992)

Родился Александр Ефимович Екимцев в 1929 году в селе Акуличи Клетнянского района Брянской области.

Его творческий путь начался во время службы в армии на Дальнем Востоке. После войны, окончив среднюю школу, А. Е. Екимцев проходил военную службу в Приморском, а затем в Хабаровском краях. Там же в окружной военной газете «Суворовский натиск» были опубликованы его первые стихи. Лермонтова он считал чуть ли не божеством. Поэт постоянно

цитировал его строки в кругу своей семьи, стараясь всех заинтересовать своей любовью в его лирике.

С 1960 года А. Екимцев жил в Ставрополе, где и вышла в 1962 году его первая книжка стихов для детей «Десять добрых тропок». Самый популярный на протяжении многих десятилетий журнал для малышей «Мурзилка» неоднократно печатал стихи Екимцева. Публиковались они и в других широко известных детских изданиях «Пионер», «Костер», «Пионерская правда». В авторитетных высказываниях таких признанных крупных детских поэтов, как Сергей Михалков, Агния Барто, Анатолий Митяев, поэзия А. Екимцева получила справедливое одобрение.

А. Екимцев ребёнком пережил Великую Отечественную войну. Она врезалась в его жизнь и в память навсегда. В его стихах и поэмах о войне («Брянский лес», «Фронт под облаками», «Кавказ в 1942 году», «города – герои») основой содержания является мысль о страданиях тех, кто по сути своей должен радоваться и радовать других, о страданиях природы и детей. Лиризм военных стихов Екимцева основан общечеловеческих масштабах чувства, на синтезе печали и света, скорби и жизнеутверждения.

Детская поэзия Екимцева ценна как лёгкостью и выразительностью стиха, так и светлыми, одухотворёнными жизнеощущениями. А главное – в ней много любви к детям. Все это определило его судьбу как детского писателя. В дальнейшем ставропольское книжное издательство выпустило ряд его поэтических сборников. В 1967 году Екимцев стал членом Союза писателей, а в 1969 году – слушателем высших литературных курсов.

Живая природа, энергичная и лирически – задумчивая одновременно, яркая, искрящаяся, озорная и любопытная, участвует в стихах поэта в детских играх, помогая ребенку познать мир. Поэт умеет включить маленького человека в мир так же органично и полноценно, как это делают сами дети. Екимцев умел выступать перед детьми, они непосредственно откликнулись

на его заразительную душевность, на создаваемые им игровые ситуации, охотно подключались к совместному стихотворчеству.

Писал он и поэмы – не только о войне: поэма о матери, о Ставрополе. Поэмы его – скорее большие стихи, в которых сюжетное развитие не занимает важного в жанровом отношении места.

Александр Ефимович ушел из жизни 15 апреля 1992 года.

Песня о Ставрополе

Глядит на синие просторы,
На гор серебряную цепь
Мой город, уходящий в горы,
Мой город, уходящий в степь.
Немало трудных верст осилив,
Смахнул дорог седую пыль.
Широкий плащ просторов синих
Спадает с плеч его в ковыль.

А по ночам, под шум зеленый
Каштанов и дремотных лоз,
Он преподносит всем влюбленным
Букеты крупных южных звезд.
Да он и сам влюблен в просторы,
И гор серебряную цепь,
Мой город, уходящий в горы,
Мой город, уходящий в степь.

Кружат орлы – не накружатся в небе,
Держат на крыльях то ливни, то зной,
Город и горы, город и степи,
Ставрополь – город, город родной.

Кружат орлы – не накружатся в небе,
Держат на крыльях то ливни, то зной.
Город и горы, город и степи,
Ставрополь город, город родной.

Вот теплой вешнею порою,
На радость будущих веков,
Он вместе с ласточками строит
Дома у белых облаков.
И вспоминая всех героев,
На огневом закате дня
Он с непокрытой головою
Стоит у Вечного огня.

Раздолье гор, степей раздолье,
Одна судьба, один союз.
Ему навстречу с хлебом – солью
Выходит сам седой Эльбрус.
Его ветра тепло встречают,
Заводят шумный разговор.
И на руках его качают
В краю степей и синих гор.

Кружат орлы – не накружатся в небе,
Держат на крыльях то ливни, то зной.
Город и горы, город и степи,
Ставрополь – город, город родной.

Кружат орлы – не накружатся в небе,
Держат на крыльях то ливни, то зной.
Город и горы, город и степи,
Ставрополь, город, город родной.

* * *

Прости мне, степь, я изменял тебе.
С тобой расставшись, полюбил я вскоре
Вечернее взволнованное море —
С тех пор оно шумит в моей судьбе.

Прости мне, степь, я изменял тебе.
Там, где – то там, далече – предалече,
С тайгою повстречался я под вечер —
С тех пор она шумит в моей судьбе.

Прости мне, степь, я изменял тебе.
На берегах Десны весенней ночью
Я обнимал березовую рошу –
С тех пор она шумит в моей судьбе.

Прости мне, степь, я изменял тебе.
С самим собою день и ночь воюя,
На перекрестке красоты стою я —
Прости мне, степь, я изменял тебе.

Дуб Лермонтова

Давным – давно по свету ходит весть,
И свет ее встречает все приветней:
Дуб Лермонтова в Ставрополе есть,
Могучий великан семисотлетний.

Над кручами, над крышами домов,
В подлунные столетья разрастаясь,
Стоит касаясь молний и громов,
И ярких звезд вершиною касаясь.

И, на виду у белых облаков,
Своими почерневшими руками,
О, сколько завязал он узелков
Себе на память и другим на память.

Шумит он под весенний перегуд,
Ему не спится летними ночами,
Морщины по коре его бегут,
Текут морщины времени ручьями.

Немало перевидел, пережил
Под хмарью туч и под лучистым светом.
Он с Лермонтовым некогда дружил,
Бывал не раз наедине с поэтом.

Пусть бывшее покрывают мхи,
Но помнит пеликан семисотлетний,
Как Лермонтов читал ему стихи
Под звездами гуманной ночью летней.

* * *

Пишу друзьям, пишу знакомым,
Вы не тревожьтесь обо мне:
Живу в горах, как жил я дома,
В лесной смолистой стороне.

Я здесь на ты с землей и небом,
С высоким солнцем и грозой.

* * *

Когда ветра, сорвав с себя папаху,
Помчат по Ставрополю, грохоча,
Бесчисленные балки и овраги
Дают приют лескам карагача.

Он тех стихов не помнит наизусть,
Но помнит, что читал поэт суровый
Про смерть поэта и кремнистый путь,
И про гонимый ветром лист дубовый.

Поодаль чуть светилось в ночь окно:
Над картами склоняясь, не зная меры,
Тянули кахетинское вино
И в потолок палили офицеры.

А Лермонтов задумчивый такой
Стоял, склонившись к дубу – великану.
И незаметно левою рукой
Как будто зажимал под сердцем рану.

Вставал рассвет. Врезались в синь стрижи.
И старый дуб печаль его заметил:
«Поручик, понапрасну не тужи,
Еще с тобой мы поживем на свете!»

А умереть – не страшно умереть,
Но и не стоит пред судьбою гнаться.
Еще с тобой нам долго зеленеть,
И к шумным веснам долго нам тянуться».

И вот шумит на сотни верст вокруг,
И под ветрами всех времен не гнется.
Теплом горячих лермонтовских рук
Пусть он и тебя, мой друг, коснется!

Лежит Эльбрус ковригой хлеба
И сверху снег, как будто соль.

И зря меня зарей росистой
Зовут на север поезда.

Пером орлиным я прописан
В горах Кавказа навсегда.

Дают приют и ясеням и кленам,
Пусть злятся ветры, яростно пыля,
Но коль добра ты – быть тебе зеленой,
Степная бесконечная земля!

На Стрижаменте

Стоим мы удивленные,
Сняв наши рюкзаки.
Как пироги слоеные –
Вокруг известняки.

Видение видением –
С давно минувших дней
В лесу нагромождение
Огромнейших камней.

Они в халатах бархатных
Зеленых толстых мхов.
«Похожи,— кто – то ахает,—
На каменных богов».

Корнями их могучими
Деревья оплели.
Живые и падучие,
Средь каменной земли.

Местечко преприютное,
Хотя сказать, кругом
Хозяиничает всюду тут
Сушняк и бурелом.

Наломано отчаянно
И рядом и вдали.
И сколько тут лишайников
Свисает до земли.

О, сколько здесь нападало
Деревьев с синь – небес.
А папоротник радостно
В расщелину залез.

Идем, идем аукаем
Во всю лесную ширь.

Вот лес начался буковый,
Не лес, а богатыйр.

В объхвата три, наверное,
Стволы деревьев здесь,
Мелькнула сойка серая,
Неся по лесу весть.

И эхо заметалось
Средь птичьих голосов.
Немного уж осталось
Их, буковых лесов.

И здесь, где шорох шастает,
Премного – много лет,
Всегда прохлады царствует,
И приглушен здесь свет.

С минувшим не расстанутся:
Далекое им – близь.
Они упрямо тянутся
На тридцать метров ввысь.

Стоят под солнцем радужным,
До званий и имен,
Им помнятся солдатушки
Суворовских времен.

Стоят они как воины
На этой высоте,
Они такие ж стойкие,
Как и солдаты те.

Те, кто и в пору летнюю
И в ледяной мороз,
Здесь службу многолетнюю
На Стрижаменте нес.

* * *

Голубое предгорье,
Голубое предгорье –
Купола Пятигорья,
Купола Пятигорья.

Купола Пятигорья,
Вековечные своды
До небес поднимали,
Как строители, годы.

Протянулись к вам степи,
К вам спешит Черноморье,
Купола Пятигорья,
Купола Пятигорья.

К куполам вашим вечным,
Золотым и зеленым,
Встарь живую водою
На века окрашенным.

Память древних событий
В наши дни доносящим,
К куполам, что зимою
Серебристо – блестящи.

Шепчет клятвенно кто – то:
«И в тайге, и в Приморье, –
Будут видеться всюду
Купола Пятигорья!»

Терек

Не спится Терек, не спится
Ни днем, ни ночью с давних пор.
В глухом ущелье, как в темнице,
Грызет он цепь Кавказских гор.

Ставрополье

1
От Кубани реки до Кумы,
В огневой позолоте жнивья,
Разметались издревле холмы —
Ставропольской степи сыновья.

От небес и до самой земли,
Под весенний напев соловья,
Обронили чубы ковыли –
Ставропольской степи сыновья.

Видя Черного моря валы,
Прикаспийские видя края,
Кружат, кружат под небом орлы
Ставропольской степи сыновья.

И стоят, как с ашугом ашуг,
Тайну древних легенд затая,
И Бештау, и звездный Машук –
Ставропольской степи сыновья.

2
Паутинок полет,
Золотое жнивье.
Сердце тихо поет:
Ставрополье мое.

С вышины журавли
Плачут светлой росой.

Белый домик вдали,
Словно парус косой.

Все плывет – не плывет,
По степи не спеша.
И к душе пристает,
Словно берег – душа.

Прохожу я тропой
С предосеньем вдвоем,
Встал дымок голубой
Над спаленным жнивьем.

Ветерок, ветерок,
Осень льется в разлив.
Как приятен дымок
Нестареющих нив.

Паутинок полет,
Золотое жнивье.
Сердце тихо поет:
Ставрополье мое!

3
Меж двух морей
Оно лежит.
Шумит ковыль.
Орел кружит.

Давным – давно
Во весь свой рост
Лежит оно
На сотни верст.

Жар, суховея.
И вдруг – дохнет,
Пахнет с морей,
Душа вздохнет.

Отхлынет жар,
Померкнет зной.
И вот с отар –
Сто шуб долой.

Вздохнет душа.
И далеко
Вздыхнут, шурша,
Хлеба легко.

Хлеба, хлеба
Во все края.
Твоя судьба –
Судьба моя.

Куда ни кинь
Пытливый взор:
Над синью – синь,
Под ней – простор

И в ночь, и в рань,
И в рань, и в ночь
Шумит Кубань—
Кавказа дочь.

Весна ль, зима,
Рассвет ли, ночь
Шумит Кума –
Простора дочь.

Кума река,
Река Кубань
Издалека
Бегут сквозь рань.

Светясь, горя,
В стремленье дум

Несут в моря
Пшеницы шум.

Гул тучных нив
Уже навек
Вошел в разлив
Широких рек.

Синеет цепь
Кавказских гор,
Родная степь,
Родной простор.

4

Тюльпаны, тюльпаны
На землях отцов —
Как старые раны
Отважных бойцов.

Все не заживают...
У всех на виду
Они оживают
Однажды в году.

Ромашки в затишье
Бегут по степи.
И только чуть слышно:
«Ну что ж, потерпи!»

Бегут по неровной
Изрытой земле.
Забрызганы кровью
В седом ковыле.

На кручах, в овражках
Закутались в синь
Медсестры – ромашки,
Горюнья – польнь.

Тюльпаны, тюльпаны
На землях отцов –
Давнишние раны
Отважных бойцов.

5

И наша жизнь не станет ржавой
На той земле, где – сабли ввысь

И кочубеевцы сражались,
И балахоновцы дрались.

Из боя в бой, забыв о смерти,
Шли сквозь горячие дымы,
Чтоб только жили мы на свете,
Под красным флагом жили мы.

О, сколько их, родных и милых,
Скосило огненной косой.
Навечно братские могилы
Оплаканы степной росой.

Нам край степной и мил и дорог,
И нашим песням здесь звучать.
Нам на заре включать моторы
И поздно ночью выключать.

Слагать стихи, сажать черешни
И до небес детей качать.
И на холмах порою вешней
Свиданья зорям назначать.

Степь, слышишь, вместе нам трудиться!
Вставай и, полная красоты,
Расти, вынынчивай пшеницу,
Сверкающую от росы.

Расти высокую, как ливни,
Как ливни, шумную в ночи,
Чтоб под луной принять могли мы
Ее за лунные лучи!

6

О Ставрополье милое,
Край зорь, земля отцов.

Не колыбелью ль было ты
Прославленных певцов?

Теплом времен согретое,
На весь на белый свет
Лежит оно воспетое
Певцами разных лет.

В стихах и песнях Пушкина
С давно минувших пор
Гремишь крутой речушкою,
Сверкаешь гранью гор.

Обвалом грозным, кручею,
Осевшей в облака,
Живешь в стихах поручика
Тенгинского полка.

Черкесом, гордо скачущим
С орлиной вышины
Солдатом царским плачущим
Невольником войны.

Гремучих вод разливами
У каменной цепи.
Желтеющею нивою
В темнеющей степи.

И с песенною жаждою,
Я знаю, на веку
Не раз подскажешь каждому
Желанную строку

Светло в России от берез

1

И санный след,
И след колес
И в полночь разглядел бы я:
Светло в России от берез,
Светло от снега белого.

От меловых заречных круч
И вишен цвета сильного.

От новых срубов.
Белых туч,
Плывущих над Россиюю.

И счастлив я, что здесь я рос.
И то мне сердце радует,
Что снежный свет
Родных берез
На всю планету падает!

Светите, белые березы,
Светите рощам и полям.
Светите пашням и покосам
И одиноким журавлям.

Светите селам и деревням
И тихой речке под мостом.
Пусть проникает свет ваш древний
И в каждый пруд. И в каждый дом.

И в сумрак улиц отдаленных.
Где ни одной березы нет.

И на тропинки всех влюбленных
Пусть льется ваш неяркий свет

Светите и воде, и суше,
И небесам в полночной мгле.
Пусть проникает свет ваш в души
Рожденных на моей земле.

И пусть не меркнет свет ваш древний
В любом распахнутом окне.
Светите всей моей деревне,
Светите всей моей стране.

Ваша светлость, березы

Предосенние грозы,
Синий дым на реке.
Ваша светлость, березы,
Как вы там, вдалеке?

В родниковом заречье,
На горе, под горой,
Льются ль песни под вечер
И вечерней порой?

О продымленных пущах
И сгоревших ночах,
О России, несущей
Шар земной на плечах?

О метелях и грозах,
Позолоте жнивья?
Ваша светлость, березы,
Как там мама моя?

Так ли ярк платочек
Средь лугов и полей,
Что кукушки пророча!
Старой маме моей?

Вы смушенье отбросьте,
И туманно легки
Загляните к ней в гости
В старый дом у реки.

Обогните покосы,
Перейдите жнивье,
Ваша светлость, березы,
Навестите ее.

В полночь ли, на рассвете ль,
Как меня, как отца,
Добрый взглядом приветит
У ступенек крыльца.

Вы ступайте смелее
Вдоль лугов и полей.
Станет в доме светлее
Старой маме моей.

Предосенние грозы,
Синий дым на реке,
Ваша светлость, березы,
Как вы там вдалеке?

Рубашка

Детство, детство. Ты синь – рубашку
Подарило на память мне.
Вышивали ее ромашки
При огромной низкой луне.

Вышивали всю ночь ромашки
Гул ветров,
шорох трав,
леса.

Даже вышили на рубашке
Самых разных птиц голоса.

Светлый ливень берез над лугом
И раскаты июльских гроз.
Журавлей, улетающих к югу,
Медом пахнувший сенокос,

Полыхающее поднебесье
И закат у дальней межи,
Отголосок той бабьей песни,
Что запуталась в спелой ржи...
Низко кланяюсь вам. Ромашки,
Детству кланяюсь и луне:
Вы волшебную синь – рубашку
Подарили на память мне.
Захочу – и заскачет детство
На игренево на коне.
Или старый – престарый дед мой
В полночь сказку расскажет мне.

Лес – в карман,
Поля – в карман
Спрятал
Дедушка туман.

Спрятал копны
И стога.
И лужайки,
И луга.

Даже солнышко
В карман
Спрятал
Дедушка Туман.

Только он
Совсем забыл,
Что карман
Дырявым был.

Возле дома лесника
В жаркую погоду
Десять троп

Захочу –
станет филин ухать,
Захочу –
увидю с крыльца,
Белый ливень берез над лугом
С неба хлещущий без конца.

Обожженное в полночь небо,
Черный дым за каждым углом,
Золотую кроюху хлеба,
Что делили большим селом.

Уплывающий дым тот горький
От земли,
где я жил и рос,
Мать,
стоящую на пригорке,
В ореоле седых волос.

Дедушка Туман

За рекою
В гору лез –
Потерял
Поля и лес.

Потерял потом
Луга,
Копны сена
И стога.

У высокого кургана,
Где дремал
Костра дымок,
Из дырявого кармана
Солнце
Вылезло само!

Десять добрых тропок

Из родника
Пили с нами воду.

Путь – дорожка далека—
С ними мы расстались.
Десять троп у родника
Навсегда остались.

Если солнце припечет –
Под осиной робкой
Вам укажут родничок
Десять добрых тропок

Деревушка на сосне

Тёплый ветер, южный ветер,
Спозаранку, по весне,
Вдруг заметил, вдруг приметил
Деревушку на сосне.

Насчитал он в деревушке
Девяносто три избушки.

Развесёлый ветер гулкий
Ветки сосен покачал.
Пробежал по переулкам
И по улицам прымчал.

Осмотрел он все избушки,
Разглядел он что к чему.
Посредине деревушки
Солнце встретилось ему.

В шубе заячьей, лохматой,
Сунув бороду в карман,
Будто сторож бородатый,
Под сосной дремал туман.

Может, просто так сидел он
И его клонило в сон,
Ну, а может, в самом деле,
Охранял избушки он.

Тёплый ветер, южный ветер
Деревушку облетел,

Всё заметил, всё приметил,
Всё как надо разглядел.

А потом помчал на почту,
Заглянул в просторный зал,
И, чуть – чуть помедлив, вот что
Дятлу весело сказал:

“Ты не в службу мне, а в дружбу
Телеграмму дай весне.
Сообщи ей: обнаружил
Деревушку на сосне.

Передай: мальчишки срочно
Собрались со всех концов,
Дружно строили и прочно
Деревушку для скворцов.

Все пилили и строгали,
Все готовились к весне.
И Скворцовскую назвали
Деревушку на сосне.

Скоро лес зазеленеет,
Почки шепчутся во сне.
Пусть скворцы летят скорее
В деревушку на сосне!”

Боль

Мы болеем о дальних и близких,
Павших в трудных боях на войне.
Боль остра, как острыеobeliski,
С этой болью не справиться мне.
Это боль и березовой рощи,
И тропинки, припавшей к жнивью.
И осины, что за полночь рошщат
На нелегкую долю сию.

Это боль и оврагов, и речек,
И забытого где – то огня.
И года никогда не излечат
Ни седых матерей, ни меня,
Ни друзей, что склоняются низко,
Ни задумчивых ив на селе.
Боль остра, как острыеobeliski,
На бескрайней российской земле.

Раздумье о времени

И этот лес, и эти воды	Недожиты тысячелетья
Нет – нет да и подскажут мне:	Твоими сыновьями, Русь!
Сложи недожитые годы	
Всех, храбро павших на войне.	По всем угодыям, неугодыям, Таинственно, как лунный свет,
Сложу, волнуясь, годы эти –	Они, непрожитые, ходят,
Охватит сердце боль и грусть:	Им день и ночь покоя нет.

Светите, белые берёзы

Светите, белые берёзы,
Светите рощам и полям,
Светите пашням и покосам
И одиноким журавлям.
Светите сёлам и деревням,
И тихой речке под мостом.
Пусть проникает свет ваш древний
И в каждый пруд, и в каждый дом.
И в сумрак улиц отдалённых,
Где ни одной берёзы нет.
И на тропинки всех влюблённых
Пусть льётся ваш неяркий свет.
Светите и воде, и суше,
И небесам в полночной мгле.
Пусть проникает свет ваш в души
Рождённых на моей земле.
И пусть не меркнет свет ваш древний
В любом распахнутом окне.
Светите всей моей деревне,
Светите всей моей стране.

Елена Иванова
(Род. 1941)

Елена Львовна Иванова родилась 28 ноября 1941 года в рабочем поселке в Дятьковском районе Брянщины.

Первая ее публикация состоялась в альманахе «Ставрополье». Далее последовал цикл стихотворений под названием «Кавказские ямбы» в коллективном сборнике «Первое свидание» (1968 г.). Затем с большими промежутками во времени выходят в свет самостоятельные сборники: «Мелодия» (1971 г.), «Росток» (1976 г.), «За Десною – рекою»

(1977 г., Москва), «Трава не знает» (1985 г.), «Ключи земные» (1991 г.), книга для детей, написанная с целью помочь малышам в игровой форме овладеть умением читать, с соответствующим названием – «Озорная азбука» (1994 г.).

«Всю жизнь, сколько я себя помню, творчество шло у меня параллельно с работой, отнимавшей, к сожалению, так много времени и сил и оставлявшей для любимого труда лишь обрывки вечеров и ночей. Работала: после школы – на стекольном заводе лаборантом; будучи студенткой МГУ, с третьего курса перейдя на заочное отделение университета, – в областной молодежной газете «Брянский комсомолец»; по окончании университета, в редакции газеты «Кавказская здравница» литсотрудником; затем – редактором литературно – драматической редакции краевой студии телевидения; и снова газета, на сей раз «Ставропольская правда» – писала Елена Ивановна. «Был и такой сравнительно недолгий период в моей трудовой деятельности, когда, надеясь в какой – то мере освободить ум и душу от ига повседневных служебных забот, требовавших полной самоотдачи, я решила упрятать себя в Пятигорскую киносеть, о чем осталось поэтическое свидетельство в моем дневнике: «Пришла пора и мне вдохнуть весенний чад акации: пролег вперед мой светлый путь сквозь мрак кинофикации...» Она занималась издательской деятельностью (была заведующей отделом в Ставропольском краевом институте повышения квалификации работников образования).

Елена Львовна Иванова – яркий представитель российской интеллигенции, человек высоких нравственных убеждений, образованный, обладающий высоким уровнем общей и профессиональной культуры, целеустремленный, смелый, благородный, великодушный и толерантный. Её отличали умение дать добрый профессиональный совет, подсказать идею и помочь молодым коллегам в её реализации, активная жизненная позиция, требовательность к себе и окружающим, чуткое отношение к людям.

Позывные любви

Ночь пришла, дохнула тьмой под крыши
Так мы гасим огонек свечи.
Все уснуло...
Только все ли?
Слышишь,
Сквозь дремоту то сильней, то тише
Сердце чье – то, бодрствуя, стучит.
Звездный взгляд июньской зоркой ночи
В тайну сокровенную души
Заглянул и что – то вызнать хочет,

Но открыться тайна не спешит.
Сердце посылает позывные,
Как звезда свой посылает свет,
Чтобы тот, кому они родные,
Их услышал, вздрогнул бы в ответ!
Нет ответа...
Что ж это такое?
Сердце позывные шлет опять.
Сердце верит, что оно – большое
И его нельзя не услышать.

* * *

Встань пораньше.
Цветов и росы
Мне нарви, принеси под оконце.
Если можешь, мне в душу насыпь
Росяного искристого солнца.

Все проходит.
И я промолчу,
Об умолчанном сожалее...
Все проходит...

Все проходит...
Ромашковый луг
Облетает в туманном дыму,
Опадает тепло наших рук,
Не подаренное никому.

Зачем?
Не хочу!
Принеси же цветов мне скорее!
И топчут второпях со страстью...

Про ученье и пчелу

«Учусь я с горем пополам», –
Вздохнув, сказала Ксюша.
Так что же делать, внучка, нам?
Ты бабушку послушай.

пчела находит мёд,
Но и на самых горьких.

Любой нам скажет пчеловод,
Что не на сладких только
Цветях

С любовью трудится пчела –
Так вот откуда сладость!
Ты и сама бы так смогла:
С охотой взявшись за дела,
Добыть в ученье – радость!

Кот и мышонок

Мышонок
однажды попал в мышеловку...
От этой беды он отделался ловко.
Кота пригласил:
«Чем тебе я не ужин?»
И кот мышеловку открыл поднатужась.

Но заняты были передние лапы,
Чуть дверца открылась,
Мышонок как драпнул!
Он в норке сидит, над мурлыкой смеётся:
«На сильного хитрый всегда, брат,
найдётся!»

Весенний дождь

Он так нетерпелив, весенний дождь!
Смотри, неистово как землю ошарашил!

О, теплый дождь!
Ты даром не пройдешь,

Ты колосом взойдешь с ладоней пашен.
Кристалнейший, в земную пыль и грязь,
Чтоб мог росток из почвы возродиться,
Струишься ты, ни капли не страшась
Ни низко пасть, ни паром обратиться.
И тянется былинкой каждой ввысь

Земля под засиявшими лучами.
Вот так любовь
Творит повсюду
Жизнь,
Небесное к земному приобщая.

Весенний стих

Хрустальные бусы капли
В весенний сугробик слетели.
От счастья сугробик растаял,
Ручью свою радость оставил.

Вот птички слетелись напиться.
Напившись, хотят порезвиться.
Бежит ручеек из капли,
Сердца у прохожих запели.

Бежит ручеек, улыбаясь,
В глазах у Небес отражаясь.
Парок над ним вьётся бесшумно
И ввысь улетает бездумно.

Оттаяли в сердце их льдинки,
Хоть падают с неба снежинки.
В весенний сугробик слетели
Хрустальные бусы капли.

Лев

Такое выпало соседство:
Напротив лоджии моей,
В ночи тревожа всю окрестность.
Тоскует в клетке царь зверей.

Гремит в гортани, как в ущелье,
Рычанья грозный камнепад.

Томит и дразнит воли запах,
Но льву отсюда не уйти...
Как ураган на мягких лапах,
Беснуется он взаперти.

Как упоительна свобода!
Но что мы ведаем о ней:
В железной клетке – царь зверей?
В бетонной клетке – царь природы?

Утробный рев его пещерный
Вдруг оглашает зоосад!

Она тому дороже жизни,
Кто возростал среди стихий.
Не крик ли это атавизма –
Мои полночные стихи?

* * *

Выздоровленье праздную.
Закат горит в окне.
Рассудка скальпель плазменный
Врачует душу мне.

Без швов большое вынуто,
Что тяготило, жгло.
Нетрудно быть покинутой,
Быть легкой – тяжело.

* * *

Как тяжко у присутственных дверей
С душой бессмысленно – живой своей!
Судьбу твою из болей и тревог
Здесь ни за что не пустят па порог —
Пусть за дверями топчется. В бумагах
Ты только пунктик, вписанный в параграф.

Взглянули на тебя – сочти за честь.
Встречают по одежке только здесь
И провожают тоже по одежке
(А как мягки ковровые дорожки!).
Ты мнешься и сгораешь от стыда,
Хотя не вор, не жулик, никогда
Ни в чем постыдном не был уличен.
И вот уж он тебя толкает, бес твой,
Сказать словцо сановному плебейству!

* * *

Семнадцатое лето отзвенело,
Семнадцатая осень пролилась,
Семнадцатая вьюга засвистела,
Зима в окошко билась, не спросясь...
Ты говоришь, несчастлива? Быть может.
Судьба любви у каждого своя.
Так, одному – талант любить положен,
Другому – лишь любимым быть дано.

Андрей Исаков (1902 – 1971)

Андрей Максимович. Исаков родился в станции Родниковской Краснодарского края в бедной казачьей семье. Девятилетним мальчиком начал батрачить. Здесь истоки творчества Исакова. Городского пейзажа в его стихах не встретишь. Поля, сады, леса, речки – вот его герои.

В 1920 г. добровольно вступил в ряды Красной Армии. Важным событием в жизни будущего поэта стала встреча в 1931 г. с известным ученым, участником челюскинской экспедиции Отто Юльевичем Шмидтом, который приехал на охоту в кавказские леса, где работал тогда Андрей Максимович, слушал его стихи, а затем помог Исакову поступить на литературный факультет педагогического института г. Орджони-кидзе.

Стихи А. М. Исакова были впервые опубликованы на страницах студенческого сборника, изданного литературным кружком. За написанные песни студенту Исакову назначили персональную стипендию на все время обучения.

В годы Великой Отечественной войны А. М. Исаков – корреспондент фронтовой печати. Многие армейские газеты публиковали его стихи, фельетоны, статьи. Прошел Кавказский, Южный, Третий Украинский, Волховский, Ленинградский, Третий Прибалтийский фронты. Особое место в творчестве Андрея Исакова заняло освобождение Ставрополя. Не каждому воину выпало счастье принести солнце свободы родному городу. Исакову оно выпало. За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды.

Лирика А. Исакова разнообразна: о Родине, родной земле, товарищах по оружию, земляках, воинах и партизанах, о потере близких. Ощутима связь поэзии А. Исакова с устным народным творчеством. Его эпитеты, сравнения, метафоры традиционны для русского фольклора: казак сравнивается с соколом, враг – с черным вороном, поля – широкие, косы – шелковые, ветер – вольный, часто встречается параллелизм, повторы: тоска – печаль, костёр – огонь, беда – огонь. Стихи А. Исакова напевы, мелодичны, некоторые из них положены на музыку.

Основные сборники произведений А. М. Исакова: «Стихи и песни», «Песни о победе», «Кавказская сторона», «В моем краю», «Ровесник Ленина», «Земля зовет». Поэмы «Ставропольская бьль», «Виноградарь», «Кавказская сторона», сказка для детей «Былиночка» посвящены труженикам родного Ставрополя, мелиораторам и животноводам.

Наш земляк поэт Г. С. Фатеев посвятил старейшему ставропольскому поэту А. М. Исакову стихотворение «Поэт»:

Его мы больше никогда не встретим,
Не спросим по привычке: «Как дела?»
Он в Ставрополь ворвался в сорок третьем,
В лицо метель свинцовая мела.

И на углу центрального проспекта
Его товарищ рухнул и затих.
Как мало на земле живёт поэтов,
А пули почему – то ищут их.

Душевная преданность, чистота, искренность в поэзии отличали творчество Исакова. Умер Андрей Максимович Исаков в 1971 году

Песня Ставропольских партизан

Пробивает солнце хмары
Копьями лучей.
Поседлали ставропольцы
Боевых коней.

Приумножим нашу славу,
Бить их будем так,
Как рубил Трунов когда – то,
Как громил их Шпак.

Там за Доном, по Днепровью
Опустился мрак,
По равнинам и по балкам
Притаился враг.

Ты не рой копытом землю,
Конь мой вороной,
Мы с победой возвратимся
Из полка домой.

Собирайтесь, партизаны,
Стариной тряхнем,
По захватчикам – фашистам
Сталью полоснем.

Пробивает солнце хмары
Копьями лучей.
Поседлали ставропольцы
Боевых коней.

Да здравствует юность

Я прошел через битвы,
Страшной преисподней,
Сквозь годы и войны,
Что накалестей пекла.

По братским могилам,
По мраморным плитам,

Вам историю дней
Изучать по курганам,

Я же помню ее
По знаменам пробитым,
По товарищам павшим,
По собственным ранам...

Ставрополь

1
Стоял Январь
Я помню ветер, зимний колкий ветер...
От гор Кавказа двигались обозы.
Суровые, в дубленых полушубках
Шли воины Отечества.
Над ними
Седые плыли в небе облака

И гром войны висел над головою.
Текла поземка белым океаном...
Казалось, степь ворочалась под снегом.
То охала, как древняя старуха,
Изрытая морщинами траншей,
То билась под колесами орудий,
Как лебедь с переломанным крылом.
А даль звала, звенела и манила,

Туда, где гром,
На пламя городов,
Туда, где высились развалины строений
Над зыбкими просторами полей.
И мы рванулись на голос батарей,
Нам путь указывал великий гений.
Стоял январь, пора ветров и вьюг.
В разрывах мин еще дымилось поле,
Когда вошли в родное Ставрополье,
Где каждый тополь, каждый кустик – друг.
Мой край непокоренный был в дыму.
И с ног его мы скоро сняли пуги
Смертельных мин. Но не в одном доме
Его детей тогда лежали трупы...

2

Утро нашего города

Хрустальное безоблачное небо.
Стоят в росе цветущие пионы.
А в кронах дуба, ясеня и клена
Затеяли концерт веселые птицы.

О, сколько их и как они щебечут!
Я знаю птицы любят этот город,
И потому перед восходом солнца
Поют они особенно приветно.

В домах открыты окна настежь. Дети!
Как хорошо вы спите в час восхода!
Вас не тревожит птиц веселый гомон,
И мягкий звук машин не беспокоит.

Совсем светло.
Я вижу очертанья
Кавказских гор, далеких, белоснежных,
Мне кажется, до них – подать рукою,
Бросок – и там.
Обманчиво пространство...

Не пройти от края и до края
По зеленым, бархатным полям.
Вот она, земля моя, какая!
Под дождем весенним набухая,
Жизнь дарит отборным семенам.

Иду я по проспекту тихим шагом,
Чтоб не спугнуть с деревьев птиц поющих,
Мимо скульптур – крестьянки с виноградом
И той, что сноп несет пшеницы зрелой.

Иду налево, к лестнице широкой,
Хочу с горы на город глянуть утром,
Над ним плывут на север самолеты,
Сверкая серебристым опереньем...

Массивные гранитные ступени
Ведут вверх между колонн, фонтанов.
Отсюда, с Комсомольской горки, виден
Мой город в утреннем сиянье...

Пришли каменотесы с топорами
И высекли огонь из камня сталью.
Осколками зернистого гранита
Ударило, как брызгами фонтана.

Окинув взглядом город, я увидел:
Над корпусами стоящих зданий
Несли вверх металл, кирпич и камень
Могучие подъемные машины.

Лучи, как золотые паутинки,
Рассыпались, горя, по горным склонам,
По крышам зданий, заглянули в окна,
Проникли сквозь листву садов и парков.

Как ясно утро вашей жизни, дети!
Какая ждет вас ясная дорога!
Все выше, выше, жарче в небе солнце,
Все краше мир, и жизнь светлее наша.

В поле

Нет конца полям и нету края,
И куда, товарищи, ни глянь –
Нежится под солнцем голубая
Песнями разбуженная рань:
Плещется водою у колодца,

Струйками воздушными бежит.
Жаворонком в небесах смеется,
И росой на траве дрожит.
Озимью пушистою покрытый,

Шелестит под ветерком загон...
Радуюсь полям душой открытой
Я – поэт, колхозник, агроном...

Май

В разгаре посевная,
Прозрачна неба синь.
Выходит тихо в поле
Весны любимый сын.

Он в гнезда их сажает,
А сам идет, идет.
И там, где Май проходит,
Земля кругом цветет.

В руке он держит ветку,
А ветка вся в цвету.
Он ловит птиц пугливых
Рукою на лету.

Ему навстречу люди
Несут в руках цветы.
И солнце засмотрелось
На праздник с высоты.

Вечер. Прохлада. Тишь.
Робко шумит камыш.
Небо упало в пруд.

Тучки по небу плывут.
В воду вниз головой
Кинулся клен молодой.

Я пастух, мне ровно девять лет.
В эти годы много ль парню надо?
Не грустишь, забот житейских нет:

Был бы сыт. Да сверстников ватага.
Я не знал, что через тридцать лет
Я ворвусь с гранатой в зал рейхстага...

Мой давний друг, то тихий, то шумливый,
Ты украшаешь землю, старый сад.
Кто не сидел в твоей тени с любимой,
Кто не дарил цветам неповторимым
Свой самый добрый, самый нежный взгляд?..

Над речкою – красавицей –
Тугой шатер небес.
В реку глядит, качается
Густой высокий лес.
Давно ли школьник с книжками
Я этот лес сажал...

Давно ли был мальчишкою,
И вот седым я стал.
Картины незабвенные
Рисуются, проносятся,
И мысли сокровенные
Волнуют, в песню просятся...

Если ты берешь для песни слово –
Положи его на пламень сердца,
Накали, да так, чтоб не остыло.
Чтоб легло кристаллом в глыбу века.

Время сгложет ветром грань металла,
По песчинкам время слижет горы,
Только слово не остудит время,
Если слово в сердце накалилось.

Магистраль за запад

Ещё вчера на берегу Днепра
Гремела канонада огневая.
Всю ночь, сопротивляясь до утра,
Враги держались, кровью истекая.
Сегодня их, маневр предприняв ловкий,
Одним ударом вышиб Малиновский.
На лодках, на баркасах и понтонах
Пересекали воины реку.
У каждого граната и патроны

И автоматы к бою – начеку.
Их с ходу прикрывали пулемёты.
Ой, было ж пулемётчика работы!
Но вот едва улёгся шум,
А у Днепра бойцы уже другие.
И каждый воин, напрягая ум,
Орудия готовит трудовые.
Чтобы поднять разбитое войной,
Здесь нужен подвиг новый, трудовой.

Товарищ с Волги

И.Г.Булкину

С душою юной и горячей,
Среди любых стихий
Он был поэтом настоящим,
Читал бойцам стихи.
И ждали Булкина солдаты
В окопах разных рот.
И было весело ребятам,
Когда поэт придёт.

В сырой землянке,
Дымной, тесной,
Он находил уют,
Дарил бойцам стихи и песни –
Их и теперь поют.

Ставропольская быль

На полях обширных Ставрополя,
Где шумят под ветерком отавы,
Где пшеницы спелые колосья,
Будто медь, звенят в июльский полдень,
Там живет хозяин изобилья
Урожай – краса и сила поля.

Если пахарь любит труд и землю,
От земли получит он награду.
Наградит за труд его упорный
Урожай богатыми дарами.

Ходит он высокий, вечно юный,
Ходит озабоченный по нивам.
Каждый кустик озими проверит
Хорошо ли озимь укрепилась,
Хорошо ли люди потрудились
На полях во имя изобилья.

Рядом с черноземными полями,
В прикаспийских ветряных просторах
Поселился хитрый и коварный
Суховой – извечный недруг счастья.

Враг всему живущему на свете,
Он не любит зелени кудрявой,
И всегда в засушливое лето
На поля летит горячим ветром.

Пыль поднимает рыжими столбами,
Дышит знойным ветром на посевы...
И поля от жажды, от истомы,
Увядая, пели песнь о влаге.

Затихала жизнь в широком поле
С каждым новым вздохом суховея.
Колоски не выметав, пшеница
Засыхала под палящим ветром.

2

Хлебороб Иван Матвейч Кондра
Сорок лет пахал поля и сеял.
Много раз земля за пот крестьянский
Награждала Кондру изобильем.

И любил он утреннее поле,
Росные широкие просторы,

Как садовник любит сад трехлетний,
Первыми усыпанный цветами.

Понимал шуршащий тихий шепот
Молодой пшеницы в дни налива.
Бережно поглаживал рукою
Колосков колючую щетину.

И, бывало, просто, по – крестьянски,
Кондра поведет в селе беседу:
– Поле, братцы, все равно, что лошадь,
Холь его – и сразу залоснится.

Зашумит, как будто чувствует ласку,
А потом за все твои заботы
Одарит тебя таким богатством,
Что от хлеба закрома прогнутся.

Только вижу, братцы, мы забыли
Напоить поля свои водою.
Силы мало, что ли, у народа,
Иль родную землю мы не любим?

Но ни словам Кондре не ответил,
Расходились грустные соседи
По базарам, по хатам, по станице
Тихие, безмолвные, как горы.

И тогда Иван Матвеевич Кондра,
Запечалась, говорил со вздохом:
– Хороша земля Ставрополье,
Да безводье вымотало жилы.

...И пошел он тихий, незаметный,
По жнивью, по целине, по пашням,
Напрямик загонами глухими
По холмам да балкам Ставрополья.

Ты поведай, древняя равнина,
Расскажи, куда идет твой пахарь,
Одинокий, бедный земледелец?
Что он ищет на твоих просторах?

...А когда за гору скрылось солнце,
Он упал в траву, и до восхода
Ветерок прочесывал легонько
Бороды его густую поросль.

Снилось Кондре степи Ставрополья,
Празднично наряженные дали,
И как будто там, где проходил он,
Пролегло реки широкой русло.

И вода с бурлящим клокотаньем
Наполняло русло и звенела.
И губами берегов высоких
Пили воду жаждущие степи.

И как будто сам Иван Матвейч
Опускает руку в эту воду.
Пробует холодную, не веря,
Что случилось эдакое чудо.

Слезы по щекам его бежали,
Радости, а не печали слезы.
И смотрел он добрыми глазами
На поля, на воду и на солнце.

И как будто мокрые ладони
Он к лицу горячему подносит.
Чувствуют приятную прохладу
Веки, воспаленные от зноя.

Чувствуя живительную силу
Влаги освежающей, студеной,
Он во сне от радости воскликнул:
– Люди, воду вижу!.. Вижу воду!

Крикнул и проснулся. И увидел:
Поднималось солнце над полями.
И весенней утренней прохладой
Наслаждаясь, жаворонки пели.

И пошел Иван Матвейч Кондра
По коврам росистым и пахучим.
И какие ж это были травы!
И какое ж это было утро!

Солнце поднялось уже высоко,
Пышет зноем от земли и неба.
Ящерицы бойкие с лентою
Из – под ног уходят человека.

Бьют перепела в густой отаве,
Ястреб камнем падает в просянку,
От ежа бежит мышонок в нору,
На смерть перепуганный, бедняга.

А вдали голубоватой дымкой
Потянулась светлая полоска.
И с какой – то резвостью особой
Ветерки несли прохладу в поле.

– Там она, – сказал Иван Матвейч
И пошел, как будто стал моложе,
Будто там, за светлой полосой,
Были дом, жена его и дети.

Он шагает легче молодого,
Поле так и стелется под ноги,
Тысячи кузнечиков по травам
Сыплются росинками живыми.

А когда в просвете разнolесья
Он реку увидал, снял папаху
И сказал ей громко, как сказал бы
Человек, встречая человека.

– Здравствуй, многоводная, родная!
Я принес поклон тебе от поля, –
И, прижав горячими губами,
Пил он воду истоиво и долго.

И, казалось, вечные мученья
Жажды изнурительной от зноя
Исцелит прохладную водою
Голубой красавицы Кубани.

И реке, как другу, он поведал
О полях, тоскующих по влаге.
О цветах, которым снятся вечно
Берега и плеск воды холодной.

И к селянам легкими шагами
Не идет – летит Иван Матвейч...
Так его на крыльях поднимала
Правда, исцеляющая душу.

И мечтою давней осененный,
Он пошел по селам Ставрополя.

Думу затаенную народа
Вдохновенно землякам поведал:

– Ой вы, люди, выходите в поле!
Собирайте плуги да лопаты,
Да пойдемте миром от Кубани,
Аж до самой кручи егорлыкской.

Что ж молчите, добрые миряне?
Или жажда вас не изморила?
Иль поля родные вам не лубы?
Или силы мало у народа?

Отвечали вдумчиво и строго
Неторопким говором крестьяне:
– Нет, Иван, поля родные лубы,
Приглушило горе наши силы.

По нутру твои слова нам, Кондра...
Почему ж ты сам понять не можешь:
У народа силушки – то много,
Только власти у народа нету!

3

Я иду широким тихим полем,
Разминаю чобор на ладонях,
Пью отстой степного аромата
Жадно, как в пустыне странник воду.

Бурые волнистые пригорки
Обнимаю взглядом ненасытным.
У степных прославленных курганов
Слышится мне былль твоя, как песня.

Пламя пролетело над тобою,
Трубы прогремели, а не громы.
Взрывами израненную землю
Кровью напоили, не водою.

Грудь твоя от боли не остыла,
Пепел не развеян по дорогам,
След копыт не занесло песками,
Где прошли полки твоих героев.

И белеют кости по долинам,
Вымытые южными дождями,
По тернам, по балкам Ставрополя
Догорать им под палящим солнцем!

Молчаливый вековой свидетель!
Расскажи мне, древняя равнина,
Что за пир был на твоих просторах?
Чем гостей незваных угощали?

На сто верст раскиданы стаканы,
Видно, браги, пива не жалели!
Во хмелю гостей повеселили,
Уложили спать в сырой суглинок.

Не глотать им синий ветер поля,
Не прожечь очами полог смерти.
«Кто с мечом пришел на нашу землю,
От меча нашел на ней погибель».

Где ты, Кондра? Я иду навстречу,
Посмотри на светлую долину!
После гроз Октябрьских полюбуйся,
Как твои поля похорошели!

Флагами расцветенные дали,
К празднику ль какому нарядились?
На седых прославленных курганах
Реют победителей знамена.

Вот оно, звезды твоей сиянье,
Вот она, мечта твоя и правда.
Ты несешь венец народной славы,
Гражданин Иван Матвееч Кондра.

И сияет огненное око
Золотого солнца над полями,
Ты проходишь, пахарь – победитель,
С поднятою гордо головою.

Значит, дуб грозою не спалило,
Не сломало силой урагана.
Вековать ему в долине славы
И шуметь зеленою листвою.

Значит, в правду верил ты, крестьянин,
И не дал душе испепелиться.
Пламя лет, дохнувшее на сердце,
Только волю тверже закалило.

Дай мне руку, пахнущую ветром,
Дай мне руку в полевом загаре.

Проведи, мудрец, меня садами
К родникам живого вдохновенья.

Мне так много нужно, чтобы песня
Пролетела соколом над степью,
Чтобы слов расплавленная лава
Опалила сердце человеку.

4

Если ты берешь для песни слово,
Положи его на пламень сердца,
Накали, да так, чтоб не остыло,

Время сгложет ветром грань металла,
По песчинке время слижет горы.
Только слово не остудит время,
Если слово в сердце накалилось.

Я спешу душистыми коврами
Молодого ветреного поля
На дымок распластанный, веселый,
На костер приветливый и яркий.

Много их от пади Сенгиля
До лесистых берегов Кубани
Языками лижут темень ночи,
Золотыми вежами сверкают.

Ах, да что для путника милее,
Чем огонь костра в широком поле,
У огня – вечерняя беседа
С тихими, как дети, степняками.
Вам уступят место и усадят,
Угостят колхозной ветчиной,
Три кисета подадут с махоркой,
Выбирая, которая покрепче.

Вот они, какие наши люди,
А в беседе о себе не скажут,
То есть, не похвалятся делами,
Будто все идет само собою.

Будто не они огнем и сталью
Родины очистили просторы,
Огласили песнями России
Дальние чужие небосклоны.

Нет, они не станут зазнаваться,
Похваляться бранными делами,
Ведь не раз их доблести великой
Родина сама салютовала.

Есть у нас для подвигов просторы,
Выходи в поля и отличайся!
Ведь на небе звезды не тускнеют,
И героев слава не увянет.

Огневными стрелами восхода
Брызнуло приветливое солнце.
Закачалась степь и зашумела,
Будто море от большого ветра.

Будто грянул гром из грозной тучи,
Покатился эхом по долине,
Откликаясь рокотом моторов,
Говором медлительных лебедек.

В грудь земли вгрызаются машины,
Только дым да пыль плывут над степью,
Будто сто полков идут в атаку,
Оглушив огнем пальбы долину.

Вот они, прославленные в битвах,
Апанасенковцы да труновцы,
Книговцы, ипатовцы, степновцы –
Трудовое сталинское войско.

Поднялось степное Ставрополье
В шелесте, и в гомоне, и в громе.
И над ним, как голубь в поднебесье,
Полилась, затрепетала песня.

«Не клонись к сырой земле былинник,
Серебристый сын полей – ковыль.
Расскажи – ка нам, о чем шумишь ты?
Да поведай, друг, степную былль.

Ты с ветрами разговор заводишь,
Все шумишь, шумишь в степи ночной.
Может, здесь когда – то шел полками
Славный Апанасенко – герой!

Где полки те шли широкой степью,
Счастье там народное цветет!
Это ж, братцы, ленинская сила,
Это ж, братцы, Сталин нас ведет!»

И летела песня и звенела,
И сливалась с шорохами поля.
От Кубани, от Невинномысска,
Сквозь сырые недра Недреманной.

Рядом с экскаватором – громадой
Жилистый, сухой, неугомонный,
Будто соревнуясь с целым светом,
Ломом бьет сухую землю Кондра.

Сталь звенит и молит о покое,
А старик стучит неугомонно.
И, казалось, будто из металла
Весь он вылит – рослый, узловатый.

Он не слышит, как звенит железо,
Он не видит, как стальные зубы
Жадно рвут земли сухие комья,
Как летят ковши над головою.

В зное дня и в грохоте моторов
Слышатся ему иные звуки,
Чудится желанный шелест влаги,
Радостные песни струй канала.

Вот они столпились у плотины,
Пенятся, кипят в водовороте.
Вот они стремительно и звонко
Падают на лопасти турбины.

Наливают силой – невидимкой
Проводов натянутые жилы.
И летят по трубам и по руслу
В широко распахнутое поле.

И сильнее бил Иван Матвеич,
Нажимал на лом и на лопату,
Груды выворачивал руками,
Цепкими, похожими на клещи.

Он и не заметил, как бригада
Покурить уселась на откосе,

Как с коробкой «Дружба» комсомолец
Подошел и начал по – сыновьи:

– Старина родной, Иван Матвейч!
Да тебе ли братья за лопату...
Закури да посмотри на внуков,
Сколько нас высоких и плечистых.

Прикажи – насквозь пророем землю,
Прикажи – любую сдвинем гору,
Положись на нас, Иван Матвейч,
Отдохни, не подведут ребята!

Или ты в полях не натрудился?
Или ты в земле не накопался?
Все, что недоделано тобою,
За тебя дорубим и дороем.

Опустил Иван Матвейч руки,
Посмотрел с укором исподлобья.
– что ж это, по – вашему выходит,
Будто я на трассе не подмога?

Может быть, и правда, я, ребята,
Досьга в полях не натрудился!
Может быть, и правда, я, ребята,
Досьга в земле не накопался!

Беседовал я с думою о счастье,
Только душу думой не насытишь,
Как же мне не взять его руками,
Если здесь оно, передо мною?

Не могу стоять в сторонке, внуки,
Наблюдать да любоваться делом.
Разве я не выстрадал, ребятки,
Счастье быть в одной шеренге с вами?

Если уж на то пошло, – не спорю.
Много нам дается властью нашей,
Только как же быть мне, если в теле
Сила есть и руки прося дела?

Ровней быть хочу в труде я с вами,
Жить – не отдыхать – хочу я, внуки!
Пусть горы не сдвину я, но камень
В сену уложить еще сумею.

5

Пролетели клином журавлиным
Гулкие несчитанные годы.
– Сколько их?
– Не спрашивай, товарищ,
Мы с тобой их прожили недаром.

Много раз, ночей недосыпая,
Проходили дружные бригады
По сугробам, по сырому грунту,
В стужу зим, в осеннее ненастье.

У костров рассказывали были,
Забывали усталь за беседой,
Засыпали хлопцы под навесом
Тучами затянутого неба.

Широко раскинулись родные,
Празднично наряженные дали.
Прорезая степи Ставрополя,
Засверкало лезвие канала.

Брызнуло народное веселье,
Перекатной хлынуло волною,
На высоком берегу Кубани
Празднуют строители победу.

И поплыли марши над полями,
Зашумели бархатом знамена.
И как будто песенным прибоем
Выплеснуло Кондру на трибуну.

Посмотрел Иван Матвейч вправо,
Посмотрел Иван Матвейч влево,
До земли поклон знаменам отдал,
В пояс поклонился он народу.

И как дуб могучий и высокий,
С опаленной молнией вершиной,
Седовласый встал перед народом
В полный рост Иван Матвейч Кондра.

Смотрит он, взволнованный, с трибуны,
Задрожали влажные ресницы,
Радость та, что в сердце не вместилась,
Выкатилось теплую слезою.

Не смахнул с лица ее Матвейч,
Не скрывал он сердца от народа,
По привычке бороду разгладил,
Сделал шаг и тихо начал повесть.

«Слушайте, юные, старого Кондру,
Для вас поберег я заветное слово,
Чтоб высказать в день всенародного
праздника
Думу свою сокровенную, давнюю.

На этой земле воевал я с невзгодами,
Жил одинокий мечтою бесплодною.
Все, что задумывал, век не сбывалось,
Тяжкая доля была у крестьянина.

Трудной дорогой людского бесправия
Ношу несли непосильного бремени.
Сядешь, бывало, да крепко подумаешь,
Сердце заноеет и гневом наполнится.

Вот он, канал наш, мечта многолетия!
Плещется светлой рекой изобилия.
Великое дело свершилось, товарищи.
Жизнь наливается спелыми соками.

Мне бы хотелось, скажу вам, счастливые,
В поле весною за плугом похаживать,
Видеть, как колос цветет и качается.
Сед я, а жизнью еще ненасытился!»

...И умолк Иван Матвейч Кондра,
А кругом прибоем океанским

Разыгрался гром рукоплесканий
И поднял Матвейча над полем.

Видел он ликующую землю,
Слышал шелестящие знамена,
Чувствовал, как жаркими губами
Пили воду жаждущие степи.

Плавятся молочные рассветы,
Нежится ковыль под ясным небом,
И летит, росой напоенный,
Влажный ветер, обнимая травы.

Будто струны вещего Бояна
Расплескали песню по долине.
И звенит она не умолкая,
Вечности живое отраженье.

Нет у ней конца и нет начала,
Только есть задумчивая прелесть.
Стелются по шелковым просторам,
Шелесты несказанной былины:

«Не просил ты милостей у неба,
Дорогой Иван Матвейч Кондра,
Высек золотое пламя доли
Шашкою да пулею казацкой».

Прорезая степи Ставрополя,
Засверкало лезвие канала. . .
Выстрадавшим именем, но гордым,
Ты назвал его Рекою Счастья.

Казачка

Золотые нивы,
Голубые росы,
Распустила девчононька
Свои черны косы.
Распустила, молодая,
Шелковые низко.
Подъезжает казаченька
К девчононьке близко.
– Здравствуй, милая казачка,
Угости водою. . .
Я твои, казачка, плечи

Буркою прикрою.
– нет, служивый, благодарна
За твои я речи,
Только бурой не твоею
Я укрою плечи.
Моя бурка на границе –
Не достать рукою.
Пей, казак, и будь доволен
Чистою водою.
Своего я казаченьку
Крепко уважаю,

Будут ехать эскадроны –
Издали узнаю:
Конь веселый
Кабардинский,

Звонкие копыта,
Черкесочка казачья
Пулями прошита.

На Маныче

Степь да степь,
Ей нету края.
Пахнет зимний полынок,
Стрепетов промчалась стая
Против солнца на восток.
В штيله сладко Маныч дремлет.
Не шумит трава – ковыль.
Хорошо на Черных землях
Вспоминать седую быль.
Здесь на Волгу проходили
Кочубеевцев полки...
Скупю раненых поили
Талым снегом казаки.

Маныч, Маныч!
Друг мой старый,
Солью пахнет
Твой простор.
В жаркий день стоят отары
У твоих степных озер.
Льется солнце,
Шепчут травы,
Славят край родной земли,
Как в боях свою сторонку
Мы навеки сберегли

* * *

Ты живешь на прекрасной земле,
Освещенной Октябрьским солнцем.
Над тобою сверкают звезды
Отчизны твоей любимой.

Лепет малютки сына
Сердце твое ласкает.

Ты слушаешь шелест леса,
Строишь дворцы и школы,
Несказанная свежесть моря
Овекает тебя прохладой.

И ты, необычайно ласковый,
И ты, необычайно нежный, и
Идешь по земле, хозяин,
Великий строитель жизни.

Хорошо предрассветной ранью
Соловьиною трель услышать,
Хорошо по дорожкам сада
С любимым вдвоем идти.

И выси тебе послушны,
И недра земли покорны.
И даже металл холодный
Заставил ты петь и мылить.

Ветер колыхает розы,
Нежные розы юга,

Я славлю тебя, могучий,
На мирной земле живущий,
У сердца прошу я слова,
И песню тебе дарю я.

Станислав Касперский (Род. 1939)

Касперский Станислав Шакирович родился в 1939 году в г. Новочеркасске Ростовской области в семье военнослужащего.

В 1958 году окончил Каменец – Подольский индустриальный техникум по специальности горный техник – электромеханик.

До поступления в 1962 году в Саратовский университет работал электромонтажником в Ставропольском крае, Якутии, на Дальнем Востоке, в Заволжье, Казахстане, а по окончании университета – корреспондентом газет «Коммунистический маяк» Шпаковского района, «Ставропольская правда», журнала «Советские профсоюзы», начальником отдела пропаганды передового опыта НИС «Нефтегазстройтруд» Миннефтегазстроя, инструктором орготдела Ставропольского крайсовпрофа, начальником отдела научно – технической информации Ставропольского краевого комитета по охране природы, редактором газет «Родина», «Ставропольский казачий вестник», «Литературный Юг России», «Казачий Терек». Являлся заместителем секретаря территориальной партийной организации № 14 Ставропольского горкома КПРФ, руководителем пресс – центра Ставропольского крайкома КПРФ, членом блока «Народовластие», редактором альманаха «Литературный Ставрополь».

Член Союза журналистов России (СССР) с 1968 года.

Очередь за хлебом

Я помню очередь за хлебом,
Я в ней томился и молчал.
Кусочек голубого неба
В оконной раме замечал.
Я прижимал к вискам ладони,
Рубашку встряхивал рукой.
Как стригунок на перегоне,
Смотрел по сторонам с тоской.

Я окунался в созерцанье
Прилавка, полок, продавщиц.
Смотрел на легкое мерцанье
Ножей, и рук, и женских лиц.
Дразняще пахло свежим хлебом.
Сжимала карточки рука.
Кусочек голубого неба
Меня манил издалека.

О святом и важном

Косогор.
Упругий ветер.
Галок грай. Лиловый вереск.
Солнца заходящий шар.
Красок вспыхнувший пожар.

Постоим.
Пусть ветер этот,
Сил набравшийся за лето,
Раскачает легкий бот,
Дымом осени пахнёт.

Не ко двору

Тот же двор, калитка та же,	Подойду к нему поближе,
Та же лодка у плетня.	Трону теплую стену.
Тот же дом, широк и важен,	Неожиданно увижу
Косо смотрит на меня.	В щелях пакли седину.
Что ему? Видал он виды!	Словно в чем – то виноватый,
Век прожил, а все стоит.	Молча перед ним замру.
Давние мои обиды	Ну и что ж, что я когда – то
Про себя старик таит.	Не пришелся ко двору?

Распушился тополь

В роще сизо – серой задержался вечер.
Пролетая, глухо кьякнул зоркий кречет.

Всполошились галки, свару завели
И угомониться долго не могли.

Даль уже стемнела.
Дымка – над облогой.
Старица застыла посредине лога.

И над ней до росной, бархатной поры
Забился бесшумно столбик мошкары.
Ближе к ночи ветер дунул из низины,
Зашептались в роще тонкие осины,

А могучий тополь распушился вдруг,
Снежно освежая темно – мгlistый луг.

Архыз

Здесь девственная сосен тишина,	Ведет тропа корнистая к реке,
И запах хвои, тонкий и тягучий,	Шумящей в отдалении бурливо.
И гулких гор темнеющие кручи,	Мохнатый зубр проходит торопливо
И грозных рек седая быстрина.	По той тропе и тает в сосняке.
«Далекий рог печалится в бору», –	Хрустальный вечер тихо настаёт.
Сказал поэт, и, кажется мне, точно –	Ложатся призрачные полутени.
Одна печаль здесь только правомочна	А через час потухнет свет селений,
Стоять и стынуть долго на ветру.	И тьма глубокая на все падет.

Иван Кашпуров (1926 – 1997)

Иван Васильевич Кашпуров родился 14 октября 1926 года в селе Калиновском на Ставрополье. Его отец – буденновец, пришедший на Ставрополье с Украины и завоевавший уважение односельчан мастерством печника (стихотворение «Чтоб спасибо слышать...») и чеботаря («Сапоги»). Истоки поэзии Ивана Кашпунова – в любимой его Калиновке. От отца поэт воспринял любовное отношение к умельству в крестьянском труде («Умение»), а от матери – казачки – нежную влюбленность в родную природу. С этой темой у него связано почти всё:

и труд и любовь. «Главные для меня слова, – говорил поэт, – земля, хлеб...»

Отсюда, из Калиновки, в 1943 году Иван Кашпуров ушел на военную службу. Вначале в кавалерийскую полковую школу, потом в артиллерийские войска. После окончания войны их часть была направлена в Иран, где он прослужил до 1949 года. После демобилизации – учеба в вечерней школе города Ставрополя, затем – педагогический институт. Одновременно работал билетным контролером в автоколонне, потом экспедитором хлебозавода.

В 1952 году он стал студентом Литературного института Союза писателей СССР, который закончил в 1957 году и вернулся в родной край. Скоро он переехал в Запорожье, где прожил девять лет, и в 1967 году вернулся в родной Ставрополь.

Ивана Кашпунова называют поэтом Ставрополя: природа Ставропольского края, его люди, его история – это естественная стихия творческого мира поэта, не только дающая темы его стихам, но составляющая его художественный арсенал. В его стихах воссоздан облик этого богатого и своеобразного степного края, раскинувшегося в предгорьях Кавказских гор: «Осенняя баллада», «Звенят колосья», «Песня Ставрополю», «Ставрополье» и др.

Жизнь каждого человека не мыслится поэтом вне истории. В стихах Кашпунова прослеживается историческая общность с родной землей, с дедами наших предков. Поэту удается создать живые образы своих земляков, наделить каждого невыдуманной судьбой. В его стихах – реальные люди, имена которых поэт всегда называет. По стихам Ивана Кашпунова можно изучать растительный мир степей, мир красочный и звучащий своей особой музыкой; представить себе и сегодняшнюю жизнь Ставрополя, и его историю.

Иван Васильевич Кашпуров издал более двух десятков поэтических сборников. Первая книга стихов вышла в Ставрополе в 1956 году, называлась она «Дыхание степи». Книги его выходили в издательствах Ставрополя, Запорожья, Днепрпетровска, а также в московских издательствах «Советская Рос-

сия», «Современник», «Воениздат», «Художественная литература». Печатался в журнале «Советская литература» на английском языке.

За литературную деятельность награжден орденом «Знак почета» и удостоен звания «Заслуженный работник культуры РСФСР».

Умер в 1997 году.

Родина

С этим словом мне всегда рисуется
Ясень у дощатого крыльца,
Гуси косопалые на улице
И поля без края и конца.
Память сердца сберегла мне многое:
Только гляну мысленно назад –
Вижу, как орава босоногая
Мчится в школу через Жуков сад.
Вот мальчишкам сливы переспелые
Ветка, нагибаясь, подает;
Вот над степью, от польни белую,
Солнце недоспавшее встает.

Дед Кузьмич с дубинкою кизиловой
Гонит стадо к Михневой горе,
А в яру, заросшем девясилами,
Я смотрю картинки в букваре.
Сенокос, костер, толкуют бороды,
Кони щиплют сладкую траву, –
Это все мне с детства очень дорого,
Это все я Родиной зову.
С этим словом мне всегда рисуется:
Ясень у горбатого крыльца,
Палисадник, дремлющая улица
И поля без края и конца.

Песня Ставрополю

Ты не лучше других и не хуже.
Может, чуточку только белей,
Может, улицы чуточку уже
Да побольше на них тополей.
Ты не скучный.
Скорее – веселый,
Хоть от шумных путей удален,
Но к тебе приближаются села
С четырех соколиных сторон.
Ты стоишь средь степного раздолья,
Белый Ставрополь, радость моя,

И с любого конца Ставрополя
Виден явственно, словно маяк.
Здесь по улицам ходят степенно,
По степям нагулявшись, ветра,
И настоем душистого сена
Пахнет город всю ночь до утра...
Два столетия, холмы обживая,
Не стареешь ты, Ставрополь мой.
Где ни езжу – я гостем бываю,
А к тебе возвращаюсь – домой.

Ставрополье

Я видел Ставрополье на картинах,
В окно вагона, через дым костров...
Лежит оно в равнинах и горбинах,
Лежит на стыке четырех ветров.

Здесь голубые облака гороха
И голубой польни облака,
И за людьми на динамитный грохот,
В степную марь, торопиться река.

Здесь мериносы ноги моют в росах,
Метелки проса – словно бьют ключи,

И от зори расходятся прокосы,
Широкие, прямые, как лучи...

Поля вплотную подступили к селам.
Из сел, в разведку выслав тополя,
Сады выходят воинством веселым
И смело наступают на поля.

Ах, Ставрополье, синий край России,
Ты – песня эскадронная отцов.
Меня сады, поля твои растили
Под птичий грай и перезвон осов.

Мне открывали даль твои рассветы,
А стрепеты – немятую траву...

Куда б меня не занимали ветры –
Тебя от сердца я не оторву.

Как начиналась Калиновка

Ушли полком.
Не сами.
Повеленье
им было высочайшее на то.
И вскоре основали
поселенье
в отрогах
Ставропольского плато.
Взяла в полон
красивая долина
и некрутые горы
с трех сторон.
По той долине —
заросли калины
и ста ключей
булатный перезвон.
И зажили хоперские казаки
на беспокойном рубеже
Руси:
то отбивали нехристей
атаки,
то сеяли пшеницу да овсы.
Поля брунели,
травы пряно млели,
гуляли кони брони на заре.
Хоперцы обживали

эти земли,
все реже вспоминая
о Хопре.
Так началась Калиновка
родная,
и «от стоит, не старясь
двести лет.
Любовь к земле тут,
всех объединяя,
живет извечно, и конца
ей нет..
На Шпиль взойдешь —
поля, сады открылись,
и хат ряды,
по – южному белы.
Летит душа,
легко расправив крылья,
туда, где вьются
сизые орлы.
И если б где – нибудь
меня спросили —
ответил бы спокойно
и светло,
что в самом лучшем
уголке России
стоит мое заветное село.

Колыбельная

Яркой звезды уголёк
долго глядит в окно.
Спи – засыпай, Василёк, —
вечер пришёл давно.

Ветер поёт в трубе
песенку свою.
Спать уж пора тебе –
баюшки – баю.

Вечер устал и прилёг
рядом с тобой в кровать.
Спи – засыпай, Василёк, —
время и маме спать.

Ветер поёт в трубе
песенку свою.
Спать уж пора тебе –
баюшки – баю.

Спит во дворе тополёк,
веткой пристыв к луне.
Спи – засыпай, Василёк, —
дети растут во сне.

Ветер поёт в трубе
песенку свою.
Спать уж пора тебе –
баюшки – баю.

Гуси

Рано утром босиком
По росе студёной
Гуси топают
Гуськом
К речке полусонной.
Впереди –
большой гусак,
у него широкий шаг.
Ну, а следом,
семена,
семь гусынь –
его семья.

Гуси в воду устремились
с ходу,
без оглядки,
и ныряли,
и резвились
вместо физзарядки.

А когда нырять устали,
охорашиваться стали.

Мирно чистились гусыни
от макушки
и до пят,
Слышат –
крики в небе синем:
гуси дикие летят!

Тут гусыни зашумели:
«Как же так!..
Ну, как же так! ...
Дальше речки этой
в мелях
не водил ты нас,
гусак? ...

Надо небом завладеть!... »
Взмахи крыльев,
гогот...
Гуси пробуют взлететь,
а взлететь
не могут.

Василёк глядит
с крылечка:
что случилось там,
на речке?
«Мам, – кричит он, –
полюбуйся:
Улетают наши гуси!... »

Засмеялась мать:
«Василий,
не волнуйся очень.
Это гуси пошутили,
это, Вася, осень...»

Парикмахерская

Прибежал Васятка с речки
и принёс такую весть,
что в колхозе
для овец
парикмахерская есть.

«Неужели правда? –
И решил:
– Проверю завтра!..»
Утром,
Только рассвело,
Он помчался за село.

На пригорке –
навес,
а под ним –
настил дощатый.
Тут ребята и девочки
целый день
стригут овец.
Сто машинок стригалей,
рук умелых
двести,
и на фабрику скорей
ЗИЛы мчатся с шерстью.

Там прядут
из шерсти пряжу,
а из пряжи
гольфы вяжут,
теплые фуфайки –
только покупайте!

Вася шел домой
под вечер

мимо стриженных овечек,
мимо роши,
мимо пасек
Вася шел,
и думал Вася:
«Значит, поздно
или рано
стричься надо
и баранам...»

Про арбузы

И на вид,
и на вкус
Васильку знаком арбуз.
Но не знал карапуз,
Где и как растёт
арбуз.
А вчера
друзья спросили:
«На бахчу пойдёшь,
Василий?...»
Вася глянул им в глаза,
видит:
жду ответа.
«Я пошёл бы, –
он сказал,
но бахча...
что это?»
Тут ребята
шум подняли
возле речки синей.
«Это ж поле, –
объясняли, –
где арбузы, дыни...»
Через речку
Из села
вдоль степи широкой
на бахчу
ребят вела

торная дорога.
Сторож дедушка Евсей
встретил радостно
гостей.
Улыбаясь в сивый ус,
он принёс
большой арбуз.
Угощал от души:
«Ешьте, сколько влезет,
ешьте вволю, малыши:
всем арбуз полезен».
А потом своих гостей
по бахче повёл Евсей.
Шли
арбузным полем дети,
а кругом
стелились плети.
Листья –
словно кружева.
Ах кружится голова!
А под листьями
арбузы
В полосатых крепких блузах
сочной тяжестью своей
вдавливались в землю.
Улыбался дед Евсей:
«Пусть до срока
дремлют...»

Пахнут яблони

Пахнут яблони горьковато
Под веселой большой луной,
И от этого аромата
Сад качается, как хмельной.

Степь холмистая ходит, ходит,
Словно палуба, ходуном.
Вербы сивые хороводят
Возле копанцев, за гумном.

Звезды движутся небесами,
Хаты белые – в даль полей.
Хаты кажутся парусами
Уплывающих кораблей.

Ветер ахает в удивление
Средь полуночной тишины:

Небо звездное – от цветенья,
Хаты белые – от луны...

Пахнут яблони горьковато,
Пахнет яблоками весна,
И от этого аромата
Вся округа пьяным – пьяна.

Нас обольщают сто дорог

Едва прорезался басок,
Заметил я: наш домик – низок,
А небосвод над ним – высок,
И мимо окон – шлях, как вызов,

Как искушение, что мне
Судьба послала ненароком,
И я родительским порогом
Стал тяготиться по весне.

Куда он вел, старинный шлях,
В какие дни, в какие дали?..
На речке гуси гоготали,
Урчали тракторы в полях.

Но это было и вчера,
И год назад, и два, и боле,
Все те же хаты, речка, поле.
А дальше – Михнева гора.

Что за горою, я не знал.
И мысли буйно рисовали,
Как луч, прямые магистрали
И синий, в мареве, вокзал.

Там – пульс, там – бег, там жизнь была.
Здесь – прозябание сплошное.
И я с котомкой за спиной
Ушел однажды из села.

Меня тепло встречал рассвет,
Толпой цветы сбегали с горки.
И долго мать в печали горькой
С крыльца глядела мне вослед.

И, словно пальцы рук, легли
Пути – дороги враспопырку,
И кобылицей ветер фыркал
И нес меня на край земли.

Тогда не думал я о том,
Что просто кинуть дом свой белый,
Но что вернуться в этот дом –
Порою мало жизни целой.

Прости, родительский порог,
Не знал я, зелен, как травинка,
Что обольщают сто дорог,
А возвращает лишь тропинка.

Наша хата

Вон под крышей в два ската –
Наша белая хата.
До нее недалечко –
Перейти только речку
Да за речкой немножко,
С детства памятной стежкой,
Мимо вечных томатов.
И – поклон тебе, хата!
Оправляя платочек
Выйдет мама на встречу,

Скажет: «Здравствуй, сыночек!..» –
И обнимет за плечи,
И заплачет – заплачет –
Всю тоску обозначит.
А сама: «Не иначе.
Как от радости плачу...»
Я бодрюсь понемногу:
«Мама, хватит, ей – Богу!..
Шлют вам внушки приветы...» –
А в сознание маячит:

«Мама, мама, ведь это –
Одиночество плачет!..»
Уезжаем, уходим,
Улетаем в погоды,
И текут половодьем
Наши лучшие годы.
И до смерти до самой
Ожидают нас мамы.
Не живут – ожидают

И страдают – страдают...
Вон под крышей в два ската –
Наша белая хата.
И печально, и горько
Смотрит в степи с пригорка.
А меж хатой и мною
В десять лет шириною
Речка грустная льется –
Перейти не дается.

Летний сонет

Люблю я степь, люблю в июне лето.
В полях призывно бьют перепела,
И даль, покоем сумерек одета,
Во сне качает огоньки села.

Но спит мой холм под шелест ковыля.
Во весь накал своей ущербной трети
Луна сияет, добрый день суля...

Я на холме встречаю час рассвета, –
Смешал июнь все запахи цветов,
И ветерок несдержанный готов
Округе всей рассказывать про это.

Какое счастье знать, что на планете
Есть эта степь – родимая земля.
И ничего дороже нет на свете.

Хризантемы

Дарит муза осенние темы.
Я всегда ей готов послужить.
Только нынче без вас, хризантемы,
Мне осенних стихов не сложить.

Легкий запах полыни и снега,
Да цветения кипень бела...
Это осень, остынув от бега,
Что имела – все вам отдала.

В морозь нудную, в холод росли вы
И отчаянно вот зацвели.
Накануне метелей тоскливых
Вы – последняя радость земли.

Хризантемы, среди сумрачной стыни
Для меня вы левкоев милей.
От сияния вашего ныне
Стало хмурое утро светлей.

Перепелиный перелет

Уже брусника брызжет соком,
вода в озерах отцвела.
От знобких зорь широт высоких
летят на юг перепела.

их ждут, усталых, ждут в засадах
еще с полуночи, и вдруг...
По всей России канонада
гремит и катится на юг.

На теплый юг – от непогоды,
от нудной мороси дождя.
И тут «любители природы»,
курки ружейные взведя,

Над каждой рощицей, над лесом
пороховая тает мгла...
Через свинцовую завесу
летят, летят перепела.

Луговая музыка

Кузнечики на скрипочках
пиликают окрест,
Встает трава на цыпочки
и слушает оркестр.

Трава пружинит мускулы –
дрожат в росе лучи.
А луговая музыка
со всех сторон звучит.

Шалфеи, маки дикие,
кукушки, зверобой,
обвиты нежно виою,
кивают головой.

Луга весь день качаются,
даль музыкой полна,
веселье не кончается
до самого темна.

До вечера, до вечера
льют скрипки голоса.
На светлый мир доверчиво
глядят цветов глаза.

А я шепчу: «Земля моя, –
судьба и боль отцов, –
ты вечная, ты самая
великая любовь!..»

Солдаты шли

Мой белый город крепко спал
Под мягкий шелест темных кленов,
А через город, на вокзал,
Солдаты шли побатальонно.
Качались лезвия штыков,
До звезд полночных доставая,
И охала от их шагов,
И прогибалась мостовая.
Куда приказ им – в лагеря
Или на летние маневры?
Солдаты шли за рядом – ряд,
А впереди колонн – майоры.

Так шли отцы их на вокзал,
Грузились молча в эшелоны...
Четыре года город ждал
Те маршевые батальоны.
Но возвращались их отцы
по одному, из лазаретов...
Шли сонным городом бойцы,
Сменив пилотки на береты.
Качались лезвия штыков,
До звезд полночных доставая,
И охала от их шагов,
И прогибалась мостовая.

Простите последнее

Мне страшно, мама, что недугом лютым
И черной выюгой подступает ночь,
И на Земле еще не знают
Люди такого средства,
Чтоб тебе помочь.
Я видел, мама, как ты с годом каждым
Все тяжче опиралась на клюку.
Но я не смел и думать,
Что однажды
Тебе не станет на моем веку.
Прости меня,
Что гостем был я дома,
Что так легко и непутево жил:
Случалась радость –

Я спешил к знакомой,
Случалось горе –
Я к тебе спешил.
Последний раз прости меня, родная!
Ты знать должна,
Как нежно я любил.
Но, мужество превратно понимая,
Тебя сыновней лаской обделил.
Не умирай!
Не уходи по свею
В тот жуткий мрак,
Где стынет голос – жить!..
Я встретить радость без тебя сумею.
Но как мне горе без тебя изжить?..

Подарок случая

Мне эта ночь –
подарок случая.
Ловлю я звуков перелив:
реченье реченки певучее
да белый шелест
белых ив.
Они луною осиянные,
как облака на якорях,
как грусть в минуты расставания,
когда,
во всем себя коря,
не нахожу я оправдания, что из – за гор,
из – за морей

я езжу только на свидания
с прекрасной родиной моей;
не нахожу я объяснения, –
что так влекло на стороне?
Ушел.
И непогодь осенняя
не воспрепятствовала мне.
А ветки тонкие качаются
над головой,
как провода,
и эта ночь моя кончается,
и в речку падает звезда.

Отцы

1
Отцов не выбирают дети.
Отцы им жизнью суждены.
Но как гордятся на планете
отцами честными
сыны.

Я это знаю не по книжкам.
Сам восхищался без конца
руками ловкими отца,
когда еще я был
мальчишкой.

Он сложит печь –
полвека греет,
сошьет коты –
беды не знать...
Мне так хотелось поскорее
его сноровку перенять.

А повзрослел –
гордился тем я,
что Перекоп отец мой брал.
что изо всех знамен в то время
он знамя красное избрал

2
Мы шли по улице Рабата,
И нестерпимо полдень жег.
А смуглокожие ребята

Нам улыбались:
– Карашо!..

От зноя нас качала вялость.
Хоть мимо пальм лежал наш путь,
но нам экзотика казалась
не экзотической ничуть.

А рядом –
люди в красных фесках,
в панاماх, в кепках, в котелках,
певучий говор,
говор резкий
на непонятных языках.

И вдруг:
– Купи мне, папа, книжку!..–
по – русски кто – то произнес,
и тут увидел я киоск,
а возле –
папу и сынишку.

Я подхожу
и, между прочим,
с улыбкой вслух произношу:
– Ну, эти книжки рано очень
читать такому малышу...

Мужчина вздрогнул.
Глянул странно –

и тут же скрылся за углом.
Так я с живым, а не экранным
впервые встретился врагом.

3

Кто он, из власовской ли дряни
или иуда – полицай!
Быть может, где – нибудь в Любани
и нынче помнят подлеца.

Его гоняет страх по свету.
Он ждет расплаты каждый миг,
и негде скрыться на планете
ему от черных дел своих.

Бойтся он случайных встреч,
бойтся пристального взгляда.
Его, как труса канонада,
бросает в дрожь родная речь.

В уединении угрюмом
он будет жить настороже.
Я не о нем в тот миг подумал,
подумал я о малыше.

4

Отцами хвастают ребята.
Высок отцов авторитет.
Мальчишка русский из Рабата,
а ты им хвастаешь иль нет!

Пока что – да.
Но он бессилен

Хутор Светлый – три десятка домиков
в косогор обветренный вросли.
А кругом – куртины желтых донников
да шумят, метелясь, ковыли.

А кругом – поля; хлеба качаются,
и полны перепелов поля.
И бежит дорога, не кончается,
хутор Светлый надвое деля.

Дремлет над горою Недреманною
пряная степная тишина,

рассеять в будущем твоём
«Что ж мы не в России, а на чужой
земле живем!

Какая мне страна – родная!
Кем был ты в жизни, наконец!..»
Что он ответит –
я не знаю.
Но ты поймешь,
кто твой отец.

Ты все поймешь.
И вдруг случится,
что честным вырастешь,
вопросы:
прямым
и осознаешь,
что гордиться
тебе нельзя отцом своим.

И трудны станут жизни мили.
На сердце лягут без суда
те преступления,
что в мире
не совершал ты никогда.

5

Отцов не выбирают дети.
Отцы им жизнью суждены.
Но за сынов отцы в ответе,
как за отцов своих –
сыны.

Тополя

и видать, как синеву туманную
на Невинку цедит вышина.

Хутор Светлый... Прямо за дорогою,
возле хаты, что других белей,
каждый день верхами небо трогают
пять пирамидальных тополей.

2

Далеко – далеко Рава – Русская,
за год не доскачешь на коне.
В Рава – Русской переулки узкие
и сады вишневые – в огне.

Меж землей и небом пламя мечется,
черный дым на белый день ползет.
Там за все, что мы зовем Отечеством,
платит кровью пограничный взвод.

И зарей вечерней за околицу,
постарев на тысячу годов,
провожает мать своих соколиков,
провожает пятерых сынов.

Там, в дали немислимой, под городом,
что стоит на краешке страны,
длится бой с осатанелым врагом –
и уходят из дому сыны.

3

Жухли травы, зноем заморенные,
хоть не время травам умирать.
Над скупой казенной похоронною
в белой хате причитала мать.

Хутор Светлый будто бы уменьшился.
Он притих, от горькой пыли сед,
от печальных причитаний женщины,
от предчувствий неизбежных бед.

А когда душа чуть – чуть оттаяла
и застыл в копытцах тонкий лед, –
в память сына, павшего под Таллином,
посадила тополь у ворот.

Он стоял,
считая дни суровые,
и не знал, что после белых вьюг
рядом с ним его два брата кровные
оглянутся горестно вокруг...

Шли бои за камни Севастополя,
закипали на Миус – реке,
и росли три молчаливых тополя
в ставропольском грустном хуторке»

4

Каждый день кому – то нес увечия,
сеял смерть и прибавлял морщин.
Но вела дорога бесконечная
воинов России на Берлин.

В речь входили странные названия
чужедальных рек и городов,
и сражений грозное дыхание
слушали все пять материков.

В тех сраженьях умирали воины
от усталой Родины вдали.
На земле,
траншеями раскроенной,
обелиски звездные росли.

А когда однажды степь окутали тучи
и апрельский день поблёл, –
посадила мать в далеком хуторе
молодой четвертый тополек.

5

Над рейхстагом теплою зарницею –
знамя. Тает дым пороховой.
На последней огневой позиции
пал боец – к ступеням головой.

В теплый вечер огненными кронами
подожгли салюты небосклон,
и пришел с последней похоронною
в хутор Светлый старый почтальон.

С той поры и слепнут окна низкие
в хате белой, глядя в синь полей,
и стоят живыми обелисками
пять пирамидальных тополей.

К ним выходит мать – старушка древняя
и, печально помолясь буграм,
как с сынами взрослыми, с деревьями
говорит о чем – то по утрам.

А вдали, над лысой Недреманною,
облаков алеют паруса,
и бегут машины за туманами,
словно улетают в небеса.

Имя твое

Лена! – музыкой имя стало,
Еле слышимым звоном рос,
На развилке дорог отстало
Алым ветром в листве берез.

Звук певучий, а веках отлитый,
Входит в душу как острие.
Губы сами творят молитву:
«Да святится имя твое!..»

Через тысячу дней, ночами,
Из далекого далека
Ты глядишь на меня очами,
Опечаленными слегка.

Тают звезды над сонным садом,
Погружаются в забытье.
Я шепчу перед грустным взглядом:
«Да святится имя твое!..»

В теплых ливнях ловлю я –Лена!
Лена! – волны поют вдали.
Лена! – эхо летит Вселенной
По орбите Земли.

Будь веселой, как зори летом,
Будб любима, сердце мое.
Слышишь – ветры несут по свету:
«Да святится имя твое!..»

На Домбае

Вершины гор взметнулись круто.
чтоб рядом видеть звездный мир.
В ущелье холодно и люто
вскипает дикий Гоначхир.

В ущелье буки вековые
да корабельных сосен взлет,
и мы с тобою пьем впервые,
не воду пьем, а жидкий лед.

Костер. Постреливают сучья.
копятся донья котелков.
Над нами каменные кручи
и кручи белых облаков.

Ну, что им Время, скалам этим?
Ну, что им наша суета?
Мы перед ними, словно дети,
хотя и дерзки иногда...

О, горы снежные Домбая,
ручьев и речек голоса,
немые льды и зелень мая,
и небом полные глаза!

Татьяна Корниенко (Род. 1957)

Татьяна Юрьевна Корниенко родилась в 1957 году в Ставрополе.

Училась в средних школах № 6 и № 21. Как и многие ее сверстники, занималась спортом. С седьмого класса посещала литературный факультатив, чувствуя тягу к поэзии. Умение рифмовать было одной из ее обыденных способностей. Она увлекалась рисованием и музыкой.

После окончания института физической культуры, уже будучи замужем, молодая поэтесса уезжает на работу на Север в глухой район Магаданской области. Здесь районная газета опубликовала несколько первых ее стихотворений.

В 1983 году молодая семья перебирается в Ставрополь и поселяется в старом Сургучевском доме в центре города. Одной из главных вех творческого развития поэтессы явилась ее учеба в литературном объединении «Современник», которым в то время руководила талантливая поэтесса Раиса Котовская.

Первая книга Татьяны Корниенко «Ягодная пора» (1989 г.), затем «Когда –нибудь, когда –нибудь...» (1992г.). Стихи Татьяны выходят уже и в московской периодике и в коллективных сборниках: «Турнир», «Молодая гвардия», «Вечерний альбом», «Реалист». В 1992 году Татьяна Юрьевна Корниенко становится членом Союза писателей СССР.

Татьяны Корниенко не только поэтесса, но и прозаик. Ее перу принадлежат и песни, в которых она выступает как композитор.

Произведения Татьяны Юрьевны Корниенко, талантливой ставропольской поэтессы, прозаика, композитора, находят признание у ставропольцев, помогают осознать вечные ценности человеческого бытия.

* * *

Мы спешим к родному дому
Поскорее сил набраться
Чтоб в дорогу, словно в омут,
Из него опять сорваться,
Чтоб в сумятице скитанья –
Из купе удобных, спальных –
Снисходить до пониманья
Тихих мест провинциальных,

Что сторонятся пугливо
И бессонными ночами
Жмутся к рельсам сиротливо,
Каждый поезд привечая.
Сколько ж крохотных и грустных
У дороги за плечами
Полустанков захолустных,
Зарастающих молчанием...

Внучок

Колдует бабушка над плиткой –
Ну, как же! – Гость пришел – внучок!
Желтков оранжевеют слитки,
В борще румянятся лучок,
Грибочки нежатся в сметане,
Лоснятся ломти ветчины,

Вздыхает паром плов бараний,
И маслом светятся блины...
А он кемарит в уголочке,
Свернув под щечкой кулачок —
Мужчина в сорок пять годочков —
Любимый бабушкин внучок.

* * *

Хоть зима еще храбрится,
Непогоде вышел срок,
И погожестью гордится
Наапреленный денек.
Вплавь спешат по лесу лыжи,
Карамелью тает лед,
В золотых подвесках крыши –
С них с утра звонит и льет,

И летит капель кисейно,
И румяное село
По – весеннему кисельно,
Хоть по – зимнему бело.
Козни луж – игра вприглядку.
Резок свежести глоток.
В польньне, разбитой всмятку,
Пляшет солнечный желток.

* * *

Беспечный и задиристый
В сухой листе рябиновой
Звенит ручей залиvisto,
А голосок
малиновый!
Сник ветер, оказавшийся
На грани потрясения –
Простора надышавшийся
Безбрежного, весеннего.
А молний стан разбойничий
Ждет громового покрика,
И головою солнечной
Слегка примято облако.
И лес, чуть оперившийся.
Летать ветвями пробует,
И мир, преобразившийся,
Сердца надеждой трогает.
И день – с утра до вечера –
Огнем в реке полощется,
И радость
беззастенчива,
И жить безумно хочется!
И знать, что жизнь
не кончится.

Владимир Кудинов (1938 – 1990)

Поэт Владимир Васильевич Кудинов родился 31 марта 1938 года в г. Котельниково Сталинградской (Волгоградской) области. Много лет отдал журналистике – работал в разных газетах, в том числе в «Ставропольской правде», а в последние годы жизни трудился в отделе поэзии Ставропольского книжного издательства. При жизни издал три книги стихов «Зал ожидания» (Ставрополь, 1982), «Перекрестки» (Ставрополь, 1984) и «Позвольте мне предсказывать погоду» (Ставрополь, 1987)

Поэзия Владимира Васильевича Кудинова тесно связана с Северным Кавказом, родным краем. В своих произведениях поэт воспекает подвиги людей мирного труда и мужество защитников Родины. Все творчество поэта служит родному Отечеству.

Некоторые стихотворения поэта положены на музыку известными ставропольскими композиторами А. Масловым, Л. Роциным, В. Чернявским и др.

Умер поэт 6 августа в 1990 году. Похоронен на ставропольском городском кладбище, у дороги, как и завещал. Рядом с могилой растёт рябина – любимое дерево поэта.

Осенний монолог

Лопатин, в Ставрополе осень,
И гаснут поздние цветы.
Смятенно их тебе приносим,
Но отрешенно смотришь ты.

Тебя ретивый ветер студит.
Пусть студит. А тебе – стоять.
Над пажитью времен и судеб
Летят журавушки опять.

Роня тягостные звуки,
Они к теплу плывут сквозь снег.
Вот так и люди тянут руки
Из века в век, из века в век.

Как акварельная. Рябина
Еще рубиново горит.

Есть смысл, чтоб в жизни быть любимым.
Есть смысл, чтоб самому любить.

Подобны годам перегонам,
Где гулко поезда стучат.
А перегоны, словно годы,
Заранее не сосчитать.

Живущие, мы станем прахом.
Но час последний мой придет –
Дай Бог, мне умереть без страха
В тот самый день, в тот самый год,

Когда я сделаю хоть малость,
Твоей отваги почерпнув,
Чтоб эта малость – да осталась,
Звездой по небу черкнув.

* * *

В Ставрополе ярмарка музыкаю льется.
Крутится милиция. Кружатся шары.
Алла Пугачева плачет и смеется;
Ей меланхолично вторят «Песняры».

Ярмарка запружена говорливым людом.
Мальчики и девочки пряники жуют.
Пиво – из фонтана. И надежда всюду,
Что сегодня счастье запросто дают.

*

Через версты, через годы слышу,
Как воспоминанье о себе:
Абрикосы падают на крышу
В нашем неулыбчивом дворе.

Абрикосы падают знакомо,
И серчала потихоньку мать:
«Что ж ты, неслух, умотался снова?
Солнышки – то некому собрать».

*

Лишь ветер заиграет монистами
Шального и радужного дождя,
Все самое первое, самое чистое
Опять воскресает в душе у меня.

Да вы вспоминали и сами, наверное,
С раздумьем вдвоем оставаясь не раз,
Все самое чистое, самое первое,
Что было начальной страницей у вас.

*

Еще надеясь на успех,
За партой жизни хмурю лоб.
Который год, который век
Делю неправильную дробь.
Кто самый сильный? – Человек.
Кто самый слабый? – Человек.
Кто самый щедрый? – Человек.
Кто самый жадный? – Человек.
Кто самый мудрый? – Человек

*

Вон идут художники, различая смутно,
Что сентябрь в сусальное золото одет.
Очередь за ситцем. Очередь за луком
А за счастьем разве очереди нет?

И зачем на ярмарке сентябрем торгуем?
Сокрушенно смотрит людам он вослед.
Очередь за рыбой. Очередь за тюлем...
А за счастьем все же очереди нет...

*

Это как же потерялось детство?
До него вовек не добрести.
Тяжело отстукивает сердце:
Мама, если можешь, то прости...

Что – то густо выпали туманы.
Из – за них могилу не видать.
Если б только можно было, мама,
Для тебя все солнышки собрать!

*

Со временем дни – не такие лучистые.
Да только под грузом житейских забот
Все самое первое, самое чистое
Вдруг снова и снова к себе позовет.

И даже посмертно забыть не сумею я
Все то, что листвою в костре не горит,
Все самое чистое, самое первое,
О чем молчаливо душа говорит

*

Кто самый храбрый? – Человек.
Кто самый робкий? – Человек.
Кто самый вечный? – Человек.
Кто самый смертный? – Человек
Земля свершает свой разбег
Навстречу завтрашнему дню.
Который год, который век
Я эту дробь не разделю.

*

*

Сквозь века мне слышится поныне,
Как в оцепенелой тишине
Яростно играет Паганини
На одной единственной струне.

Но, пока душа не умирает
И взлетает со смычком рука,
Паганини яростно играет
Через все грядущие века.

Скрипка, скрипка, что с тобою стало:
Нужно доиграть перед людьми.
Ты сдаешь. Ты, кажется, устала.
Рвутся струны, рвутся, черт возьми!

Если так и мне откажут струны –
Дай мне силу, сердце, дай и мне
Досказать несказанное людям
На одной – единственной струне.

* * *

Притерпелось сердце, притерпелось.
Но ведь извечно на Руси
Ему и плакалось, и пелось
Так, что подснежники росли,

И слезы тихо каменели,
Чтобы снежинками упасть. ...
Когда б мы плакать не умели,
То не могли и петь бы влать.

* * *

На то и жизнь, чтоб видеть виды,
Знать соловьев и вороньё.
Спасибо ей за все обиды
И благодарности её.

За то, что надобно ответить
В конце концов себе и ей:
А сделал ли на белом свете
Ты жизнь хоть чуточку светлей?

* * *

Отворив свою калитку,
День приметил сразу их:
Мальчик, девочка и скрипка —
Скрипка словно на двоих.

Мальчик, девочка и скрипка —
Скрипка словно на двоих.

Ничего не замечая,
Тихо шли они втроем
И спокойно, беспечально
Говорили о своем.

И приветно, величаво
Вел их дальше тротуар.
Скрипка молодо звучала
Сквозь потрепанный футиляр.

Трепетно несли улыбку
Мимо всех житейских лих

Пели солнечные блики,
И входили в жизнь, как стих,
Мальчик, девочка и скрипка —
Эта скрипка на двоих.

* * *

Не дожил до весны только малость,
Не успел подновить виноград.
Ничего от него не осталось,
Лишь десяток солдатских наград.

Ничего от него не осталось,
Лишь десяток солдатских наград.

Солнце тоже скорбящим казалось
И по небу брело наугад.

А назавтра весна постучалась,
И просыпался солнечный град.
От него вся планета осталась
Да солдатских десяток наград.

* * *

Сгорает солнце на закате.
Ложится ветер в поле спать.
Любимые, не предавайте.
Любимые, не предавайте.
Любовь не надо предавать.

Береза тонкими ветвями
Пытается закат стереть.
Любимые, пока вы с нами,
Любимые, пока вы с нами,
Не страшно даже умереть.

* * *

Опять снега над нашим краем.
И ветры скучные опять.
А мы так мало успеваем
Друг другу доброго сказать.

И на печальные долины.
На все, чему душа не врет,
Вослед снегам прольются ливни,
Перо жар – птицы упадет.

Не называя это раем
И на песке рисуя сад,

* * *

Большая ложь на маленькой планете
Мои цветы затаптывает в грязь.
Во зло бывает доброхотный ветер.
Бывает встречный ветер в самый раз.

Я заклинаю: не носите маски
И не чурайтесь совестливых встреч.
Пусть вам достанет и ума, и ласки,
Чтобы цветы и вправду оберечь.

* * *

Что спозаранку ни делаю –
И по весне, и зимой,
Лебеди, белые лебеди
Тихо звучат надо мной.

Кружатся, кружатся, кружатся,
Перья роняя, как снег...

Вся жизнь – магические знаки,
Которые едва ль понять.
Любимые, не предавайте.
Любимые, не предавайте.
Судьбу не надо предавать.

Закат. И поле. И береза...
Всё это вы.
Всё это вам.
Любимые, еще не поздно
Еще не поздно жить.

* * *

Что ж мы так мало успеваем
Друг другу доброго сказать?

Сквозь ливни синие, сквозь вьюги
И на душе, и на земле
Воистину сильны друг другом,
Бессильны мы воедине.

А повторимся ль? Непонятно.
Успеем ли еще? Как знать!
И надо, надо до заката
Друг другу доброе сказать.

* * *

Пусть он срывает прожитые годы
И сеет их по молодой траве.
Всю жизнь учусь предсказывать погоду
Кому угодно, только не себе.

Да здравствуют мои деепричастья!
Я верую, сгорая из – за них:
Коль счастья на двоих –
тогда два счастья,
Полгоря – если горе на двоих.

* * *

Верю в негромкое мужество,
Может быть, более всех.

Из – под небесной державности,
Ясной, как жизнь, глубины
Белые лебеди радости
Русскому сердцу даны.

Но из какой же окрестности
Грустные, словно зола,
Черные ястребы ревности,
Черные ястребы зла?

Кружатся, кружатся, кружатся,
Падают перья смолой...
Все – таки верую в мужество
И по весне, и зимой.

* * *

То ли чайка кричит, то ли тополь скрипит...
Отчего эти смутные звуки?
Но проснешься – планета, как девочка, спит
Разметав беспокойные руки.

И ни вскрика, ни скрипа. Вокруг – тишина.
Только все же представишь неволью:
Где – то тополь один, где – то чайка одна.
Им и вправду, наверное, больно.

* * *

У сердца есть своя ранимость –
И тем больнее, тем острее,
Чем вечная необратимость
Ему становится ясней.

И лишь комок подступит к горлу,
И лишь слезу с щеки смахнешь.

Мы мельтешим и суетимся,
Обиды друг на друга льём.
Но вновь в себя не обратимся
И ни секунды не вернём.

Ведь эта жизнь, вся эта дивность,
К руке касание руки –
Счастливая необратимость
Надеждам нашим вопреки.

Трава, царящая под снегом,
В овраге талая вода,
Все, что ты сделал,
что не сделал,
Необратимо никогда.

И сквозь улыбку надо плакать
От гор, похожих на цветы,
И от зари, и от заката,
Необратимых, словно ты.

Махнет тебе рябина горько
Сквозь непрерыванный, нужный дождь —

И надо, презирая милость,
Рвануться к утренней звезде,
Чтоб обратить необратимость
В любовь к живому на земле.

* * *

Россия в дымчатых снегах,
В предощущении прелюдий.
Но бродит музыка в садах –
Вся одинокая, как люди.

В ней – завтрашние времена
И их мажорное звучанье

Еще молчания полна.
Она светла. Но и печальна.

Четверостишия
Не предаваясь мелочам
И к звездам душу обращая,
Цветы растут лишь по ночам,
Когда им люди не мешают.

* * *

Облетели мои сентябри,
И душа с опозданием помнит:
Чтоб испытать из кувшина любви,
Наперед его надо наполнить.

* * *

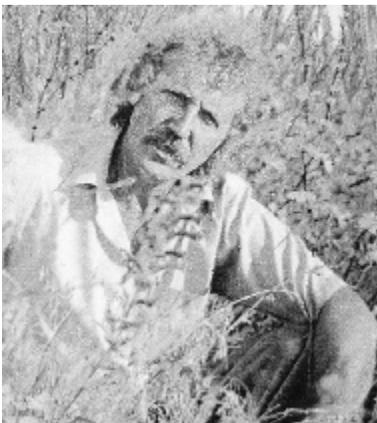
Жизнь извиняться не умеет,
Что разом в ней и ад, и рай.
Когда несчастья одолеют,
Тогда и счастья ожидай.
Будто века – назад,
Будто нельзя иначе.
Тюрьмы еще стоят,
Люди всё также плачут.

* * *

Пока душа во мне живет.
Пока еще владею речью,
На день, на год. На век – вперед,
Навстречу тем, кого не встречу.

* * *

Нас всех непризнанно роднит
В печальности одно и то же:
Как мы не можем не любить,
Так уберечь любовь не можем.

Анатолий Маслов (Род. 1950)

Анатолий Михайлович Маслов родился 15 августа 1950 года. Он пришел в поэзию из дальнего «затерявшегося в полях» хутора Весёлый Изобильненского района Ставропольского края, Родом он из казаков. Больше всего любит волну и степь.

Работал электромонтером в колхозе, разнорабочим на строительстве газо – бензинового завода в Нефтекумске,

грузчиком на железнодорожной станции, преподавателем русского языка и литературы в сельской школе.

Закончил филологический факультет Ставропольского педагогического института. Был участником многих краевых и Всероссийского совещаний молодых литераторов. Член Союза писателей России. Публикуется с 1965 года. Автор нескольких сборников, получивших добрые отзывы в печати и у читателей.

Замечательный русский писатель, лауреат Государственной премии России, Анатолий Ткаченко еще в 1991 году определил основные достоинства поэта: «Основательность в большом и малом, прочная укорененность на родной земле (о, как нам не хватает этого по всей России!) – и есть главное в характере Анатолия Маслова, человека твердого, но и отзывчивого на чужую беду. Отсюда и стихи его – с особой интонацией, собственной образностью. Даже некоторая «корявинка» в ритмике и рифме не портит их, напротив – делает более живыми, как бы только что списанными с природы.

Им изданы такие сборники стихов, как «Плач по России», «Степная сторона», «Даруй мне, степь, успокоенье», «Вечная дорога к себе» ... Талантливо и зримо в нем все – от начальной до конечной строк. Этаким сгусток мысли, чувства, вдохновения и, главное, – выстраданной правды о стране и народе. Правды, которая, может быть, способна помочь русским людям не согнуться в очередном смутном времени.

Родина – вот то самое главное, емкое, великое слово в творчестве неравнодушного человека Анатолия Маслова, который помнит многое: от дрожащей на ветру хрупкой былинки до отцовских крестов на взгорках кладбищ под высоким бескрайним небом и тоскующими криками улетающих птиц.

Стихи Анатолия Михайловича Маслова убеждают, что в российскую литературу пришел не очередной имитатор и «стихodelатель», а ПОЭТ, со своим словом, со своей интонацией и умным видением мира.

Я взмахнул неокрепшим крылом —
И взлетел!..

Где земли оком?!
Соколиная синяя даль

Приоткрыла как будто вуаль...

Соколиная степь подо мной
Колыхалась ковыльной волной...

* * *

Ковыль султаны заструит
На низовом ветру..
Ах, степь родная, дивный вид,
Весною поутру!

Куда не взглянешь – всюду синь
От неба до земли.
Лишь серебристая полынь
Кольшется вдали.

Седок – наперевес ружье –
Проскачет на коне,
В ложбине спрячется зверье,
Знать, коршун в вышине.

– Я твой сын, соколиная степь!
Мне родня здесь и ветер, и стебель!

...Я парил!
Соколиная высь,
Подивись на меня, подивись!

А летом знойным эта степь
С пожухлою травой
Такая – не на что смотреть! –
Являет вид иной...

В морщинах – трещинах она
Уньла и пуста,
Когда пожаром до черна
Спалит все, до куста!

Но эта степь – моя судьба!
Растет здесь чернобыль,
И музыкой скрипит арба,
И пахнет сладко пыль!

Хутор Веселый

Вот моя святая Мекка —
Средь неезженных дорог,
Посреди чужого века,
Затерялся хуторок.

Кто нарек его Веселый?
Кто из предков казаков?
Принимал он новоселов,
Как родных, со всех краев.

Он стоит, как пуп Вселенной.
Это именно сюда
Непрерывно, непрерывно
Возвращаюсь я всегда.

Среди августа, с рассветом,
Огласив родную весь,
Я родился здесь поэтом
И умру, наверно, здесь.

Повитуха бабка Марфа,
Дав, как водится, шлепок,
Соблюла досуже марку,
Завязала мне пупок.

И плыла ладьей куда – то
Под стрехою колыбель
От завалинки у хаты
До неведомых земель.

Были дивны песни мамы
И истории отца...
Мир манил меня упрямо
Вдаль от отчего крыльца.

Словно тайна от порога
Увела меня потом
Наша пыльная дорога,
За бугром вильнув хвостом.

Я надел блатную кепку,
Трубку дал моим зубам...
И несло меня, как щепку,
По судьбе, как по волнам...
Но издерганный, печальный
Или радостный домой

Возвращаюсь – привечает
Хлебосольный хутор мой.
Он – моя святая Мекка!
Средь проселочных дорог
Посреди чужого века
Тихий, пыльный хуторок!..

* * *

Что творилось в природе, когда
Возвращался на хутор я степью?!
Ветер ветками щелкал, как плетью...
И, казалось, – повсюду беда!..

И тревога отхлынула, будто
Все осталось за горкой крутой!..

Больше сотни орлов собралось.
Непрерывно над степью кружились,
Друг от друга поодаль садились... ..
Что за тайну мне знать не пришлось

Родина – мой хутор полевой,
Нет на свете ничего дороже!..
Мне подсолнух машет головой
Радостно на солнышко похожий!

Но сбежала лошадка рысцей
Под бугор, и приветил нас хутор,

Хорошо в степи бродить весной!..
Все цветет, поет здесь и сияет!..
И на счастье прямо надо мной
Радуга подковой повисает!

Память

О тихая заводь моих
Потревоженных мыслей!
Хоть возрастом молод,
Но память бывшего жива...
Шумят на осенних деревьях
Тревожаще листья,
Слетают, как листья,
С души воспаленной слова!..

Печально гляжу на дорогу,
Где горбятся вербы,
Где каждая кочка,
Наверное, с детства моя,
Шепчу вдохновенно,
Исполненный праведной веры:
– Хранима будь вечно
От всех недородов, земля!..

Дума о Родине

...Я объехать готов
Был всю Русь до пределов,
Горевал то и дело
У могильных крестов

Дол зарос бурьяном,
А твой пахарь, Россия,
Пьет и плачет в бессильи,
Беспробудным спит сном...

Всюду горя следы!..
Надо мной вились птицы
Траурной вереницей, Как примета беды..

Он спасти б тебя мог
От врагов и наветов,
Но награда за это
Не венец, а ярмо!

Как ты только еще
Не пропала в неволе?!
Твое житное поле, Русь, повито плутом!

Но судить не берусь!
Он узнал, бедолага, –
Соловки и Карлагерь...
И вселенскую грусть...

2

Ах, ты, матушка Русь!..
Сызрань, Новгород, Суздаль...
Ты мужицкая грусть
И мужицкая удаль! ..

Вся в церквах – куполах
На проезжих дорогах,
Ты издревле жила
С верой праведной в Бога

Поклонялась царям
И вельможным баярам,
Но бунтарства заря
Разгоралась недаром...

Емельян Пугачев,
Поводырь у народа,
Воевал горячо
За казачью свободу.

Стенька Разин не зря
Был казнен палачами.
Поднималась заря
И в слезах, и в печали!..

Настрадался народ
И в лихую годину
Гнет всесильных господ
Опостыливший скинул.

Но засели в Кремле
Все враги, все иуды...
И по Русской земле
Застонали повсюду!

Стала нищею ты
И безбожной, Россия!
Посрывали кресты
С куполов золотые!..

3

...Ах, ты, матушка Русь!..
Сызрань, Новгород, Суздаль...
Ты извечная грусть
И извечная удаль!..

Кто укажет твой путь?!
Кони ржут ли за Доном?
Не пора ль зачерпнуть,
Русь, водицы шеломом?!

– Эй, Емелька Пугач,
Не заждалась ли плаха,
Задремал ли палач
Или сгинул от страха?!

4

Ах, Дикое Поле –
Казачья страна!
Ах, вольная воля,
Где нынче она?!

Повсюду погибель,
Кромешная тьма!
Кто, Русь, твой спаситель,
Как Минин Кузьма,

Илья Карачаров
Со други своя,
Что спас от пожаров
Родные края?!

Где Томутаркани,
Гордый народ,
Что Батыю дани
Сосем не дает?

Народ не пугала
Ни смерть, ни сума...
Россия вставала
С коленей сама.

Карала сурово
Своих и чужих
За веру Христову,
За русских святых!

...Ах, Дикое Поле –
Казачья страна!..
Ах, вольная воля...
Пропала она!..

Вот родина моя

Вот родина моя.
Отсюда уходили
Мы испытать себя
В нездешние края.
Ну что мы там нашли,
Кого мы удивили,
О горестях скорбя
Своей родной земли?!
Вот родина моя.
Она, конечно, помнит
Ватагу сорванцов,
Где все мои друзья.
А вон сквозь синий мрак
Виднеется волонья,
Там втайне от отцов
Смолили мы табак.
Вот родина моя.
Мне б к отчему порогу,
Без стука к старикам:
– Ах, мама, это ж я!..
И я уже продрог,

Но вот веду дорогу
К заснеженным крестам,
К друзьям за хуторок.

Пейзаж совсем под стать
Моим печальным мыслям:
Жеребчик влез в сугроб.
От лошади отстал.
Так разбрелись и мы
В своем стремленье к высям.
Другим достался гроб –
Приют среди зимы.

...На кладбище вина
Я пригубил. И долго
Сидел среди теней,
Когда взошла луна.
Мне чудились бугры
И жуткий голос волка
Средь старых пустырей.
Там в детстве жгли костры...

Старуха

Ссутулилась старуха:
Берут года свое.
Со зрением и слухом
Неважно у нее
Зайдешь, как будто кстати,
Узнать про жизнь, дела...
– Да Бог с тобой, касатик!
Как сажа жизнь бела.
Посмотрит просветленно.
Облокотись на трость
Так, словно бьет поклоны:
– Ты Нюркин внук небось?...

А моего по свету
Лихая понесла,
И, видно, канул где – то...
Хоть к смерти б дождала.
И ты, слыхала, тоже
Из дому норовишь?..
Бежать, внучек, негоже
Из – под родимых крыш...
Стоишь пред ней краснея...
Но в чем твоя вина.
Что бабка Пелагея
При старости одна.

Друзьям детства

Мы Сибири не видали
И ее Иртыш – реки.
Плот из льдины вырубали
Всем запретам вопреки.
По пруду плоты водили
Мы, ватага Ермака,
До весны не победили

Нас Кучумовы войска.
Мы и храбро, и умело
Бились с ворогом лихим.
Плот трещал, вода кипела
Словно, пенилась под ним.
Враг сконфужен был немало
И бежал под свист и вой.

Ликовала Русь, швыряла
Шапки вверх над головой!..

Осенние поля заплатах словно бы земля,
Тоскливы вымокшие доли,
Когда осенние поля
Уже распаханы и голы.

В такую пору я не мог
Освободиться от печали.
Прошиты нитями дорог,
Поля зовущие лежали.

Воображение ж ума
Мне рисовало ненароком
Страну, где долгая зима
Лежит на севере далеком.

Она влечет меня уже... степь раски-
нулась большая,
И я смятение в душе
Порой осенней ошущаю...

Свадьба

Деревенская свадьба в веселом разгаре.
И не сразу поймешь, что в застолье поют.
Шурка, словно артист, все бренчит на гитаре.
Баянист рвет меха – тон гостям задают.

Дед Афоня к жене наклонился влюбленно,
Расправляет усы, на невесту косясь:
– Отхватил самородок внучок – то,
Матрена... Голова удалая – в меня удался.

А Семеновна влезла в цыганское платье,
С ворожкой, досужая, липнет ко всем.
Угождает гостям моложавая сватья.
Дружка споры ведет о девичьей косе.

Деревенская свадьба... Пируют селяне,
Все заботы забыли до буднего дня.
Баянист рвет меха на кунгурском баяне,
Гитарист бьет по струнам – аккорды звенят

Н. Рубцов

И нормальный, и юродив.
От рождения немой.
Он живет в своем народе.
Не родня, а все же свой.
От рассвета до заката
По станице взад – вперед,
Как наряд, обходит хаты,
Знает все наперечет.
Лучше слов немого жесты
Объясняют все дела:

У Петрищевых – невеста,
Фенька сына родила...
За кусок ржаного хлеба
Он корову вам пасет,
На скамье под чистым небом
У соседа прикорнет.
Вечно будет уцть в народе
Непомазанник святой.
И нормальный, и юродив.
Всеми признанный, как свой

А. Екимцеву

Весенние цветы ласкают взгляд,
Но осени цветы еще дороже,
Когда последним пламенем горят.
Я юным был и не жалел утрат,
Смеялся, но до времена, похоже.
Теперь пришла пора сплошных дождей.
И вот брожу, отшельник и молчальник,
По бездорожью памяти своей.
Остановлюсь неслышно у дверей
Друзей былых и отойду *печальный*.

Все кануло, как в омуте воды.
Прошла пора беспечности, веселья,
Мелькнула жизнь, как будто в день ве-
сенний
Вновь отцвели вишневые сады.
И вдруг открылась жизнь до наготы,
И ощутимей сделались потери.
Теперь прошу: «Не затворите двери!...».
Когда цветут последние цветы.
Так трудно в счастье призрачное верить.

Степные тропы

Уводит тропа меня
В знакомую степь снова.
Уводит, дразня, маня
К лужайкам зеленобровым.

И я, уж который раз,
Бреду, красотой опьяненный.
Вокруг, сколько хватит глаз,
Пожар разметался зеленый.

Кажется: сердце вот – вот
От счастья в груди разорвется,
А тропка зовет, зовет,
А тропка все вьется, вьется.

Как будто и нет границ
В широком степном просторе.
Ах, сколько он тайн хранит
В своем разноликом хоре!

О чем по ночам ковыль
Шепчется с ветром – пронирой?
А кто это среди травы
Норы глубокие вырыл?

Вот колокольчик звенит..
С кем он так звонко спорит?!
Степь эти тайны хранит
В своем разноликом хоре...

Лето

Лето снова в бегах...
Под крутым небосводом
Вновь цветы на лугах
Разбрелись хороводом.

Тихо ветер поет
Им про зябкие росы,
Озоруя, плетет
Трав зеленые косы.

Мне близки и родны
Песни баловня – ветра,
Как дыханье весны
С распутившихся веток.

Мне уже не прожить
Без любви и восторга
К колосющейся ржи,
Без родного простора.

Много раз я ходил
По степному раздолью
И с волнением в груди
Слушал шорохи поля.

От прохлады дрожал
Там в предутренней сини,
И, счастливый, лежал
На курганах России

* * *

О степь!
Сколько в ней красоты
И сколько страниц непрочтенных!
Слова в ней – трава и цветы,
Сверчков монотонные звоны...

Слова – это стаи грачей,
Похожих на угольный пепел...
Всю жизнь посвятить – не прочесть
Того, что написано степью...

Весеннее утро

Ласточки щебечут в вышине,
Весть несут благу о весне.

А за бугром
Перепел откликнулся и стих.
И уже зари приметный штрих
Протянулся по небу лучом,
Чтоб залить все заревом потом...

Весело кружатся над двором
Под лампадой звезд.

* * *

Без особых примет
Отзвенел сенокос
На пахучих лугах.
Осень бросила медь

Словно в жгучих слезах,
Утопила красу...

Растрепавшихся кос
На скирды и стога.
На багряный рассвет,
Что дрожит в небесах,

В небе моем ни звезды
Ветер стучался в окно,
Выл за стеной, словно зверь,
Вдруг распахнул мою дверь.
Вышел за ним – там темно.

На деревья в лесу.
И в последней росе,

Глянул на три стороны –
Всюду на родине мрак.
В бездну уводит маяк –
Светится – вспышки видны.

В небе моем ни звезды.

Сел на пороге один,
Раб себе и господин,
Ждать неминуемой беды.

Может, исчезну в глуши,
Только рассеет этот страх:
Родине в лучших мирах,
Господи, путь укажи...

Мой дом стоит на кособоре

Мой дом стоит на кособоре
Среди обугленных руин.
И вижу я, как на просторе
Бредет с котомкой славянин.

Такому жуткому позору
Не подвергалась она.

Повсюду изгнан, оклеветан,
В своей стране холоп, изгой.
Не ждет участия и привета,
А ведь когда – то был герой.

Но верю, верю: новый Рюрик
Взнуздает борзого коня,
Разбавит неба скорбный сурик,
Добавит всполохов огня.

Какому тушинскому вору
Россия снова отдана,

А вокруг него, как вокруг Мессии,
Что и доступен, и велик –
Сыны воспрянувшей России
Вновь явят миру гордый лик.

Валентин Марьинский
(РАСТЕРЯЕВ)
(1924 – 1972)

Валентин Данилович Марьинский родился в 1924г. на Ставрополье – в станице Марьинской Аполлонского района в терско – казачьей семье. В станичной школе окончил десятилетку. У него было 3 увлечения: литература, музыка и математика.

Добровольцем ушел на фронт в 1942 году. Участвовал в боях с гитлеровскими захватчиками. В боях за Северный Кавказ дважды был ранен. Демобилизовавшись из армии вернулся на Ставрополье. Сдал экстерном экзамены на физико–математическое отделение учительского института. Работал сельским учителем.

В 1948 году Валентин Марьинский поступил в Ленинградский университет, откуда, по рекомендации Ставропольского отделения Ставропольских писателей, был переведен в литературный институт им. М.Горького при СП СССР. По окончании института сотрудничал в газете «Ставропольская правда».

Стихи он начал писать в годы войны. С 1947г. его произведения систематически печатались в газетах, альманахах, журналах, сборниках: «Мы – за мир», «Сердце поёт», «Любовь и ненависть», «Тревожные облака», «Век нежности и стали», «Лирика» И ДР.

Одно из самых известных стихотворений В. Марьинского «Не пришедший с войны». О нём высоко отзывался К. Симонов. Через 4 года, после публикации в газете «Литература и жизнь» (3 января 1962г.), он в письме к В. Марьинскому писал: «Когда я заново прочёл Вашу балладу, у меня снова мороз подрал по коже, как тогда, когда я читал её в первый раз несколько лет назад... Повторяю, Ваша баллада произвела на меня, когда я прочёл её первый, и производит сейчас самое сильное впечатление...»

Стихам В. Марьинского свойственны чёткость гражданских позиций, жизненная конкретность, неподдельный лиризм, естественность поэтической интонации и чувство современности. Многие его стихи – памятные вехи биографии поэта и его поколений.

Валентин Марьинский прошел большую школу мастерства: работал в журнале ЦК КПСС «Агитатор», где вел сатирический раздел; печатался в журнале «Крокодил», являлся спецкором газет «Правда», «Советская Россия»; некоторое время руководил Ставропольской краевой писательской организацией Союза писателей СССР.

Похоронен Валентин Данилович в родной станице рядом с прахом отца. В последний путь поэта, умершего в расцвете сил, провожали все станичники – от мала до велика. В стихотворении «Завещание» он восклицает:

Слово... С этим словом мы в бои ходили,
Пали в атаках и вставали вновь.
Золотыми буквами на моей могиле
Напишите слово краткое: «Любовь».

Не пришедший с войны

Командиру роты, фамилия которого неизвестна

1

За стеной, который не ведая год,
Человек, не вернувшийся с фронта, живет.
За высокой кирпичной больничной стеной
Слышен крик по ночам:
«В наступленье! За мной!»
«Не робейте, ребята! Ребята, вперед!»
Слышен крик вот уже восемнадцатый год.
Спит земля... людям видятся добрые сны,
Но не спит человек,
не пришедший с войны.
Говорят доктора, наклонившись над ним:
«Трудный случай, наверное, неизлечим»
Задыхаясь в бреду,
восемнадцатый год
Командир в наступление роту зовет...

2

А на стенке – часы безмятежно стучат,
А солдаты давно дома с жёнами спят.
Все окопы высокой травой заросли.
Тишина, только пение птичьё вдали.
Лишь за этой стеной, за тяжёлой стеной,
Бьётся, мечется голос:
«За Родину, в бой!»
Лишь один человек, только ночь настаёт,
Тянет руку вперёд – в наступленье зовёт.
Он с тревогой глядит
на спокойных врачей.
Он не в силах фамилии вспомнить своей.
Где он жил? Где он рос? Где родные его?..
Неизвестно в больнице о нем ничего.
Белой веткой в окошко стучится весна, –
И не знает она, что такое война,
И не ведает, как за Кубанью – рекой
В рукопашную шёл лейтенант молодой,
Как безжалостный штык
перед грудью возник,
Как из сердца безумия вырвался крик.

Из палаты в палату всю ночь до утра
 Коридорами длинными ходит сестра.
 Там поправит постель, там прикроет окно.
 Про себя помечтает: «Сходить бы в кино».
 Капель в склянку нальёт,
 и в положенный час
 Лейтенанту больному лекарство подаст.
 А на стенке часы – всё стучат и стучат.
 А в окне – кружат звезды, как стайка
 девчат.
 И гудят поезда, и цветут города.
 И, как птицы летят над землёю года.
 Может быть, у того лейтенанта жена
 Где – нибудь на Кубани тоскует одна.
 Может быть, до сих пор
 в чудо верит и ждёт
 И, вздыхая, под вечер стоит у ворот.
 Только он не придёт
 никогда, никогда:
 Он в атаку идёт, он берёт города.
 «Не робейте, ребята! Ребята, вперёд!»
 Он кричит по ночам восемнадцатый год.
 Он не помнит ни мать, ни жену, ни отца,
 Снятся пули ему, да осколки свинца,
 Да внезапные вспышки
 в тревожных ночах,
 Да могилы друзей в чужедальних полях...
 Человек в наступление роту ведёт.
 Восемнадцатый год всё идет он вперёд.
 Всё идёт он вперёд, и назад – не придёт.

Ступени

Мы,
 Как ракеты,
 Мчим в рассветы,
 Встречая новую весну.
 Ты,
 Первая ступень ракеты
 Несла меня через войну.

Ступень вторая –
 Заливные
 Луга,

Просекли, соловьи,
 Труд
 Узнавание России
 И узнавание любви.
 Долготерпение
 И пеньё,
 Сжигающее ум дотла, –
 Моею
 Третью ступенью
 Сама поэзия была.

* * *

Я тихим рос и неупрямым,
Но как – то мне сказала мать,
Что людям правду слишком прямо
Стремлюсь глазами я сказать.
Что для мальчишки это слишком –
Такой открыто строгий взгляд.
Мол, так обидишь ты, мальчишка,
Тех взрослых, что у нас гостят.
А вырастешь – за взгляды эти
Тебя невзлюбят, мил – дружок,
Без счастья будешь жить на свете. ...
С тех пор прошел немалый срок.

Мели снега. Дожди плескались
Шумела веснами листва.
И мне не раз припоминались
Те материнские слова.
Нет, я не внял тому уроку.
Глазами правду говорю –
Смотрю по – прежнему жестоко,
Когда на подлости смогрю.
И ничего – довольны люди.
И сыну я хочу сказать: –
Тебя полюбят, счастье будет,
Лишь были б честными глаза.

Благодарность

Учителю И. А. Демченко

Ответ мой закончился крахом:
Я вышел к доске – и мгновенно
Реформы Тиберия Гракха,
Волнуясь, забыл совершенно.
Я спутал Афины со Спартой,
Я с Грецией Рим перепутал
И сел, весь пылая, за парту,
Противен себе в ту минуту.
Не билось, а прыгало сердце,
Весь мир проклиная в обиде...
О Рим! О античная Греция!
Как я вас тогда ненавидел!
Заранее злобно и гневно
Я клятву давал в ту минуту,
Что больше историю Древнюю
Учить никогда я не буду!
А стану читать на уроках
О джунглях и могиканах.

Назло увещаньям, упрекам
Возьму – второгодником стану!
Казалось мгновение часом...
Сидел я, поникнув за партой...
Учитель прошелся по классу,
Задумался, стоя у карты...
И, клетчатый галстук расправив,
Вдруг бросил, как будто нечаянно:
– Я двойку тебе не поставлю,
Ты, братец, ошибся случайно...
Я вспыхнул. И птицею сердце
Взлетело, почуяв свободу...
О Рим! О античная Греция!
О юные школьные годы!
Был мудрым учитель мой старый...
Ушел он, захлопнулись двери –
И я ему век благодарен
За то, что в меня он поверил.

Лебедь

В белоснежном оперенье
Плавал он среди гусей.
И, обманутые зрением,
– Гусь как гусь, – твердили все.

В этот полдень тихо было.
И в сиянии лучей
Предо мною проходило
Стадо белое гусей.

Но в ответ на общий лепет
Я с улыбкою молчал.
Я – то понял: был он лебедь.
Я – то видел, я – то знал!

Что меж них мой храбрый лебедь,
Я еще не знал о том...
Но внезапно – тучи в небе,
Но внезапно – в небе гром.

И ушли в испуге гуси,
Все ушли. Домой ушли.
Только он один, не струсив,
Оторвался от земли.

Россия моя, Россия...
Высь гор
И размах полей...
И негу тех гор красивой,
И негу полей Милей.

Дубки,
Заглядевшись, встали
Да так в поля и вросли...
О, как беспредельны дали,
Бездонны
Моря твои!

Россия моя, Россия...
Недаром твои сыны
В распутицу
Грязь месили
На грозных путях войны.

И голод,
И боль,

Я знаю, ошибся тот,
Кто заявил сурово:
Только делам почет.
О слово,
Могучее слово!..
Ты можешь низвергнуть в прах
И можешь – возвысить к звездам.
Ты нужным бываешь так,
Как солнце, как хлеб и воздух.
Порою и жизнь, и мечты
В руках у тебя всецело...
Не безделушка ты, а венценосец дела!
Берегите слова! Берегите слова!
Я об этом не думал, товарищи, прежде.
Но однажды гремелаверху синева
И у всех нас на жизнь не осталось
надежды.

Он парил высоко в небе
Над моею головой –
Храбрый лебедь, гордый лебедь,
Белокрылый лебедь мой.

Россия

И слякоть –
И все им пришлось узнать.
Им некогда было
Плакать
И некогда –
Уставать.

Зато,
Рассекая воздух,
Как диво для всей Земли,
Уж сколько лет
Все выше к звездам
Летят
Корабли твои.
И есть ли
Сердца красивой?!
Ты ими всегда полна,
Россия моя, Россия,
Родимая сторона.

О словах

Пули с той стороны и с другой стороны,
Впереди, позади – огневые раскаты.
У большой, расщепленной снаря-
дом сосны
Мы в железных тисках были прочно
зажаты.
И лежали в воронке мы
Шесть человек,
Шесть голов,
Шесть умов, повидавших немало.
И у всех, как назло, только гул в голове,
Только страх,
Только страх, а надежд не осталось.
Где же выход?
Дымится пред нами трава.
Все отчетливей слышим дыхание
вражье.
Как патроны, истратили мы

Три Слова...

На дружков я не в обиде.
Они не знали, как был счастлив я,
Когда сумел в глазах твоих увидеть
Три эти слова:
– Я – судьба твоя.
И еще о словах... И еще о словах.
Сколько их.
Существительных всяких,
Надо мною летит и змеится в ногах
– То хороших, то скользких, двойких!..
Сколько нежно – ласкательных,
Грубо – ругательных,
И глаголов стремительных,
И цветных прилагательных.
Сколько неуважительных и совсем
отрицательных!..

И частиц, и наречий, и деепричастий,
То сгибающих плечи, то сулящих нам
счастье,
То мрачнее, чем тучи, то светлее,
чем свечи,
И к разлукам влекущих, и рождаю-
щих встречи,
Подających надежду, внушающих страх,
И звенящих симфонией света в ушах!..
Только, как заколдованный, Снова и
снова
В ослепительном море бесчислен-
ных слов
Я с особой любовью
Встречаю “любовь” –
очень нужное слово!

Предостережение

Вы многое сумели сделать, люди:
Каналы,
Телевизоры,
Дома...
И я уверен, что любые судьи
Признают силу вашего ума.
Поэзией,
Где солнце в каждом слове,
И музыкой вы одарили мир.
Ведь это ваши – Глинка и Бетховен,
Ведь это ваши – Пушкин и Шекспир.
Вы многое создать сумели, люди,
Своею мыслью и своим трудом:
Сначала – стрелы, а потом – орудия,
Винтовки скорострельные потом...
Н падали, забрызганные кровью
Мужья, проклятья гневные шепча,
И много лет от слез горячих вдовьих

Подушки промокали по ночам.
Пора очнуться перед этим злом бы,
Встряхнуть бы головой, в себя прийти...
Но... летают бомбы,
Что шар земной готовы разнести.
И стало страшно вашего умения,
И я б сказал, тревожных дум не скрыв:
Планета – печь, в ней – порох на по-
леньях.
Лишь чиркни спичкой – и раздаст-
ся взрыв.
И ждет Земля,
Что с нею дальше будет...
Тень катастрофы встала на пути...
Вы многое сумели, люди, сделать –
Сумейте ж
То, что сделали,
Спасти

Баллада о ледяной статуе

*В феврале 1945 года в фашистском концлагере Маутхаузен
был зверски замучен и превращен в ледяную статую
Герой Советского Союза генерал Д.Карбышев.*

1

Зимой,
Весною
И летом,

Тревожа столетье двадцатое,
Всегда на виду у планеты
Стоит необычная статуя.

Совсем не Венера Милосская,
И не Аполлон Бельведерский,
Стоит она – жуткая, броская,
Под пыткой рожденная зверской.

Уносится ветер летучий,
Едва только с ней повстречается.
Грозу испытавшие тучи
От вида ее содрогаются.

Над нею небесные своды
Застыли, мигая зарницами.
А мимо проносятся годы
Большими неслышными птицами.

2

А прежде
Он был генералом
С открытой и чистой улыбкою.
А прежде
Он мальчиком малым
Лежал, убаюканный зыбкою.

И столько в глазах его было
И света, и разума ясного,
Что где – то в разбойничьих виллах
Страшились его, как опасного.

И вог, чтобы не было света,
На муки жестокие бросили.
И в статую страшную эту
Навечно его заморозили.

Холодной водой обливали,
Хмелея в неистовой ярости,
На стужу его выставляли
Такую,
Что лопался градусник.

Февральское солнце алено,
Смотрело оно,
Удивленное...
А льдинка на коже
Горела,
А кровь
Становилась студенюю.

3

Зимою,
Весною

И летом,
Тревожа столетье двадцатое,
Над мудрой и древней землею
Стоит необычная статуя.

Над нею небесные своды
Застыли, мигая зарницами.
А мимо проносятся годы
Большими неслышными птицами.

И сколько б мы песен ни пели,
За солнце спокойное ратуя,
Быть может, все песни слабее,
Чем эта суровая статуя.

Пред нею, высокой и броскою,
Рожденной под пыткой зверской,
Притихла Венера Милосская,
Молчит Аполлон Бельведерский.

4

Я слышал: не взятая тленьем,
Встает она в сумерки синие,
С трудом разгибает колени
Покрытые панцирем инея.

И медленно, поступью гулкой
Идет городами и селами
Своею всегдашней прогулкой,
Прогулкой своей невеселюю.

Над братскою давней могилой
Сосной белоснежною клонится,
Заходит в банкирские виллы,
Неся за собою бессонницу.

Вся в блестящих и розовых искрах,
Над жизнью и смертью,
Над вечностью бредет,
Как торжественный призрак,
Зовущий людей
К человечности.

А годы, быстрые годы
Летят, время меряя верстами.
Над миром
небесные своды
Мерцают тревожными звездами.

Александр Мосинцев (Род.1938)

Мосинцев Александр Федорович родился в 1938 году на Ставрополье, в с. Китаевском Новоселицкого района.

Школу закончил в Пятигорске, горный техникум – в Орджоникидзе (нынешнем Владикавказе). Служил в г. Грозном. В Сибири, под Абаканом, работал буровым рабочим и горным мастером. В 1972 году закончил очное отделение Литературного института им. Горького в семинаре Н. Н. Сидоренко.

В разное время на Ставрополье у А. Мосинцева вышли поэтические сборники: «Заречье», «Просторная осень», «Сентябрьское утро», «Провинциальные мотивы», « У света на краю», в московском издательстве «Современник» – «Пора новолуния» и «Арбузный мед». А. Мосинцев – член Союза писателей России с 1974 года. Живет в Пятигорске, Являлся председателем Независимой ассоциации писателей Кавминвод.

Занимая активную жизненную позицию, он пишет: «Если стихи мои получают отклик в сердцах молодых читателей, этого «нового поколения у хижин, то я могу с полным основанием считать, что задачу свою в какой – то мере выполнил. Ведь как ни сбивают сегодня молодежь, у нас, людей старшего поколения, с ней общая судьба. Мы живем в одном времени, имеем одну родину с непростой и трагической историей, нас роднит одинаковое восприятие природы, традиции и обычаи, которые нам надо отстаивать от агрессивного навязывания чужих ценностей и норм жизни. И делать это надо сообща, если мы хотим сохранить самобытную культуру России».

* * *

В худом пальтишке,
В шерстяном платке,
Затянутом на узел за спиною,
Она теперь стоит на сквозняке —
Сиротства воплощение немое.
Сиятельная девочка моя!
Из сумеречной дали довоенной
Спроста глядит, дыханье загая,
На обновленье мира и вселенной.
Окликнуть бы, подать какой – то знак...
Но, взятому удушливой поденкой,

Мне времени не выкроить никак
Для этого забытого ребенка.
Ночь за окном иль брежу наяву?
Кто говорит, что все – таки светает?
В сыром саду зеленую листву
Крупую снежной осень оббивает.
Обещанное снилось, да не мне.
Взгляни, как ветер треплет одежку!
Поэзия похожа на сестренку,
Убитую случайно на войне.

* * *

За городом, в леске овражном,
Где крик вороний не к добру,
Весна дышала снегом влажным,
И псиной пахло на ветру.
И все на свете повторялось.
А между тем жила во мне
Неодолимая усталость,
Упрятанная в глубине.
Давно чужой себе и людям,
Сограждан не боготворя,
Я жил в декабрьской остуде,
В крещенской стуже января.

Война трясла Кавказ надменный,
А над столичным естеством
Витала одурь мысли пленной
И самозванцев торжество.
Тогда от споров и раздоров
Я шел к оврагам и воде,
В лежалый снег, в древесный морок,
От бед чужих к своей беде.
И вновь рождалось, как преданье,
В ознобном хаосе всего
Мучительное пониманье
Предназначенья своего.

Безотцовщина

Физрук наш увлекался марш – бросками.
– Вперед, вперед! – и мы за ним бежим.
И едкими обидными словами
И про себя, и вслух “благодарим”.
По санной унавоженной дороге
От школы до кладбища и назад
В который раз, как будто по тревоге,
Спешит наш ученический отряд.
Бегом, бегом то на гору, то с горки,
Искрится синий свет по сторонам.
Не знает наш физрук, как от махорки
Нутро все выворачивает нам.
А под ноги немая, снеговая
Летит земля, и связи с ней тесней.
Нам жить на ней, трей осознавая
Понятье безотцовщины своей.

И ждать отцов, как ожидают чуда,
И верить, что пока им недосуг.
Но все – таки они придут оттуда,
Откуда возвратился наш физрук.
С большой войны, что заняла полсвета,
Из тех атак, где оторви да брось.
Вот только угадать их по приметам,
Встретаться до сих пор не привелось
Искрится снег до головокруженья,
В глазах плывут цветные миражи,
Для нас физрук был олицетвореньем
Характера мужского и души.
Мы хмурили мальчишеские брови,
Еще не понимая до конца,
Что не “тонял” он к жизни – нас готовил,
Где каждый должен продолжать отца.

На Горизонте 804

И снова март на нас косился чертом,
Со дна карьера поднимался дым,
На горизонте восемьсот четвертом
Мы подвозили воду к буровым.

Сползал наш ЗИЛ по наледи к откосу,
И сразу ощущались за спиной
Все сорок метров,
Где уже колеса
Не властны становились над землей.

Нас было двое: я и дядя Ваня,
Покладистый и верный человек.
Он так сказал,

Что, если вниз не стянет,
То непременно доживем спой пек.

Но буксовали и дымились шипы,
и я, рубашки ворот теребя,
Тянулся к ручке, чтобы из кабины
На крайний случай выбросить себя.
А мой товарищ был не из пугливых.
В прищуре глаз усмешку затая,
Он покосился на меня ревниво
И односложно вымолвил: «А я?»

Дядь Ваня знал: на этом перевале,
Где и от ветра можно онеметь,

Ему из ЗИЛа выбраться едва ли,
А справить труса, значит, умереть.

Был жесток выбор.
По закону братства
Нам полагалось, сердце сжав в кулак,
Или вдвоем в тартарары сорваться,
Или подняться вместе на большак.

Душа поэта

Под буркою лежал он у предгорий,
Гнул ветви ливень, в листьях лопоча,
И секунданты, лошадей прищпорив,
Уже неслись по склону в горячах.

Убит поэт!
По городу летела
Стоустая молва из дома в дом.

Его дождем исхлестанное тело,
Пронзенное свинцом, окоченело.
Поэт был мертв.
Он спал последним сном.

Соединясь с бунтующей стихией,
Душа его металась над землей,
И плавилась деревья вековые,
Вечерней озаренные грозой.

*

Желтым светом залито шоссе,
Склоны гор, речонка, поднебесье.
Вон как и придорожной полосе
Пламенем пылает мелколесье.

Желтые, багряные кусты.
По откосам – высохшие травы.
Эти светлой осен7и черты
Так неповторимо величавы.

Будто в мире все в последний раз,
И уже вовек не повторятся
Листья, осеняющие нас,
Травы, где пернатые гнездятся.

Мы поднялись.
Подрагивали пальцы,
И говорил дядь Ваня не спеша:
– Ты, мастер, на меня не обижайся,
Не будь тебя, и я бы оплошал.

Как воспаленно молнии сверкали.
Но от живых навек отрешена,
Душа в такие уносилась дали.
Каких еще не ведала она.

Не сломленная в тяготах изгнания,
Не зримая уже ни для кого,
Она частицей стала мироздания,
Гармонией и хаосом его.

И на земле, где пелось и мечталось
И верилось наивно в благодать,
Ей, может быть, одна осталась малость –
У гробя трое суток отстоять.

И отлететь, и в небе раствориться,
Умножив звезд пульсирующих рой,
И так над миром трепетно светиться,
Как существо поэзии самой.

*

*

Я не верю в этакий исход,
Не подвластно чувству увядания,
Сердце неожиданно замрет,
Обжигаясь скорбью сострадания.

И горят, горят на сквозняке,
Сколько б мы с тобой теперь не спо-
рили,
Синенькие капельки цикория,
Будто слезы лета в сушняке.

Игорь Романов (Род. 1927)

Игорь Степанович Романов родился в 1927г. в г. Ейске.

В восемнадцать лет Игорь Романов стал водителем тяжёлой военной техники, перевозил грузы и раненых по разбитым японской авиацией дорогам Маньчжурии. Та война с Японией, в которой ему довелось «понюхать пороху», была скоротечной, но впечатлений от пережитого хватило на всю оставшуюся жизнь.

Служил в армии целых семь лет. Когда демобилизовался, осваивал рабочую специальность лепщика, а вечером – школу рабочей молодёжи, ведь до войны успел закончить всего лишь восемь классов.

Ставропольский педагогический институт он закончил, получив диплом с отличием. В стенах института началась его творческая биография.

В 1958 году вышла в свет первая книга Игоря Степановича Романова «Корень зла». Затем в Ставрополе, Элисте, Москве он опубликовал несколько сборников сатиры и юмора, юморесок и литературных пародий, лирических стихов и документальная повесть «Наступление» о мужественных, ярких людях, строивших вторую очередь Большого Ставропольского канала.

Сатирические стихи И.С.Романова, блестящие литературные пародии, юмористические рассказы широко печатались в «Молодом ленинце» под красочной и выразительной шапкой сатирического уголка на газетной полосе «Мойдодыр», во всесоюзном, широко тогда известном и популярном журнале «Крокодил», в центральной печати.

Молодой журналист оттачивал своё перо сначала на страницах республиканской газеты в Калмыкии, затем в краевой молодёжной газете, редактором альманаха.

Итог литературной деятельности И.С.Романова – восемнадцать книг, увидевших свет в разные годы, издававшиеся тиражом в десятки тысяч экземпляров.

Сегодня сплошные потери

Покрытые горестной пылью
Могилы
Мальчишек храпят;
Из жизни уши пофамильно,
Сейчас безымянны подряд.
А дома о них не напомнят –
Награды ли, письма с войны;

На стенах приземистых комнат
Погибших черты не видны.
Лишь где – то тетрадки, портфели
Таятся в комодах – стары.
Они ничего
не успели,
Парнишки военной поры.

* * *
С годами уже круг друзей,
Не потому что каменеем,
А просто чувствуем умнее
Чужих по духу нам людей.

Мы стали сдержанней вдвойне
Сегодня в бойкий час знакомства.
И жестко судим вероломство.
Как и солдаты на войне.

Да не настачишься на всех
Ни злости праведной, ни силы,
Что распирала раньше жилы,
И близко виделся успех.

Но что – то в сердце закипит.
Когда прослышишь весть, что друга

Переломала боль недуга,
А он... всем миром позабыт.

Вдруг на кричащие дела
Махнешь рукою: «Ну вас к бесу!»—
И сквозь табачную завесу
К двери рванешься от стола...

Прислушайся! Природа говорит
На языке негромком, но понятном:
«Для славных дел, смотрите, путь открыт.
И ждет вас гибель на пути попятном!...»

Светла Земля, когда и ливень льет,
И укрывает снег ее безмерность...
Не посягни на красоту ее,
Но присягни ей на любовь и верность.

Поезда сорок первого года

В хатах, избах поблёкшие малость
Фото – ратной поры «салажат»,
«Это всё, что от нас и осталось...» –
Молча губы парней говорят.
Захожу в эти избы и хаты.
Надеваю очки и гляжу.
И опять, пригибаясь, солдаты
К роковому бегут рубежу.
Вот сейчас на высотке запляшет,
Тишину, расколов, пулемёт,
И цепочку бегущую наших
На цветущей поляне сметёт.
Вот сейчас над окопами вскинут
Взрывы веером бурый песок.
Вот осколки настильные мины
С визгом в чей – то ударят висок.
Под огнём наполет, завывая,
Туша танка на бешеный дзот
И крутнётся, круша и ломая,
И на жаркой земле разотрёт.
Вот уронят, пыхтя, бомбовозы
Капли чёрные, цель отыскав,

В.А.Журавлёву
И обмотки на белой берёзе
Трепыхнутся, лохмотьями став.
И в леске молодым без помехи
Фрицы, наш захватив медсанбат,
Будут плоским штыком – для утехи
Добивать безответных ребят.
А с востока, сигнала тревогу,
Эшелоны идут – далеки...
– Вы, ребята, куда?
– На подмогу!
– Помог вам Всевышний, сынки.
Так и вижу:
На запад, на запад
Паровозы думы волокут...
И – теплушек махорочный запах.
И помеченный песней маршрут.
Как басы проводов в непогоду,
Слышу, горестно рельсы гудят –
Поезда сорок первого года
Навсегда в синеву небосвода
Развесёлых
увозят ребят.

Майский праздник ветеранов

Встреча радостна. Горестно слово:
И опять поубавилось нас...
Через год соберёмся ли снова,
Соберёмся ли все, как сейчас?
– Эй, глядите, спешит медсестрица,
А сказали – в больнице опять...
Разровнялись морщины на лицах,
Словно сброшено лет тридцать пять.
– Здравствуй, Фёдор, приветик, Данила!
Ну а кто там прижух в стороне?
И запнулась. И вздох обронила:
– Михаил, иль мерещится мне?
Погоди, дорогой, я поближе,
Я поближе к тебе подойду.
– Ты такая ж, – сказал он,
– Я вижу ...
А ослеп
в сорок пятом году.

* * *
Одна утрата на двоих
Досталась нам с тобой негласно.
О ней не крикнуть,
Не сказать,
Не позабыть на расстояние,
И мы не в силах помешать
Нелепой власти расставанья.
Ещё мгновение одно,
И скорь ладони вознесённой
Увижу я через окно

* * *
В туман
плывущего
вагона...
И навсегда тебя такой
Запомнить суждено мне было,
Чтоб память эту
Ни войной,
Ни целой жизнью не затмило.
Навсегда.

На марше

А мы – то знали правду злую:
Уснул «вояка» на ходу,
Никто не видел, пыль пасуя,
Как тот успел шагнуть вслепую
Куда – то на свою беду.
Он был взбешённым ротным схвачен
У тракта спящим под кустом...
Солдат не выполнил задачи,
Отстал.
В кустах укрылся.

Значит,
Он дезертировал тайком!..
Стихает в памяти бессонной
Война, как долгая гроза,
Не всех припомню поимённо.
Но вижу:
Смотрят удивленно
Парнишки чистые глаза...

Балладе о неистовом соловье

И ничего на свете
Не успел.
Теперь лежал он,
Глядя прямо в небо,
Примяв спиной травы горячий шёлк.

Наверное, в мозгу разгоряченном,
Ещё живом мгновение одно,
Ему явилась облаком Алёна
В прощальном платье
Светло – голубом...

Он столько дней в родной деревне не был,
И вот всего два шага не дошёл...

Победа

До смертного заката,
До рокового дня
Мне помнить вас, ребята,
Простившие меня –
Что выжил,
Битый, тёртый,
За вольность и стихи...
Живым прощает мёртвый
Невольные грехи.
И всё ж всю жизнь, повсюду,
Во все часы и дни
Казниться втайне буду,
Что я, а не они
Шалею от работы,
Смеюсь, люблю, грущу
И ненавижу что – то,
И на судьбу ропщу...
Не я на дне окопа
В песок и в глину вмят.
Не мне стирает копать
С лица рукой комбат,
И под берёзой чёрной
От чёрного огня,
Фуражку скомкав скорбно,
Хоронит

Не меня,
Не я увяз в болоте,
Не я застыл в снегу,
Прописанный в пехоте,
Заклятый враг врагу...
Не счесть братвы зелёной,
Прошедшей горький путь
В десятки миллионов,
Которых не вернуть.
Не отыскать погосты,
Не вспомнить имена.
А вроде бы всё просто:
Тогда была война!

Была, была, конечно,
Да вот – зачем была?
Поныне безутошно
Скорбят колокола.

Но будет память свята!
Не сгинут навсегда –
И личная утрата,
И общая
Беда.

Снова сон...

Снова тебя я увидел во сне,
Странном и глупом, конечно.
Снова придется топить мне в вине
Страх, что любовь бесконечна.

Снова я вижу и слышу тебя,
Чувствую холод ответов.
Снова, пространство и время кляня,
Вязко бегу от рассвета.

Сон – словно жизни вращение зеркал
Светит и слепит мгновенно.
Боль, что, казалось, давно закопал,
Вводит мне сон внутривенно.

Радости свет и страдания мгла
Снова во сне повстречались,
В серость смешались, и ночь отлегла.
Чувства зачем – то остались.

Неровно... но...

Бежим в толпе. Мечтаем быть собой.
Спускаемся в метро, стремясь подняться выше.
Стараемся забыть о чувствах. Даже боль,
О том, что позабыл, становится всё тише.

Для простоты себе поставив цель
Владеть квартирой, женщиной, деньгами,

Вращаем циферблатов карусель
Прошедшими натужными словами.

Очередной десяток жизни разменяв,
Когда – нибудь отбросишь тупость лени.
Смысл жизни неожиданно поняв,
Закрыв лицо, заплачешь на коленях

Белый день. Белый вечер. Белый снег

Белый день. Белый вечер. Белый снег. Черным парусом скользит человек. Всем ветрам и пространствам открыт, Бьётся с волнами тревоги и обид.	Его мысли, его чувства, его взгляд. Только щёки предательски горят! Тают нежные снежинки на щеках, Таёт время на ногах и на руках. Лишь желание удачи впереди Заставляет каждый день, скользя, идти.
Он закутал свою душу в пальто И считает, что не видит никто	

Из страны детства

Рябина.

Посадили мы с папой рябину Во дворе у себя под окном. Долго я перемешивал глину, Подсыпая в нее чернозем. И золы я добавил немного, Как советовал нам садовод, И монетку дружок мой, Серега, В лунку бросил: – Пусть выше растет!.. Но проходит неделя, другая, Вянет саженец ,как неживой. – Вот что, – мама сказала, –	Я знаю: Поливай его теплой водой. И от теплой воды в самом деле Ожил саженец – мама права! А на третьей, примерно, неделе Появилась на ветках листва. И И пошла разрастаться рябина... Утром в комнатах полутемно, А она ко мне веточкой длинной: Не проспи, мол! – стучится в окно.
---	--

Дорога.

У каждой дороги есть тайна своя – Не скажет: в какие уходит края. Она не признается стуком колес, Зачем заскочила на этот откос, Спустилась с откоса И лугом помчала – Где травы, где росы и речки начало. Над речкою долго бежала дорога Под нею пружинила глина немного. Не стала тревожить приют рыбака – Тихонько шмыгнула кустами, В которых почти утонула река С косыми ее берегами.	По жаркой низине спустилась отлого И в тень повернула лесную дорога. Петляла она, задевая стволы, Наслушалась шорохов смутных. Могла заблудиться! Но были светлы Ростки белолисток попугных. Затем по пшенице пустилась густой. И скрылась за дальней лесной полосой. Нам ехать дорогой такой повезло, Которая все не кончалась... Она привела нас в родное село. И– дальше куда – то помчалась.
--	--

Синички в гостях.

Я раньше думал. Что небесным птицам
Не нужно ничего и никогда.
Но дедушка напомнил:
– А кормиться?
В ненастье это – просто их беда...
Теперь я воробьям или синицам
Зимой помогаю и весной,
Такое по душе, как видно, птицам,
Они не прочь и поболтать со мной.
По веточкам моей рябины скачут,
О чем – то звонко спорят по утрам,
И если прилители птицы, Значит.

Ждут не дождутся: что же им я дам?
Мы, кажется, друг друга понимаем:
Меня – синички, а синичек – я;
Мы встретились ненастным пошлым маем
И с той поры – хорошие друзья.
Они на подоконнике мостятся,
Головками кивают мне «Привет!»
– Ну как дела, – я спрашиваю, –
братцы?
Они мне тихим посвистом в ответ:
– А ты уроки сделал или нет?..

Тень славы.

Сочинял давно стихи я,
Но, наверное, плохие:
Ни одной из многих строк
Напечатать я не смог.
А вчера настигла слава!..
Было так: один журнал
Заявил, что я по праву
Первый приз завоевал;
И назначено при этом –
Состоять отныне мне
«лучшим школьником – поэтом», –
Наяву, а не во сне!
Поздравлений сразу столько
На меня свалилось вдрут.

Даже всем постылый Колька
Руку жал как лучший друг.
Хорошо быть знаменитым:
Каждый сразу узнает.
И завидует открыто
Мальшняя – смешной народ.
Всей душой у нас поэтов
Любят, в памяти храня...
Но признаюсь по секрету:
Был не я героем дня,
Это – мой однофамилец
(Если честно, без вранья)
Вырвал премию, паршивец...
Но прославился и я!

Басни

Усердная дубина

Какой – то Умник поручил
Дубине
Найти Виновного
и наказать.
Дубина подтянулась,
выпрямила спину
И ринулась немедля
исполнять.

Прошлась по улице среди прохожих –
Нет на Виноватого похожих.
Тогда,
дубовыми пошевелив мозгами,

Еще прошлась
тяжелыми
шагами...

Виновный – нет,
не кажет носу.
И вдруг заметила:
Прохожий глянул
косо.
– Ага – а – а! –
Дубина вскинулась тотчас
И со всего дубиньего
плеча

Прохожего как двинет между глаз!
Перед беднягой
сразу свет погас.
А Умнику Дубина доложила:
– Выполнен приказ!

Вы не согласны с этим?
Ну да что ж?
Ведь тут Дубина.
Что с нее возьмешь?

Жук, Кругляк и другие

Однажды дело было так:
Навозный Жук
Скатал кругляк —
Обычный,
серый,
неприглядный.
Короче —
самый заурядный.
А от Жука неподалеку
Вертелась бойкая Сорока.
Как подхватила белобока,
Как растрещалась балаболка:
– Ах, ах!
Глядите,
Жук – то наш
Сам сочинил
какой кругляш!
Такой талантливо округлый,
Ну хоть бы где – то выпер угол.
Такого
не встречала сроду.

Жук – настоящий самородок!..
Сбежались звери.
Судят – рядят,
На тот кругляк невинный глядя.
Пришел авторитет —
Медведь
И в лапах ну кругляк вертеть
Понюхал,
Головою покрутил
И, вдумчиво поморщась
заклочил:
– Кругляк,
По – моему,
Пустяк.
Но Жук достиг
Своим умишком ведь!
Талантишкой, дарованным природой!
Что Жук,
конечно,
самородок.

Необходимый

Открытие обдумав до конца,
Заявит он с жестокой прямоюю,
Что сын родной
Не смеет
Бить отца,
Пусть даже
любящей рукою.
Над телефоном,
В самом бойком месте,
Бездумному невежеству грозя,
Табличку
аккуратную
повесит,
Что в трубку, мол,
Плевать нельзя.
Со всей ответственностью строгой

Не устает людей предупреждать:
«На стол прошу
Не ставить ноги!»,
«Графином
Гвозди
Не вбивать!»...

И, заболев,
На смертном ложе,
К нам преисполненный любви,
Простонет горестно:
– О боже!
Что станет
без меня
с людьми?!»

Разнесчастный

Обросший русой бородой
Стоял
С протянутой рукой
Немой,
Слепой,
Едва живой —
Выпрашивал
На хлеб ржаной.
И люди
Шли по мостовой,

И грош бросали трудовой —
Один,
Другой|
На хлеб ржаной
Немому
С русой бородой.

Потом
Веселый и хмельной,
Орал он песни у пивной.

Петушок

Петушок
По птичнику ходил.
Петушок
Эстетом тонким слыл.
— Кука — ре — е — ку! —
Он заявит вдруг,
Глянув
проницательно
вокруг.
— Должен вам сказать,
Друзья мои,
Старомодны нынче
Соловьи.
Я Кукушку слышал.
Ей,
Признаться,
Соловьи
В подметки не годятся.

Слушали.
И млели Петушки,

Восхищались
Дерзостью
Дружки.
Голоса неслись
Со всех сторон:
— Как оригинален!
— Как умен!..

Петушок ходил
В героях дня.
Смелыми
Суждениями
Звенья...

Ах!
Как истины
Ниспровергал
Юный
Петушок — оригинал!

Слон и Кот

Работал Слон уже давно,
Таская за бревном бревно,
На лесоскладе «Главосина».
И надо ж!
Выдумал машину
По переброске древесины.

Слон удивлен,
Слон потрясен —

Гляди,
на что способен он!
И с мыслью поспешил своей
В «Бюро новаторских идей».
Пришёл.
Стучит.
Встречает Кот —
Знаток новаторских работ
(Кота, чтоб мыши не скучали,

В «Бюро» держали).
– Тебе чего?
– Да хошь не хошь,,
А вот состряпал я чертеж.
Взгляни,
Быть может, он хорош?
...М – м – да – а, –
Промурлыкал Кот в раздумье, –
По – моему, разумно
И интересно, безусловно.
Но, слушай,
Ну их к черту – бревна!
У нас на складе,
Если слышал,
Порасплодилось нынче мыши.
А мышь –
Коварна и страшна!
Нет с нею никакого сладу.

Да ты прочел бы, старина,
На этот счет «Мышиниаду».
Дерзни,
Механизируй лов
Проклятых грызунов...
И, развивая мысли ход,
Неутомимый Кот
Заговорил о схеме нор,
Коснулся хитростей мышинных...

Три года минуло с тех пор,
Как Слон принес чертеж машины.
Таскает бревна он,
Как прежде,
А Кот,
Как прежде, тцтит надежду
На добрый путь
Слона упрямого толкнуть.

Подвергли критике Крога

Крот —
труженик, какого не сыскать, —
Был выдвинут
в лесу порядок наблюдать.
Решили вдруг, что Крот того достоин.
А вскоре
началось
такое...

На заседанье лесокомитета
Подвергли критике Крога.
Оратор каждый с пеною у рта
Привлечь
растяну
требовал к ответу.
– Крот близорук! –
басил Бобер. —
Под носом у него на воре
вор!
Да что тут говорить
Лисица
Средь бела дня таскает птицу,

А Крот
И ухом не ведет...
– Вы правы!
Вскинулась Коза, —
Где у Крога глаза?..
Кипели страсти.
Накалялись речи.
А Крот сидел, сугуля плечи,
Уньлое молчание храня.
Тут выкатилась Мышка из – за пни.
– Я здесь живу лишь третий вечер,
И, может, оттого мне
непонятны речи, –
Пролепетала Мышь смущенно,
Напуганная
тишиной
настороженной. —
Но вам не знать ли, боже мой,
Что от рожденья
Крот
слепой!

Практический вывод

В научном учрежденье
Не первый год
Шли яростные пренья
О вкусе
океанских
вод...
Одни в процессе прений
Доказывали:
— Солона пода!
Есть
и была такой всегда!
И это —
вне сомнений...
Другие же
подозревали
Беспочвенность
в сужденье таковом,
И, взвешивая доводов детали,
Прозрачно намекали,
Что у противников —
Познаний легок груз,

Иначе бы они не отрицали,
Что жидкость данная имеет
Горький вкус!
Вбирая мудрые цитаты,
Плодились, как грибы,
трактаты...
Бог весть,
как разрешился бы вопрос,
Когда б
тонуть
противникам не довелось.
Хлебнув морской воды порядком,
Они внезапно сделали догадку:
«А жидкость оная—
Горько – соленая!..»

С повестки дня
спор разрешенный сняли.
А посему позвольте
избежать морали.

Стоял у столбовой дороги
Могучий Пень.
На Пень
Прохожий сел в какой – то день
Чтоб отдохнуть ноги...

До старости
Гордился этим
Пень!

Когда же он
Трухою стал пылить,

Пень

Когда недолго Пню
Осталось жить,
Стал хлопотать
Усердно он,
Чтоб памятник
Ему
Был возведен.
Пусть люди
помнят
старика
Века!

Скорпион

Однажды Скорпион,
Размахивая жалом ядовитым,
Хвалился всем,
как страшен он,
Какая сила в грозном жале скрыта!
Что?
Бык?
Бык для меня – пустяк.

Лишь стоит мне хвостом
вот так
Легонько шевельнуть,
И Бык отправится в печальный путь—
К прапрадедам своим,
Сраженный ядом роковым.
И Лев —
Могучий царь зверей —
Ничто передо мной,
Ей – ей.
Да пусть здесь будет даже Слон,
И он...
Тут расходившийся не в меру Скорпион
Так вздыбил хвост с колючим жалом,
Что острие
в затылок крикуну попало.
И Скорпион,
Издав протяжный вздох,
Заглох.

Мне атомщик
из – за кордона
Напоминает
Скорпиона.

Сергей Рыбалко (Род. 1950)

Сергей Николаевич Рыбалко родился 24 января 1950 года в городе Армавире Краснодарского края.

С 1960 года живет в городе Ессентуки. В 1973 году окончил филфак Калмыцкого университета (г.Элиста), затем учился при аспирантуре в Ленинградском университете.

Сергей Рыбалко – автор более 20 поэтических сборников, драматических поэм о М.Ю. Лермонтове и С.А. Есенине, лирических стихотворений, песен, стихов для детей, очерковой прозы, а также исторических

преданий, кавказских легенд, сказок и притчей

С детских лет, живя на Кавказских Минеральных Водах и путешествуя по Северному Кавказу, его Черноморскому побережью, в живописных горах Карачаево-Черкессии, будущий поэт интересовался кавказским фольклором. Для легенд поэта характерен самобытный национальный колорит, образность, атмосфера старины, сказочности...

Тема Кавказа для Сергея Рыбалко не случайна. Он рожден на этой земле, с детства впитал ее запахи и краски, проникся духом старины, ее легенд и сказаний, по крупицам собирая в аулах и станицах материал для книги и пристально изучая культуру, быт и обычаи горцев и казаков.

Издrevле Кавказ, как сфинкс, смотрел на Россию, а Россия на Кавказ, пытаясь понять друг друга, в ходе вековых взаимоотношений обогащаясь духовными и культурными ценностями. Сергей Рыбалко работает на стыке этих культур и поэтических традиций.

Его произведения получили высокую оценку Р.Гамзатова, Д.Кугультинова, Я. Козловского, А.Губина и других известных поэтов и писателей России. Они рекомендованы министерством образования правительства Ставропольского края в качестве регионального компонента в учебных заведениях при изучении фольклора, истории и культуры Кавказа.

С.Н. Рыбалко – секретарь Правления ставропольского отделения Союза писателей России, лауреат премии краевого Фонда культуры, лауреат литературной премии имени Семена Бабаевского. Награжден Лермонтовской медалью, почетными грамотами министерства культуры правительства Ставропольского края и администрации Кавказских Минеральных Вод «за личный творческий вклад в развитие современной русской поэзии».

Творчество Сергея Рыбалко многожанрово. Его произведениям присущи искренность и доброта, музыкальность и афористичность, глубина содержания и простота формы. Главное в его книгах – это любовь к Кавказу,

к своему краю, желание вызвать у читателя ответное чувство уважения и доброжелательности к горским народам.

*	*	*
За сотни лет немало бурь и гроз, Кавказ, твои извели седины. Здесь каждый камень, каждая вершина Овеяны красой легенд и грез...		И все они – живые письма Былых веков могущества и славы. Их яркий отсвет, жаркий и кровавый, Ложится и на наши времена.

*	*	*
Мне голос был небес Как предсказанье: «Земля Кавказа, Словно древний клад.		Ты лишь копни – И мудрые преданья В твоих стихах Алмазом заблестят.

Орел, терзающий змею

В горах, у снежных перевалов, Где пышно луг альпийский цвел, Гнездо орлиное на скалах С орлицей свил себе орел.	Чтобы свое гадючье жало Вонзить в того, кто был сильней.
И высоко под облаками, С небес нацелив зоркий глаз, Парил он с горными орлами, Следя добычу в ранний час.	И в грудь ужаленный змеєю, Свалился замертво орел В горячий ключ, что под горою Кипел бурля, стекая в дол.
Среди цветов долины яркой, Где речка вызмеила путь, Устав кружиться в полдень жаркий, Он сел на камень отдохнуть.	И вдруг – о чудо! Той водою Омытый, ожил царь долин. И в небо с силой молодою Взлетел, Как гордый властелин.
Но лишь сомкнул в дремоте очи, Сложив усталые крыла, Как, чешуей блестя, меж кочек, Змея бесшумно подползла.	И камнем, сброшенным с утеса, Он пал, раскинувши крыла, Как бы терзая клювом острым В когтях болезнь и силы зла...
Она незримая лежала, Таясь в тени, среди камней,	Вот так, преданию обязан, В предгорном солнечном краю, И стал эмблемой Вод Кавказа Орел, терзающий змею.

Ставропольский губернатор Никифораки

*Все жизни Ставропольской губернии
Никифораки превратил в цветущий оазис*

Глядит с портрета не во фраке, А в эполетах и крестах	Известный грек Никифораки С глубокой думаю в очах.
--	---

Он губернатор Ставрополя,
С бородкой белой и в песне,
Отмечен был умом и волей,
Что проявилось на войне.

Его хозяйский глаз и связи
На губернаторском посту
Край превратили в рай, в оазис,
Создав комфорт и красоту.

Ушли кареты, дилижансы.
Пришли трамвай, поезда.
И потекли господ финансы
Рекой в курорты города.

Взметнули шпиль дачи, виллы,
Дворцы из камня и стекла.

Пятигорск

Как осень нынче в Пятигорске,
Как ярки клены в золоте своем!
В заветный домик, к Лермонтову в гости
Мы по ступеням каменным идем.

Вдали за легкой дымкою тумана,
Горя снегами в синей вышине,
Встает Эльбрус былинным великаном,
Левей Казбек, как всадник на коне.

А рядом, здесь, за шапками каштанов,
Под Машуком беленот корпуса

И красоте, кто был, дивились,
Что за границу превзошла.

Минеральные воды
Для тех, кто нуждается в Водах,
Кто едет лечиться сюда,
Ворота Кавказа – Минводы –
Радушно открыты всегда.

Они принимали когда – то
Людей знаменитых не раз,
Что в строчках воспели крылатых
Тебя легендарный Кавказ.

И в бурке горца царственный Бештау
Собою подпирает небеса.

Осенний день купает в солнце листья,
И современник, видевший певца,
Старинный клен листвою золотистой
Встречает нас у низкого крыльца.

И кажется, хоть в это трудно верить,
Что вот сейчас, не опуская глаз,
Сам Лермонтов откроет настежь двери
И руку всем по-дружески подаст.

Кисловодск

О, Кисловодск! Целебный уголок.
Чудесный край нарзана, солнца, света,
Кто красоту твою увидеть смог,
Навек в душе останется поэтом.

Твой горный воздух, речек быстрых шум,
Звон тополей старинных и высоких
Здесь раз приводит мне на ум
Поручика пленительные строки.

Железноводск

В окружье гор, тропами опоясан,
Лесов зеленой буркою покрыт,
Железноводск – жемчужина Кавказа –
Целебною водою знаменит.

Здесь Пушкин молодой бродил по
склонам.
И Лермонтов провел последний день.
Все также парк в красе густой зеленой
Манит в свою таинственную сень.

Ессентуки

Предгорный край. Леса. Равнины. Горы.
Курганы вековые. Родники.
Каким ты был при Пушкине, мой город,
Прославленный курорт Ессентуки?

Глухой полузаброшенной станицей
В предгорье, среди выжженных степей,
Где ехавшим на воды из столицы
Меняли по дороге лошадей.

Мелькали запыленные кареты.
И там, где шумно пенится река,
В туманной мгле сверкали эполеты
Поручика Тенгинского полка.

Ессентуки... Тенистые аллеи...
Курортный парк ... Когда – то здесь не раз
Звучал в тиши у старой галереи
Шалапина величественный бас.

Пройдя пешком по матушке – России,
Здесь Горький на спектакле курсовом
Со Станиславским встретился впервые,
Тайком слезу стирая рукавом.

Взойдя на театральные подмостки,
Под шум и крики, дерзостен и смел,
Поэт – трибун Владимир Маяковский
Здесь рифмами, как молотом, гремел.
Кавказ, твои красоты освятили
Рахманинов, Прокофьев и Куприн...
Их имена во всей красе и силе
Сияют как снега твоих вершин.

И я горжусь, казачий слыша бубен,
Что цепью гор Кавказа осиян,
Здесь «Молоко волчицы» создал Губин –
Известный о казачестве роман.
К твоей судьбе я с детских лет причастен,
Горжусь тобой, не в силах скрыть тоски...
И говорю: цветы и вечно здравствуй
Мой город – ключ, мой сад –
Ессентуки!

Озеро Тамбукан

У кургана Золотого,
Там, где стелится туман,
Возлежал в шатре шелковом
Гор властитель – Тамбукан.

Взгляд – орлиный, взор- колючий,
Голос грозный, как обвал,
Приводил в смятенье тучи
Трепет всюду вызывал.

Был персидскими коврами
Устлан пол его шатра.
Окруженный уездными,
Он намаз творил с утра.

Ясный лик зари встречая
Из-за гор, среди полей,
Солнцу гривы подставляя,
Табуны паслись коней.

И средь них был конь чудесный,
Конь волшебный, не простой,

Добрых духов дар небесный,
С яркой гривой золотой.

Властелину – великану
Был тот конь дороже всех.
Приносил он Тамбукану
Силу, счастье и успех.

Каждый раз перед денницей,
Тайну вещую храня,
И водою, и скребницей
Слуги чистили коня.

И на месте, где стекала
Грязь целебная в туман,
Чудо-озеро вдруг стало,
что зовется Тамбукан.

С той поры в краю нарзанов,
Как целительная мазь,
лечит всем недуги, раны
Чудодейственная грязь

Почет старикам.

Когда то властью ослеплен,
Забыв о совести и Боге,
Жестокий хан издал закон:
Казнить всех старых и убогих.

«От них, одно ведь, пользы нет -,
Подумал хан, пылая жаром,-
Сидят копят лишь белый свет,
Да хлеб едят задаром».

Вот казнили стариков,
Убив в себе тоску и жалость.
И в ханстве том ни дураков,
Ни мудрых старцев не осталось.

И только лишь один пастух
Отца в кашарне тайно спрятал
От псов паршивых – ханских слуг,
От глаз врагов своих заклятых.

Когда случилась же беда –
Хлеба все в засуху сгорели –
Жестокий хан приказ отдал:
Собрать зерно через неделю.

Где взять его? Как хлеб добыть?
Пойди не сдай – сживут со света.
И сын- пастух решил спросить
У старца мудрого совета.

Отец сказал: «Чтоб хлеб добыть,
Необходимо, сын, вручную
Все муравейники разрыть,
Какие в ханстве существуют.

Там, под землей, сохранено
Собираемое муравьями
На зиму хлебное зерно,
Что можно собирать мешками».

И хан велел тогда разрыть
Все муравейники, что были.
Вот так зерно смогли добыть
И старца все благодарили.

С тех пор жестокий хан прозрел –
Закон издал без промедленья,
В котором старцам повелел
Всем относиться с уважением:

«Никто не смеет обижать
Людей почтенных и убогих.
Их каждый должен почитать
И уступать всегда дорогу».

На протяжении веков
Закон хранят тот с уважением:
Чтут на Кавказе стариков
Из поколения в поколение.

Невинный мыс.

Старинную эту легенду
Поведали мне казаки.
Жила молодая казачка
У быстрой Кубани-реки.

Глаза что две чистых криницы
Под дугами черных бровей
Лукавой и кроткой улыбкой
Она привлекала парней.

Но хмелем за ней увивался
Напрасно станичный кутан
Напрасно седой и богатый
К ней сватался сам атаман.

Любила степная казачка
Не роскошь, не звон кошелька,
А славную волюшку – волю
Да чуб смоляной казака.

В кубанке, лихой, чернобровый
Был лоб ей казак молодой.
И гордая сердцем дивчина
По нем потеряла покой.

От пекарни пахнет хлебом.
Звездный рой вверху кружит.
На огромном блюде неба
Каравай луны лежит.

Вот такой же бархатистый,
С мягкой коркой на столе

По то, как встречалась украдкой,
Как жарко любили они
Лишь ведают лунные ночи
Да в сумраке синем плетни.

Но счастье чужое не в радость
Завистливым злобным умам.
И черное дело задумал
Отвергнутый пан атаман.

Однажды проснулись соседи,
Взглянули – ворота, забор,
Все ставни обмазаны дегтем –
Ужасный бесчестья позор!

Не вынесло сердце казачки,
Ушла она в синюю рань
И бросилась с мыса крутого
В ревущую шумно Кубань.

С тех пор этот мыс называют
Невинным, а город степной
Зовется в народе Невинкой.
Так в память красавицы той.

О хлебе

Хлеб в дому лежит душистый –
Символ жизни на земле.

Из столетия в столетье
Хлеб – основа жизни всей.
В годы бедствий, лихолетий
Он бесценен для людей.

Моя Россия

Когда рязанские поля
Топтал Батый своей ордою,
Когда стоял у стен Кремля
Наполеон, грозя бедою,

Когда опять на Русь, пыля,
Шли танки Гитлера с крестами,
Склонилась ты ль, моя земля?
Упала ль ниц перед врагами?

Нет, никому в годину бед
Ты не сдалась, не покорилась,
Во славу дедовских побед
Ты новой славой озарилась!

Ты эту славу пронесла
На жерлах пушек до Берлина.
Ты мир от гибели спасла,
Как мать в беде спасает сына.

Так почему теперь, губя
За все мученья и печали,
Вандалы подлые тебя
На разграбление отдали?

Но верю я, что Русь спасет
Себя от кризисного шквала,
Как в годы тягот и невзгод
Она весь мир собой спасала!

Сказании о ключах кавказских

История первых отечественных курортов России связана с именами Петра I и Екатерины II, что автор и попытался отразить в «Сказании о ключах кавказских» и других произведениях. «Сказание о ключах кавказских» и «Петр I на Кавказе» написаны в былинной сказовой форме, стилизованной в духе народного фольклора. Они просты, понятны и легко читаются. Сказания-былины раскрывают читателю исторические места Кавказа, связанные с Персидским походом Петра и его освобождением кавказских народов от персидского ига.

То не с Севера
Облако грозное –
Рать Петра надвигалась
Великая.
Перед ней,
Перед силой могучею,
Яко травы-былинки
Пред бурею,

Племена все
Покорно склонялися.
И мурзы,
И шахмалы Тарковские
Выходили встречать
Царя с почестью,
Ему в дружбе
И верности клялися.

Автором хорошо нарисован образ Петра I и его значимость в деле освоения природных богатств Кавказа и минеральных источников:

Слышал я
От лейб-медика
Шобера,
В Пятигорье
«Теплицы Бештовые»,
А повыше
Ключ Кислый имеется.
Вот бы это дознать все,
Исследовать.

Да поставить
На службу Отечеству –
Для здорovia
Лечебницы выстроить.
Край кавказский –
Есть чудо великое!
И за ним зрю я
Славу российскую!

По указу Екатерины II было начато строительство крепостей Азово-Моздокской линии и переселение донских, волгских и запорожских казаков на земли Кубани и Ставрополя для укрепления границ от турок и крымских татар, о чем рассказывает автор в «Сказании о ключах кавказских».

От султан- пашей,
От крымчан - татар
Крепко-накрепко
Запереть Кавказ
А еще завет
Петра помните
С пользой воды искать
Для отечества

Автор книги дает яркие портреты – зарисовки открывателей вод, медиков- ученых, комментируя исторические факты, которые дают возможность представить читателю жизнь и быт первых посетителей вод.

Валентина Сляднева (Род 1941г.)

Валентине Ивановне Слядневой – наша землячка, родилась в 1941 году в с.Надежда.

Как жене военного ей пришлось жить несколько лет в ГДР, в Заполярье, на Урале, где она и началась ее творческая биография.

Валентина Сляднева – автор тринадцати книг, вышедших в Ставрополе, в Москве, в Свердловске. В стихах, рассказах, песнях отразились основные грани ее творческого почерка: красочность и ясность образного строя, мягкий лиризм, стремление тонко и

проникновенно передать неповторимость жизненных мгновений, приверженность малым поэтическим формам, четкая гражданская позиция.

Характерной чертой лирического героя стихов Валентины Слядневой является радостное восприятие мира, удивления перед его красотой и многообразием; вера в лучшее, гордость за свой народ, историю, где есть место подвигу.

Читатели полюбили творчество поэтессы за верность народным традициям, кровную связь с народной речью, за стремление к ясным и возвышенным образам.

Циклы стихотворений о детстве, юности, бесприютной старости, о вопиющей незащищенности «братьев наших меньших» – естественно выражают нравственные искания и поэта, и широкого читателя. Еще в стихах В. Слядневой есть живой интерес к жизни предков, оставивших нам и «родниковые колодцы», чистые как слеза, песни, воспевавшие самые сокровенные думы и чаяния.

Притягательна для автора судьба русской женщины, ее мужество и обаяние. Ее стихи – об умении отстоять землю и трудиться на ней, о неизбежной силе родных мест, о сохранении добра и понимания в любых испытаниях.

* * *

Там, по земле ставропольской, дороги бегут,
Шепчется с Горькою балкою речка Калаус.
Завтра глазами я край свой окинуть смогу—
Так я мечтаю...
Мечта, ты покуда сбывалась!

Очень люблю я, как яблоки зреют в садах,
Как ребятишки чумадые возятся в лужах,
Как возвращаются с пастбищ под вечер стада...
Тянет дымком – хлеборобам готовится ужин.

Как ты красива, степная моя сторона!
Вдоволь согретая ласкою рук работающих...
Память моя, ты под ветром звенишь, как струна.
Лебеди сердца, кто вас остановит, летящих?

Лебеди сердца

Вновь по земле <i>ствропольской</i> дороги бегут. Шепчется с Горькою балкою речка Калаус, И Стрижамент в облаках ковылй стерегут... Милая родина всюду со мной оставалась. Как ты красива, степная моя сторона, Вдоволь согретая ласкою рук, работающих! Память моя, ты звенишь и поешь как струна... Лебеди сердца, кто вас остановит, летящих?!	Там я гуляю под пологом древних небес, Где поселились мои незакатные звезды. – Снова куда ты? – Мне надо лететь позарез – В старый мой дом никогда возвращаться не поздно. Как ты красива, степная моя сторона! Пчелы и птицы кружат над простором манящим... Память моя, ты поешь и звенишь, как струна. Лебеди сердца, кто вас остановит, летящих?!
--	--

* * *

Ой, Мутнянка, ты, Мутнянка, Речка светлая моя! Увези, скорей, степнянка, В незабытые края!	И отцовская литовка Окунается в зарю... Скину туфли. – Будет колко. – Нет, не колко!– говорю...
Где – то здесь – как в прошлом пра- дед – Дед мой делает саман, Где – то здесь, в глубокой пади, Кони выпили туман.	Ты верни мне, речка, радость, Ситчик платья и весну... Ты поила столько радуг – Напои еще одну.

Две звезды

Принесу домой воды Из колодца два ведра, А на донцах две звезды — Каждая звезда светла.	Две звезды моих, звезды В речке с кликами гусей, У дороги, у избы, Посреди вселенной всей!
И, дыханье затая, Я гляжу на них, а мать: – Каждая звезда твоя, Постарайся их достать!	По моей, по чьей вине Не сумела их достать? Но они светили мне – Не того ль хотела мать?

Родимые селенья

И. Кашурову

Надежда, Старомарьевка, Ташла,
И хутор под названием Холодный,
Я вдоль и поперек вас все прошла,
Ассортимент ваш знаю огородный.

Мальчишки забавляются плотвой,
Полей бескрайних красятся квадраты
То в чернь, то в зелень – цвет же золотой
Воспринимают люди, как награду.

И голубятни на примете все –
Так мало их уже сегодня стало!
Хозяюшки – подолы их в росе—
Коров зарею выгоняют в стадо.

В шмелях звенящих, в запахах садов,
В хрустящей ароматности солений...
Как ладно вы под боком городов
Устроились, родимые селенья.

В Ставрополе

Отчетливо видны здесь, как нигде,
Черты эпохи, что стирает грани
Меж городом и сельскою геранью,
И утками, снующими в воде.

Летят такси, троллейбусы идут,
В день завтрашний глядится день
вчерашний...
Невдалеке совсем цветут ромашки –
О, пусть они подольше здесь цветут!

Столкнулись лбами хатки и дома,
Где ввысь на лифте бабушки взлетают,
К тем лифтам уважение питаю,
Признаться вам, давно и я сама.

* * *

Я не очень – то верю в удачу –
Подфартить мне не вздумалось ей!
И всю жизнь по угольям горячим
Я шагаю за песней своей.

Отворяйся, калитка резная!
Выходите, поля и дворы...

Где она – еще толком не знаю.
Схоронилась, видать, до поры...

И о радости вашей, о горе
Буду в сердце искать я слова...
На покинутых кем – то подворьях
До небес вырастает трава.

* * *

Вбираю запах отогретой почвы
В обветренной родимой стороне,
Стремительного метеора росчерк
Имеет продолжение во мне.

И хочется в поток единый слиться
С большою бесшабашною рекой,
И в каждой камышинке поселиться,
Незащищенной,
Временной такой!

Навстречу дню цветы глаза раскроют.
О, сколько дрогнет в этот миг сердец!
У красных роз, у красной нашей крови
Одно начало и один конец.

О чем это звезда затосковала?

* * *

Я в городах почти не вижу звезд,—
Куда они деваются — не знаю...
Наверно, кто — то их в мешке унес,
Чтоб по степи ходить вольготней маю,

И августу, и сентябрю — они
Нужны в просторных вотчинах сайгаков,
А в городах по улицам — огни,
И горожанам их хватает с гаком.
И мне припомнится дворовый пес,
Пчелиный рой, косяя птичья стая...
Я в городах почти не вижу звезд,
И мне всю жизнь их очень не хватает.

Ушел февраль с разгульною пургой.
Теперь у ветерка настрой другой,
И у скворещен птиц слышнее торг —
Другие звуки день весны исторг.
И у меня в душе переворот —
Водой холодной не пугает брод,
В глазах тревог редуют облака,
Опять лучей натянуты поводья...

Светлеют думы сердца — так века
Светлели реки после половодья

* * *

Есть у меня два солнца на земле:
Крестьянка — мать и Родина родная.
И на моем пути не стласться мгле,
Пока они со мной — всегда сильна я!

Им ведом каждый шаг мой,
Каждый вздох,
И честный спор, и малая утайка...

И сделать так — мой самый первый долг,
Чтоб птиц над ними веселилась стайка,
Чтобы медовым запахом несло
С полей цветущих — им, двоим, в угоду...

Чтоб ни одно из солнц не отрелось
От моего существованья сроду.

Руки матери

Стали руки твои грубы,
И деревенеют пальцы...
Но они рубили срубы,
И держали ловко пальцы.
Сколько сеяли и жали!
Ткали холст заветный,
Пятерых детей сажали
На лужок приветный.

Стали руки некрасивы,
Но судьбе в угоду,
Твои руки не просили
Милостыню сроду.
Жить бы вечно беспечально,
Но беда приспела...
Ничего не завещай мне,
Кроме рук умелых.

Журавль

Журавль прибился ко двору,
Изявив крылья в переплете.
Он не пугался детских рук,
Что клали мазь касаньем легким.
И длинный, словно каланча,
Журавль ступал на лук и грядки...
Любил мальчишка изучать
Жильца нежданного повадки.
Он с упоением рисовал

Н.С.Качинскому
И мог успехами гордиться.
Изгиб крыла, спины овал
— Позировать умела птица.
Похолодало во дворе.
Как горек август уходящий!
И, крылья полоща в заре,
Глядел журавль на небо чаще.
Еще зов стаи был далек,
Но крыльев плеск дошел сквозь дрему.

Журавль рванулся, грудью лег
На ветер утренний, ядреный...
И оттого ль, что тосковал
Тот мальчик по небесной птице,

* * *

Прекрасны любимых лица.
Когда б я была ваятелем,
Я только бы их ваяла...

* * *

Он в час осенний рисовал
Изгиб крыла, груди овал
И крыши золотой станицы.

Прекрасны в полете птицы.
Когда б я была охотником,
В них сроду бы не стреляла.

Есть у меня два солнца на земле:
Крестьянка – мать и Родина родная.
И па моем пути не стлаться мгле,
Пока они со мной – сильна я!
Им ведом каждый шаг мой, Каждый
вздых,
И честный спор, и малая утайка...
И сделать так – мой самый первый долг,

* * *

О, Родина моя! В глазах темно.
В тебя бросают стар и млад каменья,
Забыв про все твои “Бородино”
И пушкинское “чудное мгновенье”!

Забыв твои прекрасные слова
О мужестве, о чести и о воле,

Чтоб птиц над ними веселилась стайка,
Чтобы медовым запахом несло
С полей цветущих – им, двоим, в
угоду...
Чтоб ни одно из солнц не отрелось
От моего существованья сроду.

Не поклонившись храму Покрова,
Не побывав на Куликовом поле.

О, Родина моя! Забудь, забудь
Временщиков предательские речи!
Через века лежит твой ясный путь –
Он светом звезд и глаз моих отмечен.

Песня

Ставропольская лирическая

Слова В. Слядневой. Музыка К. Губина

Мое Ставрополье! Цветы твои сроду не вянут!
Прохладные росы в лугах выпадают к утру...
Над полем бескрайним, над травным простором медвяным
Пурпурное платье зари парусит на ветру.

Серебристой ковылью помашет мне степь!
Всхлипнет курай...
Ты как песнь моя! Песнь эту мне петь,
Милый мой край!

Тут в стежки – дорожки навек будет след мой впечатан!
И в блеске ажурном поднялись кругом купыри...
А жатва наступит – машины все мчатся и мчатся,
На склонах – отары, а ягод горстями бери!

Струны спелой пшеницы, терновник у круч
И птичий гай!
Ты в сумятице дней, словно солнечный луч,
Милый мой край!

Прохладные речки, сады к себе вновь зазывают,
Меня отовсюду, к родному крыльцу тополя!
Мое Ставрополье, нигде тебя не забывают,
Поскольку никак невозможно забыть мне тебя.

Серебристой ковылью помашет мне степь,
Всхлипнет курай...
Ты как песня моя! Песню эту мне петь,
Милый мой край!

Пересвет.

Ужель и вправду предо мной
Твой посох, Пересвет?
Прими ты мой поклон земной,
Свидетель ратных лет!
Твой посох невелик, не мал –
Из яблоньки его
Ты сам строгал, тогда не знал
Удела своего.
Реке обратно не потечь!
Ты с глаз клубок – долой:

«Моя судьба – каленый меч –
Не посох мировой!»
Дохнули рати: « Не робей»
Ты глянул на псалтырь,
И – рухнул наземь Челубей,
Ордынский богатырь.
Касаюсь посоха слегка,
А где каленый меч?
Его взяла твоя рука,
Чтоб Русь века беречь!

Изба.

Что за дивная резьба
Огневеет?
Беспризорная изба,
Стань моею!
«Жить на свете без греха –
Век трудиться!» –
Вырезал кто петуха –
Чудо – птицу?
Кто строгал здесь черенок
Для лопаты?
Битый, гнутый,
Быть ведь мог
Мне он братом!

Не осилил он беду
Порку плетью,
И продолжил борозду
Сквозь столетья.
Деревянная изба.
Вся резная,
Чья ты память, чья судьба –
Я не знаю.
Кто сюда спешил домой
С битвы ратной?
...Здесь душа Руси самой,
Незакатной.

Потомкам.

Уйду я в землю. С вами разминусь.
Мелькнет, исчезнет в поднебесье птица.
Ни к чаю, ни к обеду не вернусь,
Никем я вам не буду приходиться.
Судьба подарит вам ручьи, леса
И небеса ,и соловья на ветке,
И в дорогом застолье голоса

Давно ушедших светлоглазых предков,
Что пели песни, собирали мед,
Хранили родниковые колодцы...
Уйду я в землю.
Пусть она живет!
Пусть никаким варягам не сдастся!

Земля отцов.

Ковылевой светлой прядкой
Острый машет мне курган,
Здесь мой предок в смертной схватке
Кончака бросал к ногам.
Шел с молитвою паломник.
Крик летел: « Казнить велю!...»
И на кровника шел кровник
В гневе, словно во хмелю.

И веками богородиц
Здесь задабривал народ,
Чтобы чистым был колодец,
Чтоб поле – у ворот.
Но водица вновь мутится,
И горит в огне изба,
Над курганом кружит птица –
Злая крестная судьба.

* * *

Ручейка веселый ток
Выкликает май зарю.
Пусть зацвел один цветок –
«Луг зацвел!» – я говорю.

Пусть поет одна душа –
Говорю: «Земля поет!»

В речке шорох камыша
И стрекоз неслышный лет.

Рощи утренней наряд.
Поле гречи, поле ржи...
«День хороший!» – говорят.
Я скажу: «Прекрасна жизнь!»

Золотые купола России.

Загорится солнце в небе синем,
Полетят по взгорьям ветерки.
Золотые купола России –
Выплывают, словно маяки.
Не тускнеют в небе купола!
Русь великой и святой всегда была.
Разливают чудный звон колокола,
И сияют золотые купола.
Крестный путь – поможет Бог! –
осилим.
Нам не снился сроду путь иной!

Золотые купола России
Неразлучны с милой стороной.
Не тускнеют в небе купола!
Русь великой и святой всегда была.
Разливают чудный звон колокола.
И сияют золотые купола.
Незакатный свет и негасимый,
Сквозь века Жар – птицами лети!
Золотые купола России,
Неисповедимые пути.

Сергей Сутулов – Катеринич (Род 1952)

Сергей Владимирович Сутулов – Катеринич родился 10 мая 1952 году в Петропавловске (Казахстан). В его жилах много кровей: сербская, украинская, татарская, русская. Дед по линии матери – немец, предки которого приехали в Россия еще до Октябрьского переворота. Деда в 1941 году сослали в Сибирь... Мать прошла через КАРЛАГ. Отец был фотокором ТАСС, кинооператором ЦТ.

Сергей Сутулов – Катеринич окончил школу в городе Пятигорске. Он имеет два высших образования, полученных в Ставропольском государственном педагогическом институте и Всесоюзном государственном институте кинематографии им. С.А.Герасимова.

Участник поэтических сборников «Гончарный круг», «Мое мгновение в мире этом» (Ставрополь). Своим первым стихом считает «Дождь в январе», который «случился» в 1969 году. Так же назвал и сборник стихов в 1999 году.

Игорь Романов, член Союза писателей, пишет о поэте: «Хорошей, талантливой музыки, живописи, художественной прозы, поэзии – никогда не было в избытке. Потому, что подлинное искусство – не поточное производство, а штучное создание по вдохновению. И я всегда был рад появлению одаренной личности, чьи способности дарят блеск чувства, открывают неведомое, помогают, может быть, распрямиться, обрести равновесие... К творчеству Сергея Сутулова – и журналистскому, и поэтическому – я присмотрелся с этой точки зрения давно, ещё в начале восьмидесятых годов, в основном обращая внимание на то, что написанное Сергеем всегда хранит в себе и волнение, и остроту взгляда, что и делает его поэзию притягательной».

Сергей Владимирович Сутулов – Катеринич работал в Пятигорске – на телевидении, в «Ставропольской правде», редактировал первый независимый ежесемичный региона – «45 – ю параллель», писал сценарии документальных фильмов. В настоящее время является главным редактором газеты «Наше Ставрополье». Живет в городе Ставрополе.

* * *

Не знать о городе. Не помнить
Церквей, трамвайного кольца...
Закрытые глаза наполнить
Сияньем твоего лица.
Не слушать города, Не слышать
Его пройц, убийц, калек...

И тихо улыбаться: свыше
Дарован серебристый смех.
Не стынуть в городе. Не мёрзнуть —
Ещё один прощальный круг...
Озноб пронзительный и звёздный –
Прикосновение тёплых рук.

Не знать о городе. Не ведать,
Что жаден, жалок, нежен, груб...
Загадка? Проигрыш? Победа? –
Прикосновенье робких губ.

Не говорить о нём ни слова
Друзьям, жене. Но по ночам
Внимать сначала, вновь и снова
Твоим застенчивым речам.

Вальс расставания

Дуэль – не дуэль?
Дуэт – не дуэт?
А мы не поём.
А мы не свистим.
Давно не поём?
Давно или нет,
Мой милый, усталый мим?

О сонных лесах,
о талых глазах,
Усталый, озябший мим.

Жена – не жена?
Знаком – не знаком?
Давай я спою один –

Дуэт – не дуэль.
Жена – не жена.
А снег нашей музыкой был
Мы пели тогда
о талых глазах...
– И ты мне по – прежнему мил

Попурри на тему запятой

Мелодию забудешь на заре.
Уже затихли третьи петухи...
И всё же разыщи в календаре
Поэта окаянные стихи.

Пытайся говорить как на духу...
Люби, не понимая: «А за что?!»
Обломов, напишите чудаку:
«Россию не спасёт пришелец Штольц».

«Разменивай – довольно мельтешить! –
Язвительную пешку на ферзя...
Загадка безобидная – решить:
«Казнить нельзя помиловать...»
(Нельзя?)

Причуды ослепительных премьер,
Рисунки прозревающей руки
Вернутся бумерангом буриме:
«Версали... вернисажи... васильки...»

А в паузах понюхать табаку:
«Империя, инкогнито, имбирь...»
Онегин, наемкните дураку,
Ужели Вам готовилась Сибирь?!

Какими гильотинами грозят
Тираны, напевая попури:
«Казнить нельзя помиловать...»
(Нельзя!)

Размеры – из разряда полумер.
Внезапные, как майские снега...
Закрывать глаза. Почувствовать барьер.
И выстрелить – на голос! – во врага.

Случайной спичкой чиркни по стеклу,
Сожги, скучая, очерк стукача...
Живаго, объясните старику,
О чём молчит печальная свеча...

Доказывай (тоска и благодать),
Куда ведёт коварная стезя...
Задача одиночества – солгать:
«Казнить нельзя помиловать...»
(Нельзя?!)

Фамилия увязла в букваре.
Оплаканы смертельные грехи...
И всё же разыщи в календаре
Поэта пожелтевшие стихи.

* * *

А ты – по этюднику,
а ты – по этюднику,
как по лестнице,
к загадочным,
неуютно – уютным
гогеновским женщинам.
А ты – по картинам,
а ты – по полотнам,
как по катку,
катишься,
катишься —
к бабам Рубенса плотным,
к малявинскому платку,
к бликам Серова
на девичьем платице...

Озёрами Левитана
непридуманной чистоты
озёрами безобманными
плывёшь к островам безымянным,
на которых поселишься ты.

А ты – по краскам,
а ты – по краскам,
как скалолаз,
карабкаешься,
карабкаешься —
к неистовому, неласковому Веласкесу
и к уголкам рафаэлевых глаз.
А ты – за кисти,

а ты – за кисточки
держишься,
как за трос,
и на руках —
над рекой недоверчивой –
к Пикассо, наивно – дерзкому,
и к Врубелю,
к Врубелю – Демону,
сорвавшемуся со звёзд...

Озёрами Левитана
непридуманной красоты,
озёрами безобманными
плывёшь к островам безымянным,
на которых поселишься ты.

А ты – художник!
Начудишь.
Наворишь.
И наворишь,
как напорочишь.
Тебе тревожно?!
А, впрочем, осень.
Уже очень – осень.
Твоя осень.
Зри, парень!

И краски жёлты.
И цвета жёлты,
как цветы Иван – да – Марьи...

Элегия фа минор

Из печального далека
Долетело эхо разрыва –
Удивилась наивная ива,
Занавеска качнулась. Слегка.
И вальжные облака
Кувырком покатались по склонам,
Оживляя пейзаж законный,
Отутюженный на века.

Изумрудные вензеля
Разыщи в отсыревшей сирени,
Где мерцает в плену светотени
Призрак серого соловья...

Это – мы, это – ты, это – я,
Испугавшись внезапного эха,
Растеряли жемчужины смеха
Безмятежного бытия.

Одиночество ледника,
Потревоженное случайно
Зычным криком и свистом тайным
Волоокого старика?!
Или домысел дурака:
«За горою закат догорает –
Это значит: война умирает,
Умирает наверняка...»?!

Сегодня – «плюс», а завтра – «минус»

Февраль ворует канитель
Январских праздников потешных...
Мороз крещенский пропотел
И скрылся в башенках скворешен.
Едва – рассвет, в окно стучат:
– Чего томитесь, домоседы?
Кончайте умничать, скучать,
Изобретать велосипеды.
И только двери распахнешь,
Покатится из переулка
Торговцев приторный галдеж:
– Халва, айва, с изюмом булка!
Капель не может заглушить
Гудки, шаги, напевы, крики...
Лукавый бес замельтешит
– Начнет душить метелью дикой.

Опять ударят холода
– Через недельку – запяжью.
Чему зеленая звезда
Нетерпеливо салютует?
Зачем, поверив в чудеса,
Стреляют врозь, поодиночке,
Нацеленные в небеса,
Созревшие до срока почки?
Трудись, мятежный Водолей:
Земля твоею влагой дышит...
Десант веселых снегирей
Краснеет на просохшей крыше.
Февраль – повеса, обормот
Забылся.
Оттепель – как милость.
Он точен – до наоборот:
Сегодня – «плюс», а завтра – «минус»

Рождество – 2000

Версия «Лексикон»,
Словно дряхлый комод...
Выскочи на балкон:
«Батюшки! Новый год!»
Радостно одному –
Брошенный, как пятак...
Клином на Колыму
Мыслей плывет косяк.
Холодно. Горячо.
Хохотом душишь стыд.
«Come in», – ворчит сверчок.
Он за камином спит.
Выключи телефон –
Можно на целый век.
Рубрика:
«Божий сон».
Версия:
«Человек».
И шпочка над столом –
И тысячу Ильичей...

Скоро покинешь дом
Царственных рифмачей.
Вольно верстай судьбу:
Свечи, вуаль, Версаль.
Точка. Тире. Табу!
Водка, селедка, Сальск.
Выруби патефон
Точно на слове «Ночь». I
Паспорт Графа «Дракон».
Лекция «Сын и дочь».
Празднуй безумный сплин.
Синий кружится снег.
Радиус именин,
Чистых, как первый грех.
Вечное волшебство.
Десять заветных тем.
Рубрика:
«Рождество».
Версия:
«Вифлеем»

* * *

Тут каждый был шутом и королем...
Великое искусство –
пить чай:
Потеть, сопеть, таская самовары...
Тоску по золотистому аисту

Разменивать на треньканье гитары.
Подробности забудутся.
Пустяк –
Чайнка на зубце резного блюда...
Наука самоварничать –
грустя,
Соседу еду ненароком улыбнуться.

Мгновения лукавства и любви.
Ах, рожицы пузатого уродца...
Великое искусство –
визави
Подначивать: «Водича из колодца».
Веселый бесшабашный хоровод
Варенья, плюшек, фантиков, печенья
«Еще ведерко!» –
«Дел невпроворот...» –
«Гречишный мед...» –
«Останусь до вечерней...»

Лю – били меня...
Лю – били!
Любимцы...
Лю – убийцы...
(Любимая, убитая
улыбкою – улиткою...)

Ласкали меня —
оскалился.
Тисками меня —
истасканный...
Любили зубасто —
лю – били меня.
На скалах лобастых

Услышав краем уха:
«Не кури!» –
Молчанием гасить косые взгляды...
И не попад поддакивать:
«Кюри – Мария, Пьер,
распады – как награды...»
Два профиля,
смещенные лучом,
Бликуют от расплавленного солнца...
Искусство посудачить ни о чем
У крохотного круглого оконца.
Сумей дожидаться розовой зари
В компании друзей и самоваров...
Наука откровенно говорить
Не требует священных мемуаров.
Тут каждый был шутом и королем:
Паясничал, печалился, чудесил...
И если мы нечаянно умрем,
То в чае замечательно воскреснем!
...И, сугки продержавшись на пари,
На годы уберечься от искуса –
До одури чаевничать –
творить
Пустое, но высокое искусство

Из записной книжки

Ильич облиял.
(Нежнейшая, не гейша ты!
Простейшая, как бутылка...)

Лю – били меня...
Лю – убили!
(В утиль бы).
Польнюю – по рылам!
По лицам! Лю – убийцы...

А лебедь безглавый,
что церковь без купола.
Молебен отстукали.
Польнюю запахло.

Колыбельная женщине

Печаль под образами.
Печати под глазами.

Озябшими слезами
Вы многое сказали.

(Знаю, знаю, знаю:
карты биты...
Замираю.
Замерзаю
от обиды).

Дремучая наивность.
Дремавшее найтё.
Попробуйте – усните:
Приснится синий ливень.

(Помню, помню, помню
розги улиц...
Как покорно,

как легко мы
разминулись).

Слабеющие веки.
Рифмованные годы.
Седеющие ветки.
Опавшие восходы.

(Спите? Спите. Спите! —
Вот и славно...
Беатриче.
Нефертити.
Ярославна).

Одноклассница

Эта девочка – дерзкая тайна моя.
«Чур – чура, немчура!»
«Эй, Сугулый из Тулы!»...
На дурацкую фразу: «Махнём на моря!»
Оглянулась и сразу —
полжизни смахнула.

Обо мне и о ней в небесах пропоют.
В лагерях благари пятый месяц гугарят.
Уходя – уходи,
наплевав на уют!
Подожги клавишин. Не забудь про гитару

Эта девушка – главная тайна моя.
Никоткуда взялась.
В никуда исчезает...
Одуванчик на льдине.
Погасший маяк.
И фальшивая нога, что скрипку терзает.

Обо мне и о ней во дворах говорят.
При дворах и царях
пять веков проклинали...
«Изменяя тебе, изменяет наряд!».
«Примадонна!» «Нацистка!»
«Богиня!» «Каналья!»...
Эта женщина – давняя тайна моя.
И – смешная зарубка
на старом крыльчке...
Для того, чтоб она не вернулась, моля,
Я зажгу перед Господом тысячу свечек!

Обо мне и о ней в букварях наугад,
В словарях наобум академики шарят...
Корабли у причалов ещё стоят —
Пять веков, пять секунд —
на краях полушарий.

P. S.

Капельки крови —
божьи «короф – фки» —
Из вены медлительным менюэтом.
Как скажет
в двухтомнике
бодрый биограф:
«Большая. Личная. Драма. Поэта»...

Борис Тилинин (Род 1937г.)

Родился Борис Васильевич Тилинин 14 июля 1937 года в селе Михайловское Ставропольского края.

Окончил среднюю школу №2 в родном селе Шпаковском (бывшем Михайловском). Здесь же начал трудиться на железнодорожной станции. Потом была служба в армии, о которой он вспоминает с благодарностью, и участие в освоении целины.

Окончив Ставропольский сельскохозяйственный институт, Б.В.Тилинин работал директором совхоза, потом начальником Шпаковского районного жилищного управления.

Его самобытный талант проявился еще в детстве, на улице, где он сочинял добродушные или язвительные стишки для друзей. Какими бы ни были эти стихи, товарищи Бориса боготворили, а это внимание усиливало творческую энергию.

Под влиянием своих учителей Щербань Зинаиды Алексеевны и Николая Васильевича начал печататься в районной газете, в журнале “Урал”, коллективных сборниках. Книга стихов “Свет предвечерний” - единственная у этого самобытного поэта. Многие произведения Бориса Тилинина переложены на музыку композитором Николаем Васильевичем Аполоновым.

Живет сегодня Борис Васильевич в родном селе, на улице Мельничной, куда ведут десятки тропинок тех, кто КРАСОТУ любит, ВЕРУ почитает, ЛЮДЕЙ уважает.

Родное село

Было время когда – то –
Вслед за первой звездой
Мрак окутывал хаты
Темнотой неземной.

И короткое счастье
В каждой хате свое,
Заходило не часто
Хлебом черным в жильё.

Унесли эти годы
Детство, юность отца,
Как весенние воды,
Снег с земного лица.

Не видел я это,
Да о том не тужу –
С петушиным рассветом
На село выхожу.

Вижу солнца осколки
У столбов на плечах.
Посчитай – ка их, сколько
Добрых ламп Ильича!

Мне все ближе и ближе –
Этих улиц простор,
Нет соломенных хижин,
Зелень радует взор.

Был, как ржавь, словно рана,
Яр на теле села,
Пыль мели там бураны –
Роща здесь поднялась.

Чудо – площадь, фонтаны,
И дыхание роз,
Обнялись на полянах
Стайки белых берез.

Ивы головы клонят,
Ветры скорбно кричат:

– Я в аллее героев! –
В честь погибших сельчан...

Вы шагнули в бессмертье.
Память Вас сохранит!
Вам взлетел в верховье
Стеллы стройный гранит.

Сердцу в радость, не скрою,
Что герои, как Вы,
Вновь ведут за собою
В пламень жизни живых.

Пой мне, степь!

Солнце, раскаленное в полнеба,
Медленно зажгло костер – закат,
Выкупалось в зыбком море хлеба
И ушло с работы подремать.

В золоте умытыми глазами
Из – под мягких облаков – бровей
Кинул месяц взгляд свой над полями –
Звездный блеск подтаял, стал бледней.

Веет с балок легкая прохлада,
Рай в траве незримых скрипачей.
Степь моя! Суровую балладу
О себе пропой ты мне звончей.

Прошуми родными ковылями,
Вспомни всех героев Октября.
В память им разлейся за полями
Из тюльпанов алая заря.

Помечтай со мной о реках светлых
И озерной синей тишине,
О дождях, полуденных, заветных,
Поласкавших ветром по спине.

Пусть поют тебе дожди и грозы,
Плачет в радость зорюшка росой.
В облаках парит, небесных розах
Жаворонок с песнею – красой.

Чтобы вечно ранними утрами
Напевала песнь издалека
Ароматом
теплыми цветами,
запахом парного молока.

* * *

Тихо шепчется лес осенний,
Лист роняя в сухой бурьян,
Знаю, знаю: я не Есенин,
Но, как он, от березок пьян.

Очарован природой русской,
Дорог мне и уснувший лес.
Не хочу светиться тускло –
Мне б гореть, гореть до небес.

Песней греть отгоревшие рощи,
Оживить ей пески пустынь,

В яркий день превратить бы ночи,
В изумруд пшеницы – полянь.

Ой желанья, мои желанья,
С улетевшей песней мечты...
Промелькнула молодость ланью,
Отшумела осенней листвою.

От нее я все дальше, дальше,
Мысль расчетливей и холодной.
Зерна песен, ростков недавних,
Унесу я с людских полей.

Не устану

Не устану любить я
До старости, право,
И тропинки мои,
И луга, и купавы,
И кусты, и развилки,
И пастбища эти...
Был я счастлив,
Что бил меня
Крыльями ветер!

Завтра вновь поутру
Я обрадуюсь птице
И упругому колосу
Спелой пшеницы,
Кругосклонам,
Зажженным лазорикам
Алым,
И тропинкам моим,
И лугам, и купавам.

Мальш

Блещат смородинкой глазенки,
А губки – мака лепестки.
Стесняют вот пока пеленки
Движенья маленькой руки.
На все глядишь пока с вопросом.
И речь неведома пока,
И мир знаком тебе, курносый,

Еще сквозь запах молока.
Расти, мальш,
Познай науки,
Отдай им много – много дней.
Пусть будут золотыми руки,
На счастье щедры, для людей.

* * *

Любовь сопровождает нас века.
Она для нас, как поднебесье птицам.

Нам из ее святого родника
До смерти пить и сроду не напиться

Слова

Меня ругала мать за шалость,
За скачку на лозе – коне.
А у отца во взгляде – жалость
По отношению ко мне.
А провинюсь – опустит плечи,
Уйдет, молчание храня.
Хватил бы плеткой

– Было б легче,
А то сжигает стыд меня.
Я понимал: он молча судит
– Характер, значит, был таков.
Порой в молчанье больше сути,
Чем в говоренье многих слов.

Сыны степей

Сыны степей, сыны ветров,
Судьбы вы лучшей не просили,
Когда в морозы стыла кровь,
Над степью вьюги голосили.

И зелень мягкую, как шаль,
Соткало солнце косогорам.

Но голубей и шире даль,
Парит земля, ласкает взоры.

Заблеял весело сакман,
Резнясь у солнца на ладонях.
И с тихой радостью чабан
В воспоминаниях утонит.

Думы пахаря.

Заждались озимые снегов,
Позади и слякоть, и туманы.
Ветер – гость каспийских берегов –

Налетит ночным бураном.
И опять тревога в сердце бьет:
– Как там в поле нежные росточки?

Выдержат ли пыльный перелет
Черной бури в схватке жестокой.
Словно в лихорадке и огне
Пахарь долго не смыкает очи.
Думы пахаря знакомы мне,

Как и он, тревожусь среди ночи.
Как и он, с тревогой ожидаю
Я последний вздох зимы в полях,
Во дворе метель, а я мечтаю
О весенних голубых дождях

* * *

И поет ночами
Степь у Бешпагира,
Повела плечами
Все забылось в мире.

Где же ты, гармошка?
Где костры июня?
Юностью немножко,
Ветерок, подуй мне.

Потому ребята
Умолкают скромно,
А трава примята,
А душе не темно.

Уж роса упала,
Зорька звезды тенит,
И сама устала,
И рассвет торопит.

Степь

Степь жемчужными росами
Умывает лицо.
Пахнет степь сенокосами,
Может, здесь пел Кольцов?

Не в твою ли он молодость
Был мальчишкой влюблен?
Не твоим цветом – золотом
Был певец опьянен?

Не твоими ли травами
Околдован он был?
Не твои ль песни плавные
Косарям подарил?

С песней шли не оттуда ли,
Не от алой зари?
С молодецкою удалью
На покос косари?

Степь такая ж красивая:
Кумачовый наряд
К ней влечет с новой силою,
Каждой встрече с ней рад.

Геннадий Фатеев (1934-2005)

Геннадий Семенович Фатеев писал: «Мне повезло с родиной. Село Красногвардейское, где я родился 8 мая 1934 года, было в прошлом центром Медвеженского уезда на Ставрополье». Среднюю школу окончил с золотой медалью. Выпускник Московского института культуры.

Работал на Крайнем Севере – на Чукотке, и в Магадане, по возвращении на Ставрополье – в редакциях краевых газет «Молодой ленинец», «Ставропольская правда», главным редактором краевого книж-

ного издательства и издательства Фонда культуры. Руководил краевыми журналистской и писательской организациями.

Первые стихи написал в 1948 году, учась в седьмом классе. Автор двенадцати книг стихов и прозы, изданных в Ставрополе и Москве: «У ледяных широт России» (1961), «Вечный огонь» (1968), «Доктор Алексеев» (1969, 1986), «Вторая высота» (1973), «Преследуется по закону» (1979), «Майский дождь» (1980), «Баллада о земле Ипатовской» (1984), «Краскомы гражданской» (1987), «Россия – жизнь моя» (1989), «Глядит Россия на Кавказ» (1993), «Корона Ариадны» (1997).

Поэтическая мысль поэта – живая, образная, критическая, он зрелый певец родного края, певец жизни простой, обыденной, без излишнего пафоса героики труда. Он знает и любит село, сердце поэта признательно своей малой родине, в разлуке с ней он тоскует по ней, вновь и вновь возвращается в мыслях к памятным местам, туда, где прошли детство и отрочество.

Геннадий Семенович Фатеев занимается переводческой деятельностью. Многие его стихи переведены на другие языки. Русскими композиторами на стихи Геннадия Фатеева написано около 250 песен. А песня «На станции тихой», созданная с композитором И. Грибулиной, на всесоюзном конкурсе «Песня – 78» отмечена первой премией.

Стихотворения его проникнуты глубокой любовью к родному краю, его природе и людям, их самоотверженному труду. Об этом говорят названия многих из них – «Благодарный», «Прасковья», «Будённовские улицы», «Ладовская балка».

Поэт был полон творческих планов и уверенности в достойном будущем России:

Страна моя. Великая страна.
И все ж не стыдно гордиться
Я верю, что духовность возродится
И светлые наступят времена.

За заслуги в области культуры Геннадию Семеновичу Фатееву в 1987 году присвоено почетное звание Заслуженного работника культуры России. За вклад в развитие национальных литератур Северного Кавказа и миротворческую деятельность в 1995 году поэт награжден орденом Дружбы. Геннадий Семенович – Почетный гражданин села Красногвардейского.

Ипатовцы

Таких наград ни у кого и не было: Ослепнешь, если в праздник их надеть. Как будто опрокинулось полнеба И звездами осыпало людей.	Они сумели встать над облаками, Прославив и родную степь, и край. И держат загорелыми руками Над всей державой солнца каравай.
---	---

Красногвардейское

Затерянное испокон веков Среди степей тоскливого безбрежья Лежало над рекой Егорлыком Селение с названием Медвежье.	Оно стояло с пальцем на курке. С ним враждовали белые станицы. И в помощь голодающей Москве Крестьянин слал последнюю пшеницу.
--	---

И каждый, уподобившись кроту, В земле копался и не видел дали. Односельчан моих за темноту Медведями в округе называли.	И сколько б лет ни минуло с тех дней, И сколько б наши нивы ни рожали, Тот красный хлеб был для страны важней, Предшественник советских урожаев.
--	---

Да только время перемен пришло, Из Питера сюда добрался кто – то. И стало наше сонное село Столицею Медвеженского фронта.	Любовь к земле, ты – чувств больших венец, Ты наши души наполняешь с детства. И в честь таких солдат, как мой отец, Село теперь зовут Красногвардейским.
--	---

Бурлацкие крыши

Степи. Ни укрыться, ни напитокя, Языком ворочаешь едва. Крыши из зеленой черепицы Издали зовут, как острова.	Безымянный фантазер в Бурлацком Крыши обрядил в зеленый цвет.
---	--

И спешишь к манящим крышам этим, И глядишь на них из – под руки. Может, так когда – то на рассвете К Каспию шагали бурлаки.	Пусть, мол, каждый путник издалека Видит их сквозь марево степей. Плещут родниками стекла окон И манят прохожего к себе.
--	---

Он сиял для них в далекой дали, В изумрудно – голубом дыму. Люди мало доброго видали И ушли от Волги на Куму.	Нет давно художника на свете, Что свой труд фантазией скрепил. И остался навсегда в секрете Тот рецепт волшебных черепиц.
--	--

Только климат был и здесь неласков. Но, живя мечтою давних лет,	И сегодня степь скупа на ласки, Хоть устал, немного дотяни: Зеленеют над селом Бурлацким Крыши, как заветные огни.
--	---

На станции Тихой

В окошке вагонном – то поле, то речка,
То город далекий, то роща мелькнет.
У станции с тихим названием «Овечка»
Состав замедляет стремительный ход.

А люди живут здесь такие земные,
Растят урожаи и ждут поезда.
И помнят, какую бывает стихия,
И знают, какую бывает беда.

Пылали цистерны, и клубы густые
Высокое небо закрыли собой,
Но мирные люди, сельчане простые
С бедою смертельною вышли на бой.

* * *

Поля, поля, где от хлебов светло,
Где звезды над комбайнами лучатся.
Прости, мое заветное село,
Что мы с тобой встречаемся не часто

Листовою шумят серебристые вербы,
Мальчишки бегут босиком по росе...
В той битве суровой огонь был повержен,
Да только домой воротились не все.

В окошке вагонном – то поле, то речка...
Над братской могилой пылает звезда.
На станции тихой с названием «Овечка»
В минуте молчанья стоят поезда.

Над мирными крышами ласточки
вьются,
И мирное солнце встает за рекой.
И в наших сердцах навсегда остаются
Отдавшие жизни за этот покой

Здесь воздух, как парное молоко,
И тяжесть лет мгновенно пропадает.
А на душе спокойно и легко,
Как только на родной земле бывает.

Буденовец

Еще плывут к нему из ночи темной,
Из юности далекой, огневой,
Стремительные рейды Первой конной
И опаленный флаг над головой.

Еще порой мерещатся засады
И помнятся беседы у костра.
Где это все? У зернового склада
Старик с винтовкой ходит до утра.

И мыслями он весь – не в настоящем,
А в прошлом... Полон мужества и сил.
Как будто лет далеких разводящий
Послал в наряд, а заменить забыл.

Исправно бродит целыми ночами,
А днем тревожно дремлет в тишине.
В историю ушли однополчане,
Лишь он один, как прежде,— на войне.

Потомки рубят лес и горы рушат,
Их корабли стартуют ввысь в дыму.
А он все служит и исправно служит
На должности, назначенной ему.

И ждет, что нападут из ночи темной,
И защитит он к схватке огневой
Стремительные рейды Первой конной
И опаленный флаг над головой.

Светлоградский хлеб

Может быть, пшеницы здесь такие,
Может, у людей – особый дар.
Сколько я ни ездил по России,
А вкуснее хлеба не едал.

Ароматы нив, собравшись вместе,
Возродились в здешнем калаче.
И колдуют женщины над тестом
У больших и огненных печей.

А когда заря покинет небо
И людей работы позовут,
Каравай солнечного хлеба
По всему району поплывут.

Вкусен он всегда: с борщом и чаем,
На почетном месте хлеб в дому.

Он тепло и ласку излучает,
Ту, что люди отдали ему

Он вобрал степи красу и силу,
За него не жаль любых наград.
Я бы хлебопеков всей России
Привозил учиться в Светлоград.

Благодарный

Что ни дом – по колена в цветах,
Что ни сад украшенье округи.
...Благодарный. За что тебя так
Нарекли? За какие заслуги?

Я ведь помню тебя и седым:
Не зеленым, а белым от пыли.
Здесь пески, заметая следы,
Облаками по улицам плыли.

Задыхаешься от духоты.
Но в какое ни стукнешь оконце,

Поднесут тебе кружку воды,
Молока подадут незнакомцу.

Много в реках воды утекло.
Новостройками воздух расколот.
Ты сегодня уже не село,
А растущий над пашнями город.

В ночь дневные сияют огни,
Ты красивей с годами и лучше.
Но прошу я тебя, сохрани
Благодарную сельскую душу.

Константиновские крылечки

Есть в русских селах местные приметы,
Народ в сердцах их бережно хранит.
Они передаются, как заветы,
От прошлых поколений – в наши дни.

Обычный парк тенистый возле речки,
Как в сотнях сел – такая ж молодежь,
Да только в Константиновке крылечки,
Каких и в целом крае не найдешь.

Не знаю, кем задуманные в прошлом,
Они – реклама. Видно по всему,
Коль на ступеньках красочна дорожка,
Невеста подрастает в том дому.

Сватам и женихам бродить не надо
И провожатым выдавать на чай.

Взойди лишь по дорожке той нарядной
И в дверь стучи. Смотрины назначай.

Минует свадьба с пением и пляской
И с пожеланьем счастья на сто лет.
И навсегда замажут коврик краской
В унылый, будто будни, серый цвет.

Все меньше в Константиновке кры-
лечек,
Где на ступеньках писаны ковры.
А значит, нет невест, они – далече,
И не взорвутся свадьбами дворы.

Та учится, та строит – шлет приветы.
Стареют наши села без девчат.
И умирают милые приметы
И па крылечках – грустная печать

Левокумское

Я не был в Левокумском лет пятнадцать. По пустырям шагнули улиц стрелы,
Сегодня время свидеться пришлось. И мазанки былые снесены.
И одного не ожидал, признаться, Забыв суровые ветров напевы,
Что в путь – дорогу двинется село. Живут в тепле скитальцы чабаны.

Оно лежало в стороне от трассы, Вдыхая здешний воздух полной грудью,
Прижавшись к умирающей Куме. Вдруг понимаешь мудрость наших дней:
И словно вдруг преобразилось разом: Далекое село выходит в «люди».
Светлей, красивей стало и прямой. С разлукой это чувствуешь ясней.

Прасковья

От названия чем – то давним веет. Солнечной энергией в бокале
Что навеки в прошлое ушло. Навсегда прославилась она.
И за что назвали Прасковеей
Это винодельное село?

Может, был веселый нрав у бабы, У Кумы – реки по знойным скатам
Взгляд пьянил кого – то озорной. Виноградный плещется прибой.
Может, как вино, кружила слабым Сердце прасковейского муската –
И нестойким головы весной. Солнце над степною стороной.

Прасковья. Вы о ней слышали? Здесь вином особым гостя поят.
Марочного русского вина И хранит оно на много лет
И янтарь родного Ставрополя, И Прикумья сказочный букет.

Ногайский чай

Аул ногайским Эркен – Юрт – К столу сажали и везде
Прибрежное селенье. Мне чай несли в пиалах.
Здесь пет пи мазанок, ни юрт,
В квартирах веселее!

Быт кочевой давно угас, Ногайский чай. Он, как бальзам,
Людей удобства маши. Любую хворь развеет.
У каждого на кухне газ, С ним лучше видится глазам,
Антенны над домами. И кровь бежит резвее.

Сервантов блеск и зеркала, В нем нежных листьев аромат
Из тюля занавески. С добавкой разных специй.
Все власть народная дала, Ногайцы бережно хранят
Хорош уют советский. Секрет заварки с детства.

Я по гостям ходил весь день, Мы чтим их поварский талант
Бесед велось немало. И пьем души не чая.
Дымите вечно на столах
Пиалы с древним чаем!

Буденовские улицы

Опять иду по городу степному,
Сбегающему к светлой Буйволе.
Растут дома микрорайонов новых
Среди вчерашних пастбищ и полей.

Со всех сторон акаций белых пояс.
Стоит Буденновск на виду времен.
Но весь как историческая повесть,
И в то же время в завтра устремлен.

Здесь улиц имена строги и вески,
Живет в них революции поря.
По Ленинской, Октябрьской и Советской
Шумливая шагает детвора.

Здесь память о бойцах неугасима,
И смерть не оборвала их маршрут.
Большевики Прикумья Павел Прима,
И Калабеков с Гирченко живут.

И юные душою не грубеют,
Чужую помня радость и беду.
Вот площадь, где Ивана Кочубея
Казнили в девятнадцатом году

А город рвется в степь лесами строек,
И верится, что, слава наши дни,
Он имена сегодняшних героев
В названье новых улиц сохранит.

Аксакалы

В шляпах им белого войлока,
Что закрывают лбы,
Сидят старики глубокие,
Похожие на грибы.

В каждом горском селении
Им особый почет.
Любит их население,
Знает наперечет.

Тихой такой семейкою
Сидят у домов родни.
Что – то они кумекают
Спорят о чем – то они.

Есть у аула каждого
Правило, как закон:

Люди простые и важные
Им отдают поклон.

Если ж не поздороваться,
Им не подать руки,
Значит, не поздоровится,
Встрелят люди в штыки.

Будут слова с накалами,
Станут врагами друзья.
Мудрыми аксакалами
Пренебрегать нельзя.

И обвинять здесь некого,
Слишком велик их сан.
Старость для нас, как зеркало,
В ней отражаешься сам.

Стоит в степи акация

Где нежными березками,
Суровый край забыт,
Неяркая, неброская
Акация стоит.

Непросто здесь держаться ей
Злой ветер, как тиран.
Стоит в степи акация,
Грустит по вечерам.

Весною ленту белую
Она в косу вплетет.
И руки огрубелые
Потянутся вперед.

Но друга не дожидаться ей —
Суровые места.
Стоит в степи акация,
Земная красота.

Не будят крики трубные,
Ее скупых ветвей.
Досталось счастье трудное.
Акации моей.

Она стоит, не кается,
Что не ушла в леса.
Стоит в степи акация,
Зеленая коса.

Город Солнечный

Возле зарослей подсолнечных,
По колена в землю вбит,
Указатель «Город Солнечный»
Посреди степи стоит.

Здесь девочки белозубые
Дарят взгляды с эстакад.
И, горя на солнце зубрами,
МАЗы девушкам гудят.

Он уже наметан вешками
И заборами прошит.
Он продут ветрами вешними
От подножий до вершин.

Все впервые. Все здесь заново,
Плод фантазии и рук.
В электрическое зарево
Обратился чей – то труд.

Молодых ведут параболы
Из родных далеких мест.
Здесь знакомятся с прапрабами,
Ищут будущих невест.

За дорогой за проселочной
Встали трубы до небес.
И сияет город Солнечный,
Раздвигая ночь окрест.

* * *

Одних людей баюкали леса,
Других моря, как нянечки, качали.
А я в глуши «медвежьей» родился,
Где каждый день молитвою встречали.
Ни деревца, ни кустика порой.
Одно лишь зноем выжженное небо.
А все же здесь звучало, как пароль,
Приветствие: «Бывайте вечно с хлебом!»
А здешний хлеб, известно всем давно,
Для человека радостен, как праздник.
По всей Европе славилось зерно,
Возращенное на Северном Кавказе.
Я в жизни много повидал краев,

И расставаться с ними было жаль мне.
Но сердце и тоскует, и поет,
Когда к селу родному подъезжаю.
Знакомые до боли деревца,
Как обещанье встречи свет оконный.
А рядом – над могилою отца —
Стоит плита, как знамя
Первой Конной.
Не выбираем родину себе,
Но если б все же выбор предлагали,
Я взял бы эту, что в моей судьбе,
И никакая не нужна другая.

* * *

На земле, где чудес так немало,
Есть родная душе сторона.
Та, где жизнь подарила мне мама,
Где меня ожидает она.
И священным навек стало поле,
Где в хлебах обелиски стоят.

Дорогое мое Ставрополье,
Ставрополье – песня моя.
И опять меня голосом трубным
За собою зовут журавли.
Без тебя мне в разлуке так трудно,
Как без первой и верной любви.

Пушкин в Ставрополе

Привыкший к хмурым непогодам невским,
Полубольной, с царями не в ладу,
В июньский день в кругу семьи Раевских
Стоял поэт у степи на виду.
Внизу Таш'ла среди камней журчала,
Незримым соком полнились сады.
И от гостиниц, словно от причалов,
Тянулись вдаль колесные следы.
Он наблюдал за утра пробуждением
В чужом, еще не познанном, краю.
А завтра – двадцать первый день рожденья.
Как птицы здесь торжественно поют!
И вдруг он вскрикнул: – Посмотрите, вижу!
Сияя, словно слиток серебра,
Над горизонтом, что жарою выжжен,
Сияла величавая гора.
Как много Пушкин посвятит Кавказу!
Но и до сей гордимся мы поры,
Что первую о нем воскликнул фразу
Со ставропольской Крепостной горы.

* * *

Поля, поля, где от хлебов светло, Где звезды над комбайнами лучатся, Прости, мое заветное село, Что мы с тобой встречаемся не часто. Здесь воздух, как парное молоко, И тяжесть лет мгновенно пропадает.	А на душе спокойно и легко, Как только на родной земле бывает. И сколько б лет пургой не замело, Здесь вдохновенье черпаешь и силы. Как хорошо, что есть мое село. А без села и не было б России.
---	--

Есть в мире город, южный город

Есть в мире город, южный город, Частица Родины моей. Он из полей стремится в горы, Весь в ожерелье тополей.	Не раз вокруг поля дымили, Жестокий враг дома крушил. Да только грозы не сломили Его людей, его души.
Он весь теплом и светом залит, Рекой цветов чарует нас. Твоими, Ставрополь, глазами Глядит Россия на Кавказ.	И мне другой судьбы не нужно, Чем та, которую живу. Люблю я этот город южный, Я с ним во сне и наяву.
Опять на горке Комсомольской Стою у вечного огня. И биографией геройской Волнует Ставрополь меня.	И в двести лет он так же молод, Весь в ожерелье тополей. Живи и здравствуй милый город, Частица Родины моей.

Куда бы я от дома не уехал...

Куда бы я от дома не уехал,
Какие б ни увидел чудеса,
В моей душе всегда звучит, как эхо,
Родная степь, в которой родился.

Мне слышатся колосьев переборы
И жаворонков трели в небесах.
Ковыльные и хлебные просторы –
Страны моей и гордость и краса.

Со мною степь тоскует и смеется,
Своим теплом спасает среди вьюг.
А птичий клин по небу тянет солнце,
А журавли зовут меня на юг.

Где воздух от ветров чуть – чуть про-
горклый,
Акации вздыхают у реки.
Где степь стоит, как мама, на пригорке
И долго смотрит вдаль из – под реки.

Акации цветут в Каясуле

Акации цветут в Каясуле,
На их зеленых шапках – белый кивер.
В каком еще ауле иль селе
Вы встретите акации такие?

Я прожил на земле – за пятьдесят,
За эти годы повидал немало.
Узнал, как тучи пыльные висят
И степь от зноя корчится немая.

Меня судьба бросала и сюда –
Навстречу суховеям злых ударам.
«Каясула». По – русски «Где вода?»
Селенье называется недаром.

Я помню хилых мазанок ряды.
Акации, как будто инвалидов.

Как тяжело им было без воды:
Ни запаха, ни грации, ни вида.

А вот теперь, как будто неба дар,
Поднялись к солнцу рощи непокорно.
Все потому, что терская вода
Деревьям этим оmyвает корни.

Неповторимый, стойкий аромат.
И пчелы в небе трудятся с рассвета.
Не зря, наверное, люди говорят:
Нет меда не земле вкусней, чем этот.

В степи Ногайской стало веселей:
Благоухание над каждой крышей.
Акации цветут в Каясуле.
И далеко окрест их запах слышен.

Сухая Буйвола

Укрылись в тучи зори и закаты:
Февраль на солнце нынче не богат.
Предупреждает радио: «Накаты
На трассе Благодарный – Светлоград».

Свистят ветра. И кружится поземка.
Округа от пурги белым – бела.
А в балке – крыши сельского поселка,
Что все зовут Сухая Буйвола.

Два с лишним века – в званье аксакала –
Глядит село в обветренную степь.
Оно намного возраст обгнало
Азово – Черноморских крепостей.

Какие героические были
Его хатенки в памяти хранят?
У серых плит дрожат святые крылья
Немеркнувшего Вечного огня.

С кавказских войн, с победы русской силы
Столетия в историю смело.
А посмотри, как молодо, красиво
Старинное российское село.

Здесь отливают голубым с зеленым
Добротные кирпичные дома.
А по селу многоголосым звоном
Шумит и пляшет русская зима.

И школьники на настоящих конях
По снежной целине летят в тиши.
Ну где еще вы встретите такое
В наш век, обезумел от машин.

Пусть этих лошадей лихая пляска
Красуется на улицах села.
Как русская волнующая сказка,
Живи всегда, Сухая Буйвола.

Я люблю тебя, осень

Я люблю тебя, осень,
Наша светлая грусть.
Я люблю тебя очень,
Золотистая Русь.

В деревенских колодцах
Леденеет вода.
К югу тянется солнце,
Вслед летят холода.

Как невеста, одета
В дорогую порчу.
Осень даже не лето
Поменять не хочу.

Над озябшей рекою
Бьет озноб камыши.
И пшеничное поле
Затихает в тиши.

Отсыревшие тропки.
По низинам туман.
День безумно короткий,
Как любовный дурман.

Урожайна ли оземь,
Предсказать не берусь.
Я люблю тебя, осень,
Я люблю тебя, Русь.

* * *

Хоть мудрей
становимся с годами,
Удивляться не перестаем.
Новый день
кому – то счастье дарит,
А кому – то горе придает.
Жизнь, ты –
бесконечное движенье,
Счастье –
как мгновенье, как обман.
Кто – то достигает
положенья,
Кто – то рухнет,
крылья обломав.

Жизни сущность
не объять сознанием,
Ей чужды довольство
и застой.
То она за ложь
поднимет знамя,
То за правду
постоит горой.
Жизнь. Люблю
твоих людей и лето,
Горы, реки, небо, синеву.
Не ищу я у тебя ответа –
Горе ты иль радость.
Я живу!

Молчат сурово мраморные плиты

Молчат сурово мраморные плиты
И надписи уже едва видны.
Однажды навестить друзей убитых
Привел солдат из дальней стороны.

Шагал солдат и узнавал лишь небо,
А больше ничего не узнавал.

Он тридцать лет в степном поселке не был,
Хотя душой здесь каждый день бывал.

Вот где – то здесь он со своим отрядом
Поклялся не покинуть рубежи.
Друзья легли в могиле братской рядом,
И лишь ему врачи вернули жизнь.

Стоял солдат, оплакивал, как близких,
Односельчан, оставленных в бою.
И вдруг он прочитал на обелиске
Среди других фамилию свою.

«Да жив я, жив!» В висках свинцом
стучало,
«...жив!» – повторяло эхо, как ответ.

И даже смерть друзей не разлучала
Все эти тридцать от бессмертья лет.

Страна моя. Великая страна.
И все ж не стыдно нам тобой гор-
диться.
Я верю, что духовность возродится
И светлые наступят времена.

Песня журналистов

*Стихи Геннадия Фатеева
Музыка Валерия Кушнарева*

Журналист по натуре боец,
Целый мир изучить ему надо.
И туда, где огонь и свинец,
Мы шагаем с военными рядом.
И читателям правду неся,
Кровью сердца ведем репортажи.
Не любить нам работу нельзя,
Это жизнь беспокойная наша.

Нам с тобой еще много идти,
По земле обелисков и строек.
Каждый день – это встречи в пути
Каждый шаг – это поиск героев.
А бывает редакция вся
Ждет вестей репортеров пропавших.
Не любить нам работу нельзя,
Это жизнь беспокойная наша.

День опять отшумел, отзвонил,
Ночь пьянит ароматом акаций.
До рассвета не гаснут огни,
В окнах наших бессонных редакций.
Пусть трудна наша служба, друзья.
Все равно не найти ее краше.
Не любить нам работу нельзя,
Это жизнь беспокойная наша.

Витислав Ходарев (Род. 1939)

Витислав Васильевич Ходарев родился 19 сентября 1939 года в станице Вольской Кировского района на Ставрополье. Детство и юность поэта прошли в станице Лысогорской Георгиевского района.

После окончания горнопромышленной школы служил в ракетных войсках, был корреспондентом газеты «Ленинская правда» в Георгиевске, художником

и секретарем комсомольской организации в колхозе «Советская Россия», помощником капитана противопожарного корабля на Каспии.

Витислав Ходарев закончил юридический факультет Кубанского государственного университета. Долгие годы работал в органах МВД СССР. Подполковником в отставке возглавлял бюро пропаганды художественной литературы Ставропольской краевой писательской организации.

Романтик по натуре, он побывал в пустыне Каракумы и на БАМе среди таежников. Его творчеству присущи пристальное внимание к сельскому пейзажу, бережное отношение к истории Отечества, к вчерашнему и сегодняшнему дню Ставрополья.

Витиславом Ходаревым написано четырнадцать книг. Он лауреат двух литературных премий: им. Семена Бабаевского и Николы Фурнаджиева (Болгария).

В. Ходарев – терский казак, и казачья тема ему близка. Казачеству в разные годы посвящены поэмы «Высота Толстова», «Фронтовая полоса», «Станица», «Казачий круг», «Казачья любовь», «Казачьи сны», другие поэмы и стихи поэта как ранее опубликованные, так и вновь написанные. Витислав Ходарев был инициатором возрождения казачества на Ставрополье, первым председателем созданного для этого организационного комитета. На мемориальной плите, установленной на Крепостной стене в Ставрополе, можно прочитать строки из его стихотворения «Память о казачестве бессмертна, подвиги казачества в сердцах».

Поэзия Витислава Ходарева наполнена правдой, благородством и добром, неподдельной честностью.

Витислав Ходарев является членом Правления, Секретарем Союза писателей России, председателем краевого отделения Союза писателей России. Он заслуженный работник культуры Российской Федерации, почетный член Пазарджикской писательской организации Союза писателей Болгарии.

Я край родной узнаю по полям,
По лесополосам, по необъятным пашням,
По ставропольским чудо – тополям
И по курганам, и по храм нашим.

Я край родной узнаю по земле,
По красоте девчат свой край узнаю,
По корке хлеба с солью на столе,
По говору казачьему узнаю.
Я край родной узнаю по стихам,

По песням и воде узнаю сразу.
По шуму рек и сказочным горам,
С орлом, парящим в небе над Кавказом.

Я край родной узнаю по весне,
По звездам в небе, по широким далям.
Я край родной узнаю и во сне
По радостям,
По горю,
По печалям.

Минута молчания

Беда явилась. Разомкнулось небо.
И бомбы обвалились на Чечню.
И вновь дома оставлены без хлеба,
И удержу нет смерти и огню.

Чего бы нам, седым, ни говорили,
Не принимает сердце всякий сказ.
Ведь натворили, вон что натворили –
Несчастья навалились на Кавказ.

Несли земное зло в Чечню открыто
Враги ее, уродуя Страну.

Виновны в том не только ваххабиты,
Причастных больше – их бы на войну!..

Теперь груз «двести», «триста» всем
известен,
Ребята наши, как мне жалко Вас!
Вошли в стихи вы и вошли вы в песни,
От нашей боли поседел Кавказ.

К нам счастье никогда не возвратится.
Конечно, нет... Держу в руках свечу!
Отголосила новый день станица,
Я у надгробья скорбного молчу...

Песня

Немало лет мне душу жжет
Та песня, всем знакомая.
Она и нынче нас зовет:
«Вставай, страна огромная!»

Та песня шла сквозь смерть и страх
От города до города.

Да и теперь слезой в глазах
Вскипает песня гордая.

Не раствориться песне той,
Не отзвучать мелодии.
Она – как Гимн страны родной,
Как вечный плач истории.

А я в любовь земную верую

А я в любовь земную верую,
И с давних дней, не в первый раз,
Зову своей любовью primero
Тебя, мой Северный Кавказ.

Тебя, с закатами, с рассветами,
С полями вдаль, с полями вширь.
С твоими новыми победами,
Мой властелин, мой богатырь.

Люблю твои дороги пыльные,
Твои нагорья и поля.
Их называл – мои любимые,

В далеком детстве, помню, я.
Люблю просторы дивные
И васильки, что нет синей.
Их называл – мои любимые,
В недавней юности своей.

Люблю Кубани воды сильнее
И родников лесных напев.
Их называю я – любимые
Теперь, заметно поседев.

Промчат года, как в поле всадники,
В другую пору, и без нас,
Как мы полюбят наши правнуки
Тебя, мой Северный Кавказ.

Крепостная стена

Память прежних веков
И походов былых,
Ты нужна человеку
Для песен и книг.
Ты мне очень нужна –
На казачьей земле
Крепостная стена.
Ты пришла из веков
Ты собой закрывала
Мой край от врагов.
Вот бойцы твои,

Как глаза без ресниц.
Опалили, наверно,
Их вихри зарниц.
Крепостная стена,
Ты из прошлого весть –
И нужна нам такая,
Какая ты есть.
Ты – святая печаль
Ставропольской земли.
Смотрят в тихую даль
Все бойцы твои.

У памятника Коста Хетагурову в Ставрополе.

Немало лет с поры той миновало,
Когда в казачьем городе Креста
Ходил поэтов южных запевала –
Великий сын Осетии – Коста.

Писал стихи, круглые эпитафии,
Иконописцем был – гордился тем...
В святом саду Андреевского храма
Собрал немало строчек для поэм.

Оставил горы, саклю, (так случилось),
В других краях дороги он искал.
На то была, конечно, Божья милость –
Он в Ставрополе крылья обретал.

Стою, на памятник Коста взирая, –
Поэт в Черкеске, слитые уста.
И в камине остается грусть земная,
В тебе, незабываемый Коста.

Юбилей

Я благодарна вам, мои друзья,
За то, что много лет мы вместе были.
И лишь теперь вдруг осознала я,
Что вы калитку в жизнь мне отворили.
Мне кажется, что я еще вчера
Цвела, пылала, вольная, как птица.
Но молодость теперь давно ушла
И только в доброй памяти хранится.
Не раз сурово грудь терзала боль
И гневом жизни, и большой обидой...
Но кто был другом – вовсе не ушел:
Остался рядом он с душой открытой.

О Боже Праведный,
Ты сохрани друзей!

Константин Ходунков (Род. 1929)

Константин Ходунков родился 20 мая 1929 года в селе Орловка Каргатского района Новосибирской области. Учился, работал, служил в армии, женился все там же – в далекой могучей Сибири.

В послужном списке были самые разные профессии – от рабочего до художественного руководителя районного Дома культуры. Но однажды в его жизни все изменилось. Он с семьей переехал жить

и работать в Ипатовский район – на Ставрополье.

Южный край поразил воображение коренного сибиряка.

Константин Ходунков – поэт в душе и наяву, он успешно продвигается по партийной служебной лестнице, работая на партийных должностях в Ипатовском и Красногвардейском районах, позже – в краевом комитете КПСС.

К. Ходунков – член Союза писателей России, член Союза журналистов РФ. Писать он начал рано, но по – настоящему занялся этой работой после выхода на пенсию. В 1995 году был издан, а через два года переиздан его роман «Жестокий век» и далее один за другим выходят сборники стихов, очерков и рассказов: «Низкие домики», «Очнитесь, люди», «Здравствуй, новое тысячелетие» и другие.

Ой ты, Русь моя

Ой ты, Русь моя, Русь бескрайняя.
Вся душа твоя поизранена.

Из конца в конец люди мечутся
При отечестве, вне отечества.

У границ твоих рыщут вороги.
Над тобой парят, кружат вороны.
На твой дивный лик ночь спустилася,
Небо синее помутнилось.

Где ж девалась вдруг твоя силища,
Мать сердечная, мать – кормилица?
В один миг тебя обесчестили,
Обескровили злые нехристы.

Старики в беде задышались,
Дети сирые в страхе маются.
Лишены они крова отчего,
Вся душа у них – кровоточена.

Отчего ж ты вдруг надломилася
Иль перед Господом провинилася?
И теперь кругом твой больной народ
Пьет отравушку, будто сладкий мед.

Ой ты, Русь моя, как случилось,
Где ты с поступи, с ритма сбилася?

Да вернется ль к нам солнце красное,
Небо синее, небо ясное?

О, Россия моя!

О, Россия моя, о родная земля,
Я люблю тебя нежно и искренне,
Я не знаю других, кто б тебя так любил,
Но боюсь, не смогу это высказать.

Все ощутимее тревога

Слетел в историю на нервах
Двадцатый, беспокойный век.
И вот сегодня двадцать первый
Берет в грядущее разбег.

Стучат неистово колеса,
И поезд века, как шальной,
Раскачивая штольни, рвется
В объятия бездны роковой.

Как смерч, как демон многокрылый,
Выписывает виражи.
Летит с неуправляемой силой,
Под ним все сущее дрожит.

Летит, вобрав в свои вагоны
Все, что царило до него,

Летит, стучит на перегонах,
Увы, не ведая того:

Что вдруг земля под ним качнется.
И он, несущийся вперед,
Громадой тяжелой содрогнется
И птицей раненой с откоса
На камни острые падет.

Все ощутимее тревога
За этот бег и нашу жизнь.
И крикнуть хочется, ей – богу:
О кормчий, о притормози!

Да вразуми, насколько можно,
Как нам на скорости шальной
В сей век необычайно сложный
Не сбить с орбиты шар земной.

У Родного очага

Как птицы из дальних краев,
Где долгие дни коротали,
Вновь в гнездышко рвутся свое,
Спешил я сквозь время и дали
Все прелести юга оставив,
В село, что с рожденья мое.
Последний пройдя поворот
Тропинки, знакомой доньне,
Я снова предстал у ворот
Усадьбы, что нет и в помине,
Где дым перед вечером синий
Не вьется который уж год.

И ожили струны души,
Как будто к чему – то святому
Я сердце свое приложил...
А я лишь приблизился к дому,
К тому очагу дорогомому,
Где трудное детство прожил.
Ударил в лицо ветерок,
Где стиснуло жгучей тоскою,
И будто холодный упрек,
Мне тополь, посаженный мною,
Кудрявой потрянув головою,
К ногам бросил желтый листок.

Отчие просторы

Низкие домики, снегом покрыты,
Будто кораблики, в даях открытых,
В небо струящийся сизый дымок
Сердце доньне сжимают в комок.

Милые, тихие, невыразимые,
Отчие гнездышки, Богом хранимые!
Много я видел на свете мудреного:
Волны кипящие, пальмы зеленые,

Виллы, дворцы и дома – исполины,
Только не к ним я прирос пуповиной.

К вам, да к бескрайним снегам этим белым
Сердце мое навсегда прикипело.

Родина

Я так соскучился о снеге,
Пушистом снеге, серебристом,
О залихватском санном беге,
О банке с веником душистым,
О мхах седых и сизых росах,
Неторопливой речке синей,

О жарких летних сенокосах
И вечно зябнувшей осине,
О срубах хат, смолистой елке,
О бесконечной русской шире,
О журавлях, о перепелке,
О красоте моей Сибири

Красота Земли

Жизнь наша безгранично хороша
В своем разнообразии широком:
У каждой песни есть своя душа,
У каждой речки – нравы и истоки.
Леса сильны сплетением корней,
Пустыни – непомерно тяжким зноем.
Металла твердь рождается в огне,
В труде – таланты, гении, герои.

С лучом весны течет березы сок.
Скользят на север птичьи вереницы.
Из почки пробивается листок,
Вбирает силу зернышко пшеницы.
Во всем есть жизни тоненькая нить –
Биение невидимого тока,
Все это мы обязаны хранить
Как сердце наше, как зеницу ока.

Старая Береза

Я помню нашу старую березу,
Что в землю, словно жилами, вросла.
Я вижу, как она, роняя слезы,
Согнулась у околицы села.

Ее сечет безжалостная осень,
Ей все труднее стать свою хранить,
И хочется мне все на свете бросить
И перед нею голову склонить.

Отчий Край

О, незабвенный край родной,
О, даль чарующих просторов!
Своею красною весной,
Своей щемящей белизной
Ты мне сегодня трижды дорог.
Здесь, у гряды Кавказских гор,
Где яростны в июле грозы,
Мне снится твой смолистый бор,

И постаревший отчий двор,
И землю рвущие морозы.
Твои осенние луга,
Осенний плач туманов синих,
И в землю вросшие стога,
И тихой речки берега
Меня зовут, зовут поныне.

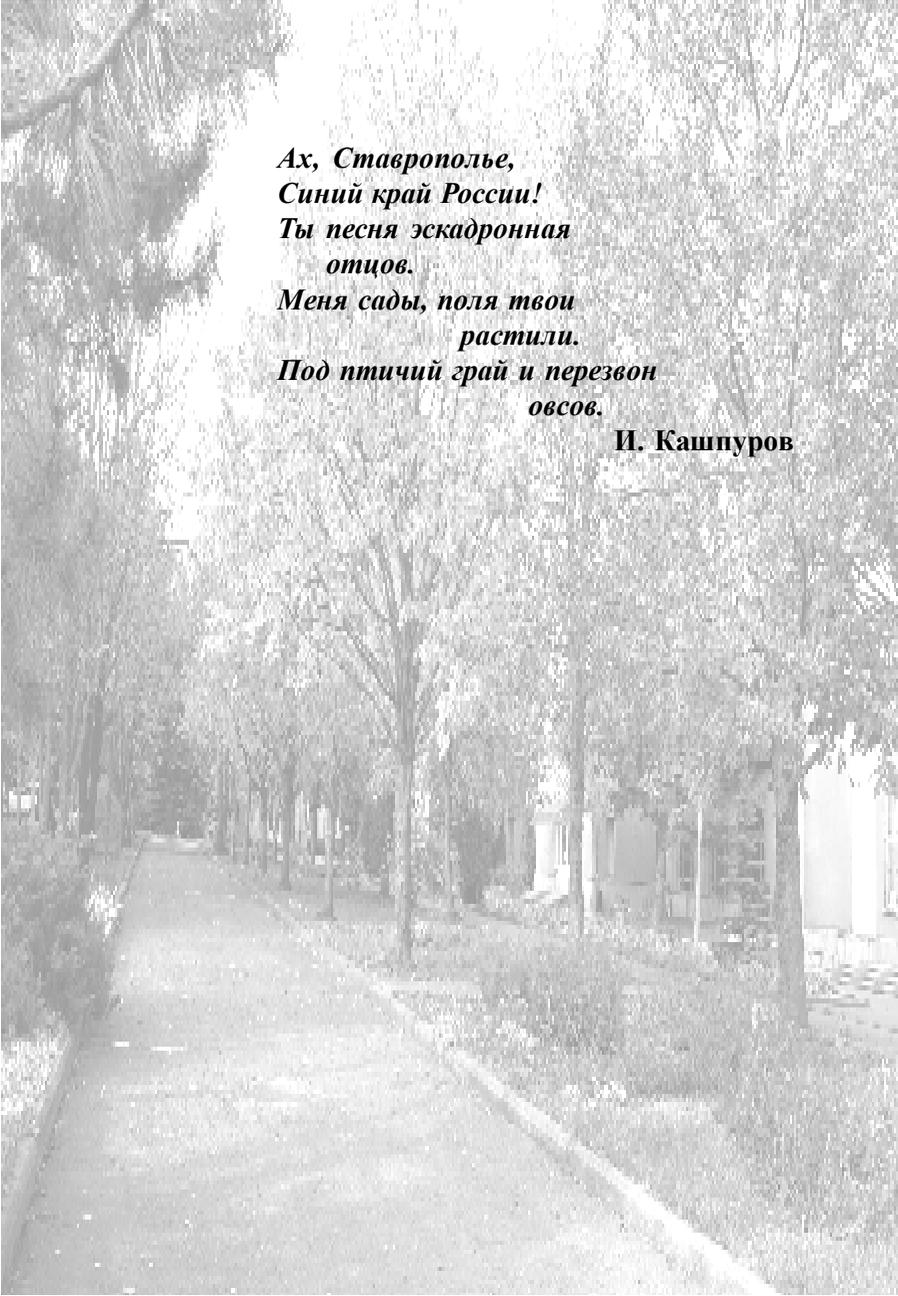
Кавказ

Здравствуй, чудо земли,
Красота без прикрас,
Богатырь – исполин,
Легендарный Кавказ.
Шли татары ордой,
Шли заморские львы,
Только ты удалой

Не склонил головы.
Средь утесов литых,
Средь лучей серебра
Пораскинулся ты
Самобранкой добра.
Сколько славных имен
И грустя, и любя,

Как чарующий сон,
Воспевали тебя.
Здесь могучий Шота
Мыслью в небо взлетел,
Грибоедов мечтал,
Гордый Лермонтов пел,
Восхищались тобой
И твоей красотой
Чавчавадзе седой
И великий Толстой.
Твой задумчивый лес,

Твой загадочный лик,
Будто отблеск небес,
В мою душу проник.
Как святыня святынь,
Ты и севера синь,
И пьянящий восток,
Ты и отблеск дождь,
И легенда среди скал.
Кто не видел тебя –
Много тот потерял.

*Ах, Ставрополье,
Синий край России!
Ты песня эскадронная
отцов.
Меня сады, поля твои
растили.
Под птичий гай и перезвон
овсов.*

И. Кашпуров

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
Нина Авраменко	8
Вениамин Ащеулов	13
Сергей Белоконь	22
Иван Белоусов	24
Ян Бернард	28
Владимир Бутенко	34
Семен Ванетик	37
Владимир Гнеушев	39
Алексей Градинар	46
Александр Екимцев	51
Елена Иванова	62
Андрей Исаков	66
Станислав Касперский	78
Иван Кашпуров	80
Татьяна Корниенко	92
Владимир Кудинов	94
Анатолий Маслов	100
Валентин Марьинский (Растеряев)	108
Александр Мосинцев	115
Игорь Романов	118
Сергей Рыбалко	129
Валентина Сляднева	137
Сергей Сутулов – Катеринич	144
Борис Тилинин	150
Геннадий Фатеев	154
Витислав Ходарев	165
Константин Ходунков	168

Издается в авторской редакции
Компьютерная верстка П.Г. Немашкалов

Формат 60x84 $\frac{1}{16}$	Усл.печ.л. 10,12	Подписано в печать 1.12.09
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Уч.-изд.л. 9,69
		Заказ 191

Отпечатано в ООО «Бюро новостей».